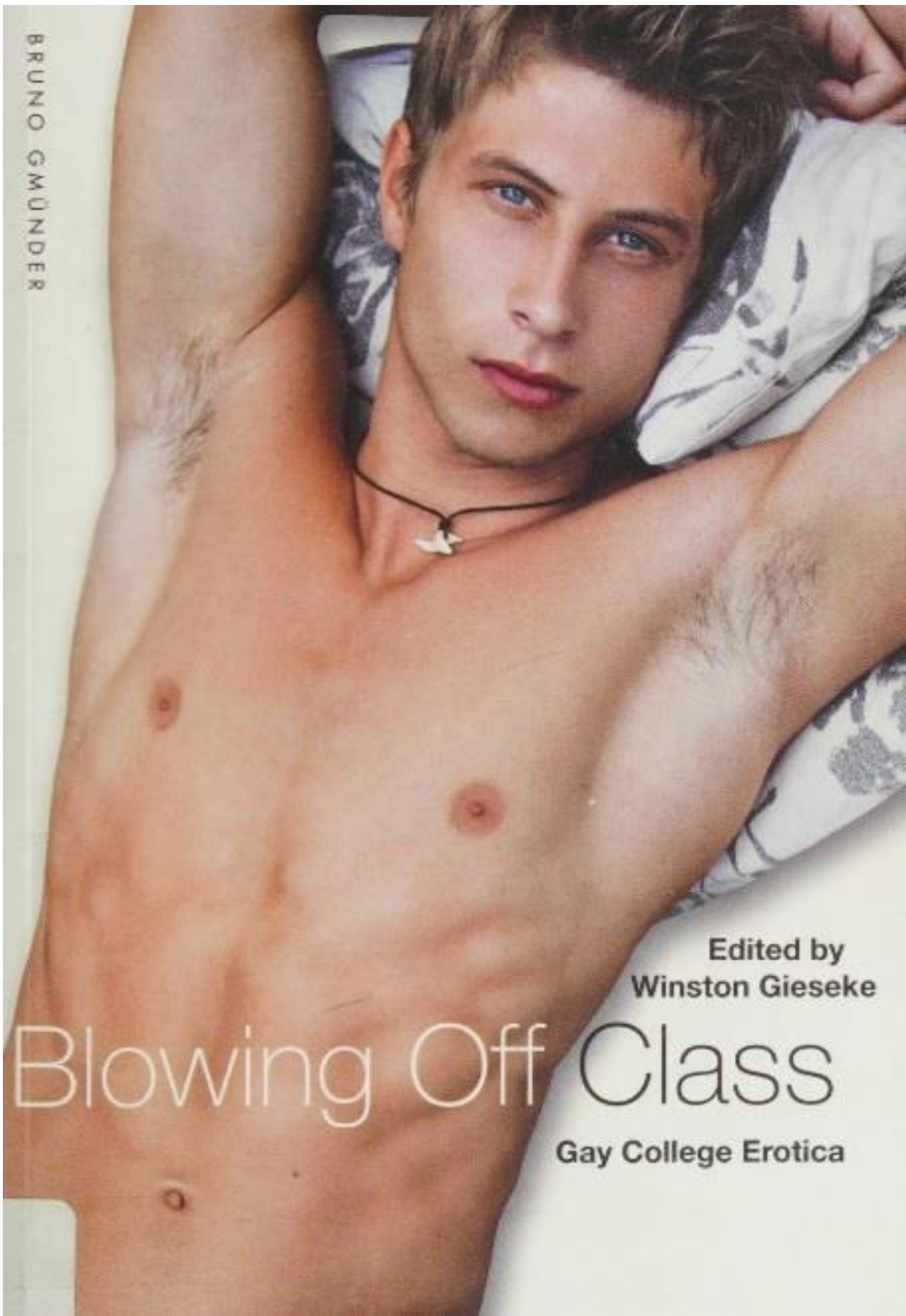

BRUNO GÜNDER

Edited by
Winston Gieseke

Blowing Off Class

Gay College Erotica

Winston Gieseke (Editor)

Blowing Off Class

Gay College Erotica

Уинстон Гизеке (Редактор)

Курс Свободных отношений

Гей Колледж Эротика

2014

перевод
Иван Иванов

2026

4 Введение: Четыре года сексуального образования
Уинстон Гизеке

- 8 Freshman on a Mission/Новичок** Роб Розен
- 28 A Cam Star is Born/Рождение вебкам-звезды** Винсент Ламберт
- 51 The Drama Club's Jock/Спортник из драмкружка** Марк Уайлдир
- 66 An Ethic's Thing/Вопрос этики** Майк Хикс
- 77 Panty Raid King Trains a Pledge/
Король ночных рейдов тренирует новичка** Кит Кристофер
- 99 Case Study/Исследование** Нельсон Хаус
- 120 Pray Like This/Молись именно так** Джерард Возек
- 139 Study Session/Сессия** Бретт Локхард
- 161 Singularity/Сингулярность** Дэвид Эприс
- 189 Hazed Memory/Навязчивые воспоминания** Натти Зольтес
- 209 All-American Male/Американский мужчина** Майкл Брэкен
- 230 The Mascot/Талисман** Грегори Л. Норрис
- 248 Outclassed/Преимущества** Роджер Уиллоуби
- 259 First Day Jitters/Трепет первого дня** Лэндон Диксон
- 279 О редакторе и авторах**

Введение:

Четыре года сексуального образования

Никто не будет, вероятно, спорить с тем, что колледж – это возможность в том числе узнать больше о самом себе и освоить важные навыки для будущего. Но для многих молодых людей это также и сексуальная независимость, – свобода от придирчивых родителей, надоедливых братьев и сестер, неоправданного контроля: можно развлекаться в своей спальне с кем угодно, когда и как угодно. Куда приведёт этот опыт – многие студенты постигают, гм, зачастую на неприятном и собственном примере, – но не всегда, что зависит только от них. Хотя в большинстве случаев они здесь и находятся, чтобы экспериментировать. Потому что, вопреки всяким брошюркам из кампуса, не все эксперименты проводятся в научной лаборатории. И иногда, независимо от курса, который зубришь, твой сексуальный сокурсник только и хочет лишь изучить анатомию, – возможно, и твою, по случаю.

Курс Свободных отношений – сборник из четырнадцати захватывающих историй о

студентах, которые утруждают себя чтением настолько, насколько и постельными радостями, что, конечно, гораздо чаще. В некоторых из этих историй студенты постепенно адаптируются, разборчиво следуя своим путем, как впечатлительный Эван у Винсента Ламберта в *Рождении вебкам-звезды*, который не особо ищет секса, но удачно находит его. В других же персонажи выкладываются по полной в стремлении к немедленному сексуальному удовлетворению, как в *Трепете первого дня* Лэндона Диксона и *Новичке* Роба Розена.

Эти четыре года – счастливое время для тех хватких молодых людей, которые достаточно продвинуты, чтобы использовать свои сексуальные способности для максимума от учёбы, как, например, Эмори, который прокладывает себе путь к вершине университетской художественной сцены через секс, у Майкла Брэкена в его рассказе *Американский мужчина*. Или Тони, сын бедных кубинских иммигрантов, который разными способами подрабатывает своими впечатляющими данными, чтобы оплатить обучение, у Дэвида Эприса в *Сингулярности*. У этих энергичных парней – все варианты беспроектные для всех же участников. Чего нельзя сказать о Джарроде, коварном осветителе, который прибегает к шантажу, чтобы, так сказать, сбросить напряжение, у Марка Уайлдира в *Спортике** из драмкружка

* сленговое слово, обозначающее привлекательного, активно занимающегося спортом парня.

(не волнуйтесь, жертва сам домогался того). Некоторые плотски амбициозные молодые учащиеся ставят перед собой и высокие цели, стремясь к отношениям с профессорами, как, например, главные герои Майка Хикса в *Вопросе этики* и Роджера Уиллоуби в *Преимуществах*. А ещё есть сверхамбициозный Тодд, которому на протяжении страстных 24 часов удаётся заполучить и парня своей мечты, и профессора из его же фантазий у Бретта Локхарда в *Сессии*. Но удовлетворителен ли результат? Помогают ли эти интрижки их оценкам?

Я считаю, что идеальный студент – это тот, кто умеет совмещать личную жизнь с учёбой. И если они случайно пересекутся, если эти молодые красавчики легко совместят сексуальную жизнь с учёбой, как это происходит с мечтателем Тайрусом в *Исследовании* Нельсона Хауса и влюблённым Мино в *Молись* именно так Джерарда Возека, – тем лучше для них.

Но не всё складывается для несчастных юных героев, как им того хотелось. Спросите хотя бы Моргана, который не попадает в школьную баскетбольную команду, но всё равно получает доступ туда с одним из самых симпатичных игроков, из *Талисмана* Грегори Л. Норриса.

И какая коллекция студенческих историй о сексе будет полной без пары историй о студенческих братствах? Сезон поступления часто создаёт довольно неожиданную, но, тем не менее, весьма интригующую постельную

дружбу, как выяснил анонимный обличитель в *Навязчивых воспоминаниях* Натти Зольтеса и Тоби у Кита Кристофера в его рассказе *Король ночных рейдов тренирует новичка*, – оба героя оказываются жертвенными ягнятами в их поисках братства. Нравится ли это им? Зависит от того, кто рассказывает историю. И кому.

Приготовьтесь провести несколько ночей, возвращаясь к воспоминаниям об учебе, заново переживая самые яркие моменты, большинство из которых произошли все же вне её. И хотя в академической карьере всегда будут моменты, которые хотелось бы обернуть иначе (например, выбор дорогого учебного заведения, что оставило обременение в виде студенческого кредита, который будешь выплачивать до зрелого возраста), надеюсь, все же есть много событий, которые захочется пережить снова и снова. Потому что, скорее всего, единственный секс в колледже, о котором сожалеешь, – это тот, которого не было.

Уинстон Гизеке

Берлин

НОВИЧОК

Роб Розен

Честно говоря, взаимная дрочка не была определенной целью. Конечно, на первый взгляд, учитывая, что я был невероятно возбуждён (серьёзно, постоянно), и было далеко за полночь, в почти безлюдном корпусе университетской библиотеки встреча могла показаться, скажем так, намеренной, но на самом деле была просто случайной. Или, эм, такая.. встреча *наполовину*, главным образом потому, что именно так мы и *соприкасались*, – половина его тела и половина моего.

Подготовка к промежуточному экзамену по психологии, вообще, то еще напряжение, но мой член в тот момент был ещё напряженнее. Следовательно, он и победил – как это обычно всегда бывает. Так что я пошел вниз, ведомый стояком, пока не обнаружил себя в туалете с джинсами на щиколотках, членом в руке, с запрокинутой назад головой, и огромным желанием снять накопившееся напряжение первокурсника в первом семестре. Одним словом, настоящего новичка здесь. Кулак ритмично ходил вверх и вниз по моему твердому до боли члену, яйца быстро

поднимались, тяжелая капля пота сползла по лбу, когда внезапно дверь на входе, предательски скрипнув, открылась. Очевидно, я был не один, поэтому в то же мгновение я остановился и замер, чуть наклонив голову, прислушиваясь. Я ждал, что вошедший пойдет к писсуарам, но вместо этого он занял соседнюю кабинку, металлическая дверь с грохотом захлопнулась, отозвавшись почти рикошетом у меня где-то в районе живота. Я наклонился, посмотрел вниз. На том парне были впечатляющие кроссовки: неоновозелёные с такими же яркими оранжевыми вставками спереди и синими сзади, надо всем этим тем же неоном горели розовые шнурки, — надо сказать, что композиция выглядела вполне завершённой. Если бы внезапно отключился свет, то мы были вполне готовы. Но никаких отключений пока не предвиделось. А тишина ощущалась уже физически — ни шума его струи, ни каких либо еще звуков, — лишь моё дыхание и его. Я наклонился ещё, разглядывая около двух футов пространства под перегородкой. У него оказались мясистые икры с густыми вьющимися каштановыми волосами, убегающими под девственно белые трусики. Мой член вновь заявил о себе при виде всего этого: открывшейся плоти и чего-то столь личного, как нижнее бельё, а особенно от того, что мы вдвоем, поздно ночью, с высунутым членом и яйцами, почти вплотную — если, конечно, не считать пару дюймов обшитой металлом перегородки.

Так что, романтика, конечно, та еще, но возбуждает – это, чёрт возьми, да. Другими словами, как можно тише я продолжал наяривать вновь приобретший твердость член, всё ещё чуть наклонив голову вниз, а мой взгляд был прикован к его голой (почти) нижней части.

И тут внезапно он слегка топнул своей ногой в ярко-неоновом кроссовке. Я замер, где-то посередине, перламутровая капля смазки выступила и стекла на расширенной головке. Снова раздался этот одиночный топ. Мое сердце ушло вверх, дыхание сбилось. Было ли это то, о чем я думал?

Стена и только один способ узнать.

Я поднял ногу, опустил ее; мой топ отозвался приглушенным звуком в окружающей ночной тишине .

А потом, как следует догадаться, он топнул в ответ. И я. В ответ. И тут, о чудо, он подался в мою сторону, упав на колени, двух футов до нижней кромки перегородки было достаточно, чтобы просунуться ко мне нижней его частью. И какая это была часть!

Волосатые икры переходили в четко очерченные волосатые бедра, волосатые яйца свисали так низко, что, казалось, претендовали как минимум на независимость, и член, похожий на лом: толстый, жилистый и достаточно крепкий, чтобы взламывать сейфы. Хотя это было бы совершенно не для такого члена!

Я тоже опустился на колени, восторженно рассматривая предложенный дар,

покачивающийся в воздухе в терпеливом ожидании дружеской руки. К счастью, лишь только я подумал о руке, у этого члена быстро появился сосед. Я протянул свою, обнял пульсирующего зверя, и в ответ получил то же самое, - его руку на моем члене с разрядом в миллион вольт адреналина, пронзившем меня, выгнувшем спину. Я застонал от удовольствия, когда он начал медленно, аккуратно поглаживать. Его стон тут же отозвался моему, когда я повторил его маневр. Два члена вздыбились в двух футах* пространства под перегородкой, две пары яичек поднялись, пара ртов раскрылись прорывающимися стонами, пьянящий звук отразился от кафеля стен ровно через две секунды.

- Бляяаяя, - тихо простонал он, - к анонимной половинке тела вдруг добавился голос. Никогда не оставаясь в стороне от приятной беседы, я прибавил и своё собственное Бляяаяя и, когда его член, казалось, прибавил в объеме в моей руке, что удерживать его стало почти невозможно, он изверг густую струю ароматной спермы, разлетевшейся по полу щедрыми белыми стустками. От этих шлепков, её резкого аромата, его хриплого, тяжёлого дыхания, извергся и мой собственный член. Стреляя: *шлёп, шлёп, шлёп*, присоединившись к его зарядам в великолепном водовороте спермы. И это, как ни удивительно, всё. Никаких спасибо, никакого рукопожатия под

* 60 см.

перегородкой, никаких заверений в повторении. Он просто вскочил. Только что его неоновые кроссовки всё ещё были видны, а затем, буквально сразу, вдруг и нет. Прежде чем я успел прийти в себя, он исчез. Но его не забудешь. До следующего, — уж простите, — раза.

К тому времени, как я привел себя в порядок, что было нелёгкой задачей, оделся, что опять же заняло время, потому что мой член всё еще не желал улечься, его нигде не было видно. Между стеллажами все было пустынно и тихо. Всё, что осталось у меня, — это воспоминания. Ну, и ещё одна зацепка: те потрясающие неоновые кроссовки.

Что означало, что теперь у меня появилась цель — или, может быть, одержимость новичка, неопита. Потому что, да, тот член был особенным — и причём огромным — но мне важно было отыскать его остальную часть, то, что тогда скрывалось за двухфутовой пропастью, чтобы понять, — игрушечный это пони или настоящий призовой жеребец.

И вот, я тоже ушел в ночь, беспокойно спал, — видения этого раскачивающегося, призрачного члена заполняли мою голову, сердце, душу.

На следующий день экзамен по психологии начался и завершился. Так же чудесно и легко я сдал его. Но всё же думалось только о том, чтобы найти того таинственного парня, собрать фрагменты пазла, чтобы в следующий раз нас не разделяли пара футов. Таковы были план и цель.

После этого я проводил всё свободное время, занимаясь в библиотеке, на том же этаже, в той же кабинке того же туалета, снова и снова, пока мои руки сморщились от частого мытья, как и член после таких же частых мастурбаций. В кабинках, у писсуара, я всегда вытягивал шею, высматривая те самые кроссовки, тот призывный неоновый блеск. Да и на кампусе было то же: мои глаза были устремлены вниз, выискивая даже самый маленький неоновый отблеск, все остальные цвета отошли на задний план.

Но ничего, ничего, ноль, пшик. Мой таинственный друг пришел, кончил и ушёл, испарился. Хотя надежда, совершенно точно будет сказано, оставалась непоколебимой. Как и неизменный стояк. Вот так.

А потом, через неделю поисков, кроссовки неожиданно появились.

Я заметил их, мелькнувших в толпе студентов, переходивших из одной аудитории в другую. В тот момент весь двор был наводнен ими. Пульс участился, как и мои шаги, — я изо всех сил старался не упускать из виду неоновые отблески. Он был в пятидесяти футах спереди, в сорока, в двадцати. Теперь я уже ясно видел кроссовки, джинсы, превосходную задницу, обтянутую джинсами, широкие плечи, каштановую копну вьющихся волос. Вот он. Десять футов. Пять. Почти. Почти. Близко. Еще ближе. Но ближе только на случай ручных гранат и, — следуя аналогиям с жеребцом, — всегда на корпус впереди.

В здание вошли студенты, он присоединился к ним. Я же стоял снаружи, по эту сторону стеклянной двери, когда он вошёл в первую аудиторию справа. А мне через три минуты нужно на занятия по философии. Что делать, что же делать?

Ну, я просто зашел в здание, прошел в аудиторию. Ну, что мне даст лекция по философии? Не то чтобы сейчас большой спрос на философов, верно? К тому же, кто знает, когда представится ещё шанс. Шанс с ним? Я оглядел аудиторию. Это был один из действительно больших лекционных залов, вмещающий не менее сотни студентов. Но где же он?

Вот! – воскликнул я, мысленно конечно, во вспышке неоновом свете, высветившей озарением – свободное место прямо за ним. Я прошел и сел, сердце колотилось бешено. Выложил книги на стол, достал ручку и устроился на доску: Биология, раздел III. Меня передернуло при мысли о следующем часе. Внезапно философия показалась не такой уж плохой.

И всё же, ведь ОН здесь, так близко, что я мог протянуть руку, коснуться его, провести пальцами по волосам, – нас больше не разделяет металлическая перегородка в двух футах над полом. Были только я и он. Ну, я, он и ещё сотня студентов, не говоря уже о том, что он вообще-то спиной ко мне, и лекция часовая.

Биология III. Под это только спать.

Я всё время смотрел на его руки. Сильные.

Большие. Руки, которые умели обращаться с ручкой. И членом, если мне не изменяет память. Всё это время я выжидал, когда закончится лекция, размышляя о вариантах случайной встречи. Хотя к тому времени я уже ничего не оставлял на волю случая. В конце концов, случай уже сделал своё дело. *К чёрту случай! К чёрту!*

– Занятия окончены, – наконец услышал я, спустя вечность, наверное.

Я поднял взгляд, как раз когда он обернулся, и увидел глаза, такие голубые, что в них можно было просто утонуть, такие, что вполне могли бы соперничать в небом. Я тут же выставил ногу. Это и был мой план. Не самый лучший, но, по сути, всё, что было. В любом случае, он упал, книги разлетелись. Ручка улетела, а я бросился ему на помощь.

– Бляяяяя – услышал я. И снова это, звучало, конечно, по-другому, ведь на этот раз оно не предшествовало обливанию спермой, но всё равно. И чёрт возьми, каждый нерв в моём теле взорвался праздничными фейерверками.

– Ой, прости пожалуйста, – выпалил я тут же, схватив рукой его массивное предплечье.

– Давай, помогу.

Он поднялся, хотя и с заметной тенью раздражения на в остальном потрясающем лице. Опустил было ногу, но вскрикнул и сразу поднял обратно.

– Бля, – повторил он, снова с тем же результатом, а именно, отозвавшимся у меня

в паху.

Я выхватил у него книги, прежде чем он успел что-либо сделать.

- Давай понесу, - сказал я, не сводя с него глаз, буквально без возможности отвести взгляд. - Попробуй спуститься по ступенькам. Хотя я имел в виду, только попробуй уйти.

Хмурый вид остался, но он, по крайней мере, смог как-то ковылять. Я последовал за ним, держа его книги в своей потной руке, а взгляд теперь был прикован к его заднице.

Ух. Когда мы вышли на улицу, он наконец повернулся ко мне:

- Дальше я сам как-нибудь, чувак.

Я качнул головой.

- Тебе же больно.

- Временно.

- Ну, прости.

И я действительно это имел в виду. Правда.

Не настолько, чтобы не проделать этого снова, если иного не представится, но всё же.

Он смягчился, снова посмотрел на меня, и за этим взглядом что-то явно скрывалось.

Страсть? Конечно, пусть даже так. В любом случае, он больше не хмурился, лицо снова стало идеальным, достаточно, чтобы вспомнить даже что-то античное.

- Это просто случайность. Всё в порядке..., ээ..

- Пит.

Он кивнул и протянул руку:

- Стив.

Наконец-то, плоть к плоти, искра внезапно пробежала по моей спине.

– Приятно познакомиться, Стив. И я отнесу твои книги, куда бы ты ни шёл. Не спорь. Он пожал плечами.

– Занятия на сегодня окончены. Общага в паре кварталов отсюда. Спасибо.

– Общага! Он сказал общага! В смысле, комната там!

Мы пошли рядом. Или, по крайней мере, я. Он немного прихрамывал. И молчал, а я был совершенно парализован страхом и что-то сказать мог ещё меньше. То есть, я уже придумал едва сработавший план, и теперь официально выдохся. И всё же, минут через пять я стоял у двери его комнаты, всё ещё крепко сжимая в руках книжки, сердце бешено стучало в груди, спина и шея мокрые от пота.

Он открыл дверь и, прихрамывая, вошел. Я быстро последовал за ним, сложив все на стол. Я осмотрелся. Стив жил в маленькой комнатке с кроватью у стены и сваленной кучей одежды на полу. В комнате пахло пылью и потом. Пахло им. Другими словами, райским предвкушением.

Я посмотрел на него. Он на меня. Затем я опустил взгляд.

– Классные кроссовки, – выдавил я из себя. Он ухмыльнулся и тоже опустил взгляд.

– Спасибо. Только купил.

Меня пробил озноб.

– Только? Хм, а когда именно?

Он пожал плечами.

- Вчера. Почему спрашиваешь?

Вчера? Нет, не вчера! Должно быть, больше недели назад! Если только...

- Да просто так, а ты бываешь на пятом этаже, в главной библиотеке?

Он наклонил голову и посмотрел на меня, эти великолепные синие глазки словно сверлили меня, пытливо и жадно.

- Нет. Я в основном здесь. Преимущество жить одному в комнате. Никто тебя не потревожит. Он подмигнул. - *Никто, Пит.*

Итак, для ясности: я подставил ногу не тому парню, чтобы переспать с ним, а теперь это шанс. Но не с тем! Те же кроссовки, ладно, но не с тем! Я снова посмотрел на него, от его улыбки я мгновенно растаял, - черт возьми, если он не был бы так горяч.

Другими словами, даренному коню....

Я сократил расстояние между нами, вытянул шею, пока наши подбородки едва не соприкоснулись.

- Никто, да? - промурлыкал я.

Он слегка наклонился, губы коснулись моих.

- Никто, ничего, ноль....

Я лишь усмехнулся. Превосходный выбор слов, а затем принял поцелуй, который был настолько близок к полёту где-то на облаках, насколько это вообще возможно для парня.

- Очень приятно, - выдохнул он. - И спасибо, что подставил мне ногу.

Я ухмыльнулся, затем поцеловал его ещё сильнее, ещё сильнее, наши языки сплелись.

- Пожалста... Серьёзно.

Если еще и боль не ушла, он этого не показывал. На самом деле, он показывал лишь себя. Снял эти потрясающие кроссовки, за ними носки, и джинсы – ещё быстрее. Я помог ему с футболкой, в промежутке нескольких дюжин идеальных поцелуев, а затем взглянул на то, что у меня получилось: красивого первокурсника в одних трусах-боксерах, призывно улыбавшегося, с телом вполне соответствующим лицу, если такое вообще возможно.

– Ты всё ещё одет, – сказал он, усевшись на кровать и поглядывая на меня, – эти кристально голубые озера, его глаза, сверкали россыпью искорок.

– Просто рассматриваю, что мне так удачно подвернулось, – ответил я, нервно теребя верхнюю пуговицу рубашки.

Он рассмеялся и провёл пальцем по ложбинке между своими крупными грудными мышцами.

– Если чуть поторопишься, у тебя есть шанс на это...

Другими словами, я поторопился. Ну, само собой.

Можно много чего рассказать об односпальной кровати, но самое лучшее – это то, что мускулистый студент и гибкий первокурсник очень уютно умещаются на такой.

– Привет, – прошептал я, когда наши лица были всего в миллиметрах друг от друга.

– Привет, – прошептал он в ответ с лучезарной улыбкой. Его губы быстро снова оказались на моих, его рука пощипывала один из моих сосков, моя – его, мы страстно

целовали друг друга, прежде чем я понял, что я-то голый, а он всё ещё в боксерах, ткань которых натянулась так, что удивительно, что швы ещё не разошлись. Неохотно я прервала поцелуи, переместившись вниз, языком исследуя его рельефы, отчего по коже побежали мурашки. Достигнув резинки чуть ниже пупка, я стянул ткань вниз, к волосатым ногам. Наконец, его член высвободился, раскачиваясь, прежде чем замереть вертикально, чуть выгнувшись. Я смотрел на него, и улыбка расползлась по моему лицу. Этот член был прекрасен, классический семидюймовый*, достаточно толстый, с широкой шлемообразной головкой, из которой уже сочилась смазка, и массивными яйцами, свисавшими до простыни. Однако не улыбаться было невозможно от того, что, хоть это и был идеальный член, он явно не тот, что тогда в туалете библиотечного корпуса. Не лучше и не хуже, просто другой. Хотя бонусом стало то, что я смог попробовать его на вкус. Рот наполнился солоновато-сладкой смазкой, вдарившей по задней стенке горла, когда я уговаривал монстра войти. Я вдохнул глубже. От Стива пахло мускусом, потом и сексом – самый опьяняющий аромат, конечно. Он провёл рукой по моим волосам, пока я продвигался к началу всего этого, дюйм за дюймом, настоящей стали. Но подавился, слеза стекла по щеке к мохнатому основанию.

- *Ммм*, – промычал он, когда я выпустил его

* 17.5 см.

член и снова взял, скользя ртом вверх и вниз по стволу, играя с тяжёлыми яйцами и одновременно подрачивая свой собственный. Другими словами, многозадачность как она есть, которая, если я чему-то и научился за своё короткое пребывание в колледже, была критически важна.

– В эту игру можно играть вдвоем? – наконец выдохнул он, и его член теперь был скользким от моей слюны. Он снова выскочил из моего рта.

– Думаю, так и есть, – я шлёпнул свой член.
– Один.

Шлёпнул его, заставив его подскочить:

– Второй.

Он снова улыбнулся. Это было, мягко говоря, захватывающе.

– Хотя один кажется ужасно, э-э, сухим.

Я понял намёк, развернулся и подался назад, пока мои колени не оказались у его лица, а рот всё ещё жадно был занят его членом, но теперь моя задница, яйца и член были уже полностью в его распоряжении.

– Ини, мини, мани... – почти нараспев произнес он.

– А также мо*, – подхватил я.

Он шлёпнул меня по заднице:

– Я думаю, уже.

А затем он занялся моим нежным желобком, его язык описал петлю от дорожки, прежде чем нырнуть прямо в центр. Я громко застонал и уткнулся прямо ему в лицо, яйца стучали по переносице.

* детская считалка

Минуту спустя я услышал, как он плюнул мне на дырочку, почувствовал, как его палец ласкает складки перед тем, как войти. На мгновение я замер, сжавшись, но разрешил вторжение.

- Как сказал один очень мудрый человек, не говоря уже о том, что он возбужден, совершенно голый и у него стоит, можно ли играть в эту игру вдвоем? И его ноги взметнулись вверх, согнувшись в коленях, обе на кровати, - прекрасный вид открылся на щель, ягодицы и обрамленное волосами отверстие.

- Угощайся, чувак, - ухмыльнулся я, чувствуя, как он вылизывает меня, а его свободная рука ловко поглаживает мой член.

- Да и я, пожалуй, тоже, - ответил я сам себе, плюнув на его отверстие, и через секунду мой указательный палец глубоко проник в него. А рот снова творил свою магию с его пульсирующим членом.

Я же кружил пальцем, чувствуя гладкую мускулистую внутренность. Он извивался в этих моих ласках. Когда он ввел в меня второй палец, я сделал то же самое с ним. Мы наяривали оба наших члена, размягчая толчками обе дырочки, кровать скрипела, пот капал с моего тела на него.

- Три - вообще шикарно, - хмыкнул я.

Мне никогда раньше не засовывали три пальца в задницу, но, учитывая, что в колледже у меня и секса не было, не говоря уже о том, что мы только что познакомились - а я почти уже разомлел, - эта просьба казалась

вполне разумной. К тому же, чем больше его во мне, тем лучше, решил я.

– Разделяю эту мысль, – сказал он с тяжёлым вздохом, и я снова начал сосать, втягивать и облизывать его член, высасывая смазку из его постоянно сжимающихся яичек.

И да, он был очень возбужден, я тоже, но с его широко раздвинутыми ногами, и также моими, две пары трёх пальцев ускоряли темп, как и наши руки на членах.

– Я почти уже, чувак, – вскоре прохрипел он, вонзая свой член в мой кулак, а я неотступно смотрел за происходящим внизу.

– Тоже, – простонал я в ответ, – моя задница, член и яйца практически горели. Его спина выгнулась, член стал вдруг невероятно толстым в моей хватке, а затем выстрелил, как Везувий, обжигающим потоком ароматной спермы, извергшейся широкой дугой и обрызгавшей его быстро сокращающуюся грудь и живот. И это, конечно же, было всё, что мне нужно было видеть, обонять и слышать, потому что мой собственный член мгновенно взорвался несколькими мощными толчками, сперма изливалась на его грудь, стекала вбок на простыню, а моя дырочка крепко сжимавшая его пальцы, наконец расслабилась.

Он фыркнул, а я лишь выдохнул, наши тела обмякли: он был весь в поту рядом со мной, я – рядом с ним, словно идеальный инь и янь – с акцентом на янь, конечно.

– Боже. Как же я рад, что так вышло, – прохрипел он.

У меня, разумеется, не хватило духу, – ладно, смелости – сказать ему правду. К тому же, всё хорошо, что хорошо кончается, верно? А это определённо закончилось хорошо.

– Ну, если тебе понадобится донести книги опять, я к твоим услугам, – вырвалось у меня, но с этими же словами я мгновенно застыл. Хотя они были правдивыми, но возможно, момент все-таки выбран не идеально. В конце концов, я же знал его всего чуть больше часа, и то лишь по милости Божьей – или, по крайней мере, моей правой ноги. И всё же, слава богу, он рассмеялся, и с него стекло ещё больше спермы, когда он развернулся ко мне.

Мой взгляд снова окунулся во всю великолепную синеву его глаз, бабочки кружили и порхали где-то у меня в животе.

– Так ты хочешь повторить это, Пит? – проворковал он.

– Что, типа, прямо сейчас? – усмехнулся я. Он лишь рассмеялся, его пенис тоже весело качнулся.

– Я имел в виду в будущем, например, завтра, на следующей неделе, после учебы или во время.

Я пожал плечами:

– Или, может быть, через пять минут, потом завтра и на следующей неделе, до, во время или после учебы. Выбирай сам.

Его рука погладила мой член.

– Да, да, да. Да. И, эм, да. Если ты за это время меня не покалечишь, не изуродуешь и

не убьёшь как-нибудь иначе.

Я протянул руку. И свой член.

– Договорились, – сказал я.

Он взял меня за руку, а затем за член, и, чёрт возьми, эти бабочки в животе не унимались.

– Договорились, чувак.

Затем он подвинулся и мы снова оказались лицом к лицу, очень близко.

– Пять минут уже истекли?

Я посмотрел на запястье, на воображаемые часы, и кивнул.

– Три, два, один... поехали.

И, да, мы удачно скрепили сделку.

Примерно через неделю, когда наши договоренности всё ещё были в силе, я снова обнаружил себя в приготовлениях к очередной контрольной. Опять же, глубокая ночь, библиотека практически опустела, стеллажи погрузились в тишину, и в моём, перегруженном философией 101*, мозгу проносились мечтательные образы замечательной задницы Стива.

К тому времени туалет стал для меня уже условным рефлексом, – я много чему научился на уроках психологии! – штаны тут же падали вниз, набухший член выпрыгивал наружу, – все это буквально за пару секунд.

Рука ходила по скользкому от слюны члену, а я представлял идеальный член Стива,

* **Philosophy 101** - краткий обзор философии вообще. 101 философская мысль - так обычно стандартно называются учебники и научно-популярные книги с обзором философии.

его грудь, поросшую волосами, и эти сапфировые глаза. Мои яйца уже натянулись, когда внезапно я услышал, как опять открывается входная дверь, и кто-то быстро проходит в соседнюю кабинку.

Я уставился на кроссовки по ту сторону перегородки: неоново-зелёный корпус с неоново-оранжевыми вставками, неоново-синий сзади и те же ярко-розовые шнурки, завершающие всё воедино. Я ухмыльнулся. Это очень похоже на Стива, так меня удивить, подумалось мне. В конце концов, он был единственным человеком, который всё это время был озабоченнее меня. И вот я топнул ногой. А он топнул ногой в ответ. И я топнул ногой в ответ на его ответ.

Я смотрел и ждал. Через несколько секунд его колени шумно приземлились на кафельный пол, член торчал из-под перегородки, яйца висели все также низко. Указательный палец присоединился к этому действию, изогнувшись и давая понять, что следует последовать его примеру. Я смотрел на предложенный член, идеальный во всех отношениях.

Только это был не член Стива.

Я улыбнулся, встал, подтянул трусы, а затем и джинсы, упаковав свой стояк.

– Извини, чувак, – сказал я, быстро выходя из кабинки.

Но задача выполнена. Я взялся за дверь туалета, открыл её, крикнув уже на выходе через плечо *Кроссовки вообще огонь!*

И через секунду добавил *Кстати, как и потрясающий член!*

Конечно, если я и на диете, это не значит,
что не в состоянии оценить меню.

Рождение вебкам-звезды

Винсент Ламберт

Волосы взметнулись из стороны в сторону, а затем драматично спикировали вниз. Эван Спенсер посмотрел в зеркало и резко потрянул головой.

- Почему всё это так трудно привести в порядок? – подумал он, раздраженно рассматривая отражение. Это был первый день нового семестра, а он уже собирался опоздать на занятия. Лето принесло легкий загар и, безусловно, улучшило фигуру благодаря частым тренировкам на пляже. – Неплохо для второкурсника, – продолжил мысль он. – Если бы еще сбросить последние несколько фунтов, то я стал бы... – но он не был точно уверен, кем именно. Семейный дом был далеко, в Калифорнии, а он в колледже на прохладном северо-востоке еще на один надежный год. И хочется выглядеть как можно лучше. Ещё один учебный год как чистый лист, поэтому в этом году он будет открыт для новых впечатлений – и, возможно, даже встретит своего первого парня.

Эван вздохнул, схватил немного геля и расчёску для укладки. После нескольких минут укрощения и подчинения, быстро натянул куртку и взял рюкзак. Комната сейчас была особенно захламлена, потому что распаковку вещей пришлось отложить. Может быть, позже. Но сейчас он выскочил из общаги и направился к кампусу.

Территория выглядела пышно-зелёной, а тёплый ветерок всё ещё обещал как минимум несколько летних дней.

- Возможно, куртка лишняя, - подумалось Эвану. Он снял её и засунул в рюкзак. Он не был, конечно, полностью уверен в своей подтянутой фигуре, но был не прочь немного продемонстрировать её, чтобы произвести хорошее первое впечатление. Этот семестр вполне может начаться и новыми симпатичными знакомствами.

По пути встречались знакомые лица, но Эван оглядывался по сторонам в поисках новых. Именно так он заметил высокого, симпатичного парня в модных дизайнерских джинсах, винтажной футболке Guns N' Roses. Солнце блистало в стеклах его очков, и он, казалось, позировал, даже несколько провокационно. Эван шел прямо к нему и не мог не отметить его привлекательную фигуру, тем более в обтягивающей одежде. Но, как ни странно, хотя тот вытянул руку с телефоном, он вдруг оглянулся через плечо. Искусство селфи явно не было чуждо этому студенту. Эван наблюдал, как красавчик сделал один снимок, потом другой, потом

ещё. В промежутках придирчиво рассматривая снимки, сразу же корректируя позу и выражение лица. Эван усмехнулся про себя и подумал:

- Кому захочется рассматривать фото какого-то парня в самый первый учебный день? Но... каждому своё.

Эван прошёл мимо и вошел в зал Мейсон Холл*. Нашёл свою аудиторию и сел. Уже открывая ноутбук, он поднял глаза и увидел, как вошел тот гибкий любитель селфи и подошёл к креслу рядом. Эван смущённо отвернулся, но парень дружелюбно кивнул.

- Как дела? — спросил он, улыбнувшись.

Эван отметил его идеальные зубы и коротко поздоровался. *Парень вблизи выглядел ещё лучше.*

- Привет, я Лекс, — сказал он, протягивая руку.

- Привет. Ну, а я Эван... Эван, — повторил он, пожимая руку. Хватка Лекса была цепкой и крепкой.

- Этот парень настроен серьёзно, — подумалось Эвану.

Лекс достал телефон, Эван же наблюдал, как стремительно полетели по экрану его ловкие пальцы.

- Надо быстро написать твит для подписчиков перед началом занятия, — объяснил он.

Эван лишь пожал плечами и посмотрел на экран ноутбука, — профессор вошел

* здание на кампусе Университета Мэри Вашингтон (UMW), государственного гуманитарного университета во Фредериксберге, штат Вирджиния. Основан в 1908г.

в аудиторию, лекция началась.

Но в течении последующего часа сосредоточиться было трудно. Краем глаза Эван видел, что Лекс часто посматривает на него, несмотря на сообщения, которые непрерывно отправлял с телефона, лежащего у него на коленях.

Как только занятие закончилось, Лекс тотчас вскочил со своего места, прежде чем Эван вообще успел что-то сказать. Но, уже на улице, он увидел Лекса, снова снимающего себя на телефон. Эван пошел было дальше, но почти сразу услышал:

- Эй, подожди! - Лекс догнал его. - Эй, - сказал он, - извини, просто нужно было снять короткий ролик для публикации в *Твиттере*.

- Без проблем, - ответил Эван и замолчал, особо ничего в голову не приходило. - Ты там, типа, знаменитость или что?

Лекс рассмеялся.

- Пока нет, но я над этим работаю! У меня куча подписчиков в социальных сетях, и я всегда стремлюсь к расширению. А ты?

Эван не слишком выходил за рамки Фейсбука и, конечно же, не был таким любителем фотографироваться.

- Не очень-то, - прямо ответил он.

- Отлично, у тебя ещё лекция? Хочешь перекусить?

Эван удивился, но приглашение обрадовало. Кто знает? Может, они проведут семестр как лучшие друзья, а может, и больше.

Сексуальный опыт с парнями у него

был минимальным, но он знал, что те определённо привлекают и был готов исследовать их еще больше.

- Звучит неплохо, – пробормотал он.

- Круто. Пошли! – Лекс был очень энергичен. После обязательных вопросов:

- Откуда ты? А какая у тебя кафедра? Эван и Лекс легко нашли общий язык. Взяли сэндвичи в кафе и нашли местечко на улице. Здесь, на солнце, чувствовалось, будто лето никогда не кончалось. Эвану было очень приятно общаться со своим новым приятелем, хотя он и нашел странным, когда Лекс достал телефон, чтобы сфотографировать еду перед тем, как съесть ее.

- Постоянно думаю о подписчиках, – объяснил Лекс, прежде чем нажать на кнопку фото.

- Эй, не хочешь зайти ко мне чуть позже? – спросил Лекс.

- Ну, около четырех закончатся лекции, – ответил ему Эван.

- Идеально. Мне нужно записать небольшой ролик для видеоблога после занятий, но к тому времени я вроде как все закончу. Я в корпусе С. Дай свой номер, я скину тебе номер своей комнаты.

После того, как они расстались, Эван шёл с улыбкой.

- *Может быть, этот семестр всё-таки не будет отстойным*, – подумалось ему. Он провёл рукой по голове. Волосы в этот раз вели себя вполне пристойно.

Эван спокойно досидел до конца занятий в тот день, но не раз ловил себя

на том, что притопывает ногой и смотрит куда-то в пространство. Он, конечно, с нетерпением ждал, когда сможет отправиться к Лексу. Эвана определённо привлекала красота и обаяние Лекса, но было не совсем понятно, почему тот им заинтересовался. Возвращаясь к себе, Эван планировал быстро забежать в душ и выбрать, что надеть, когда получил сообщение от Лекса с номером его комнаты и смайликом. *Да!*

Быстро шагая к корпусу С, Эван чувствовал волнение. Он вернулся в универ и все опять завертелось. Но это не имело никакого отношения к учёбе! Он поднялся на лифте и нашёл комнату Лекса. Постучав, услышал его голос:

- Секундочку!

Эван еще раз посмотрел на свою жёлтую майку и клетчатые шорты.

- *Нормально выгляжу?*

Дверь распахнулась.

- Чувак! — воскликнул в качестве приветствия Лекс. - Извини, как раз заканчивал съёмки для своего сайта. Первый день выдался сумасшедшим. Как прошёл твой? Хочешь пива? - все это буквально в одном стремительном потоке слов.

Эван кивнул:

- Конечно. День - норм.

Лекс протянул ему бутылку и жестом пригласил садиться на кровать.

- Устраивайся поудобнее, — добавил он. - Эй, а шорты смотрятся превосходно.

Эван несколько покраснел, но лишь

улыбнулся. Оглядел маленькую комнату. Здесь было полно обычных для общежития вещей, но все-таки преобладало видеооборудование: камеры, лампы освещения, пара компьютеров, на которых, по-видимому, был запущен редактор видеомонтажа.

- Здесь действительно бывает довольно светло, - подумалось Эвану.

Чуть прищурившись, он посмотрел на своего нового друга и задумался, а кто такой Лекс и чего тот хочет. Лекс же небрежно приземлился рядом на кровать и подмигнул, потягивая пиво.

- Что-то из шоу-бизнеса? - спросил Эван, оглядывая комнату. Он заметил на комоде бонг*.

- Не совсем, - ответил Лекс, хитро ухмыльнувшись. - Но у меня есть определённые, э-э, планы. Последнее слово он растянул, и оно словно зависло в воздухе. Эван пытался придумать, что сказать, но мысль потерялась, потому что Лекс подвинулся еще, наклонился и начал его целовать. От него чуть пахло пивом, и он немного вспотел, но Эван почувствовал притяжение и возбуждение. Вскоре они вовсю целовались, губы не отрывались от губ, порхали языки. Эван едва мог дышать. Лекс оскзался безумно сексуальным и возбуждал Эвана. Целуя его, Лекс стянул с Эвана майку.

- Ух ты, только посмотри на себя, - сказал Лекс, любясь гладкой грудью Эвана. - Ты

* курительные принадлежности для употребления марихуаны

такой секси!

– Спасибо. Я немного поработал над этим, – ответил Эван.

– Твои грудные мышцы и соски выглядят просто охренительно. Чёрт! Можно тебя сфотографировать? – спросил Лекс, потянувшись за телефоном на столе.

Эван вновь прищурился:

– Зачем тебе фото?

– Ты выглядишь таким чертовски сексуальным. Хочу тебя сфотографировать. Ты будешь выглядеть потрясающе. Клянусь!

Эван сомневался, но был так возбуждён, что согласился.

– Откинься назад и заложи руку за голову. Дай мне посмотреть на твою ямку, – деловито распорядился Лекс, потянувшись поправить одну из ламп. – Да, выглядит превосходно. Опустить немного подбородок.

Эван почувствовал, что краснеет, но внимание ему нравилось. Он никогда не думал о себе как о модели, но было очень приятно, когда Лекс рекомендовал позы, хвалил его фигуру. Он выгнул спину и повернулся лицом к камере.

– Вау, выглядит потрясающе. Как насчёт расстёгнуть шорты? – уговаривал Лекс, наклоняясь и лизнув его в шею. – Только верхнюю пуговицу?

Эван не видел ничего плохого, к тому же член стал настолько твёрдым, что рвался наружу.

Лекс наклонился и лизнул дорожку к сокровищам Эвана.

- Держу пари, это ведёт к чему-то очень особенному, — поддразнил Лекс. Эван чувствовал, как его узкие белые трусы становятся влажными от выделяющейся смазки, — все из-за этой первой импровизированной, его, фотосессии. Лекс словно читал мысли. — Ты что, течёшь? — спросил он.

Эван кивнул.

- О, чувак! Можно посмотреть? Пожалуйста! Что-то в безудержном энтузиазме Лекса (и его мягких губах) мешало Эвану сказать «нет». Он обнаружил, что расстёгивает шорты.

- Давай снимем их, — Лекс спустил шорты с загорелых ног Эвана.

- Ух, ого! Посмотри на себя. Ты же весь мокрый, — говорил Лекс, продолжая снимать. Он раздвинул ему ноги и переместил на середину кровати.

- Эй, можешь вытащить его?

- Вытащить? — растерянно переспросил Эван.

- Твой член. Он просто выглядит таким твёрдым и рвущимся на свободу в трусах. Это же круто!

Эван помедлил, но затем начал стягивать трусы. Влажный член тут же выскочил.

Головка была объемной и красной, Лекс приблизился, чтобы рассмотреть поближе. На мгновение Эван подумал, что тот собирается сосать, но Лекс лишь рассматривал с разных ракурсов.

- Ничего, если я его сфотографирую? Не обязательно же показывать твоё лицо.

Эван перехватил член у основания, и они оба

наблюдали, как он растёт ещё и ещё.

– Ого! Большой! – восторженно воскликнул Лекс.

Эван широко улыбнулся и ответил:

– Спасибо. Конечно, продолжай.

Лекс тут же принялся за дело, снимая стоящий член сверху, снизу и сбоку. Затем сосредоточился на гладкой, блестящей головке.

– Покажи твои орешки, – деловито велел он.

Эван вытащил свой тяжёлый мешочек поверх.

– Какие притягательные, – продолжал восторгаться Лекс, снимая ещё несколько раз. – Если хочешь подрочить, пожалуйста. Я не против.

Эван никогда раньше не мастурбировал на виду хоть у кого-то. На мгновение показалось ему самому, что он смутится, но поддержка и энтузиазм Лекса сделали свое дело. И тот так завёл Эвана, что начинающая модель уже начал осторожно поигрывать с членом. Что было потрясающе, а то, что Лекс снимал это на камеру, делало ощущения ещё лучше. Эван закрыл глаза и начал дрочить. Он вздохнул, обрабатывая стояк. Только он начал входить в ритм, как в дверь постучали.

– Бля! – сказал Лекс. – Подожди. Буквально секунду.

Эван быстро схватил шорты, прикрывая стоящий член, пока Лекс шёл к двери. Чуть приоткрыл ее, и Эван услышал пару приглушенных фраз.

– Чувак, я сейчас занят, снимаю, – сказал

Лекс несвоевременному и неизвестному гостю.

- Так что, снимем твое завтра.

Эван разглядел макушку светловолосого парня, но продолжения разговора не слышал.

- Напиши позже, - добавил Лекс и резко захлопнул дверь. - Извини, это был мой друг Кайл. Он зашел, ээ... позаниматься. Зайдет позже. Продолжим?

Член Эвана всё ещё неистовствовал. Он стянул шорты и снова принялся драть. Его кулак двигался вверх-вниз, а Лекс смотрел восхищённо.

- Ты чертовски горячий чувак, - сказал он.

- Ни за что бы не догадался, когда увидел тебя сегодня на лекции.

Эван слышал, но был сосредоточен на ощущениях, которые создавала его рука. Он и не осознавал, насколько сильно возбужден, а камера в нескольких дюймах от его сочащегося члена лишь добавляла остроты.

- Эй, когда будешь готов кончить, просто давай, чувак, - сказал Лекс.

- Я уже точно близко, - чуть слышно сказал Эван. - Ты собираешься фотографировать?

- Если позволишь! Уверен, это будет потрясающий салют, друган, - ответил Лекс.

- Можно?

- Приготовь эту чертову камеру, - рявкнул Эван, очень быстро наращивая темп.

Почувствовал, как напрягаются яйца, когда сперма начала подступать. Лекс метнулся назад, снимая сверху.

- Это лучший ракурс, - заверил он, пока они оба с нетерпением ждали. - Поверь мне.

Это был вопрос несколько секунд, и длинные струи спермы разлетелись из члена Эвана, заливая гладкую, безволосую грудь, соски. Лекс же продолжал снимать и снимать, пока не упала последняя капля.

– Класс! Потрясающие кадры! – восклицал Лекс. – Кончил, как в порно, как порнозвезда какая-нибудь!

Тут Эван почувствовал, как румянец заливает щеки. Внезапно и вдруг понял, что стоит голый и весь в сперме перед человеком, которого знал едва ли меньше суток.

Лекс схватил полотенце, протянул Эвану. Тот заметил на нём монограмму: SL 21.

– Вот, приведи себя в порядок.

Эван вытерся и быстро оделся.

– Мне пора идти, – смущенно сказал он.

Лекс подошел и крепко обнял его.

– Это было невероятно. Подожди, увидишь фото. У тебя талант!

Глаза Эвана расширились.

– Спасибо... наверное. Увидимся в универе.

– Да, увидимся! – Лекс придержал дверь.

Когда Эван уже шел к лифтам, Лекс крикнул ему вслед:

– Не забудь подписаться на меня в Инстаграм!

Прежде чем еще даже открыть глаза следующим утром, Эван слышал привычный звук уведомлений на телефоне. Он потянулся, повернулся на бок. Почувствовал, как стоящий член напрягается, рвется из трусов. Стояк стал почти постоянным с момента

неожиданной фотосессии вчера.

Эван заставил себя открыть глаза и потянулся за телефоном. Сообщение. От Лекса. Хммм.

- Доброе утро, ты - суперзвезда! - гласило оно.

Эван усмехнулся и сбросил одеяло.

Тот же звук, еще одно сообщение.

- Ты - хит! - гласил текст, тут же и ссылка.

Эван кликнул, подождал, пока возвращается колесико. Когда изображение наконец загрузилось, он лишь тихо вздохнул. Там, в Твиттере, на всеобщее обозрение - и для 40 000 подписчиков *SexuLeхu21* - появилась фотография его стоящего члена.

- Не может быть! - воскликнул он. - Что за чертовщина?

Он не знал, злит его это или возбуждает. Но начал лихорадочно набирать сообщение Лексу:

- Ты там с ума сошел?

Лекс тут же ответил:

- Чувак, у тебя 72 ретвита!

Что?! Лицо Эвана покраснело, хотя вдруг он почувствовал, как член начал пульсировать. Он был в ярости, но в то же время возбужден как никогда прежде.

- Поговорю с тобой в универе, - написал Эван в ответ и пошел в душ.

- Доброе утро, как дела, друган? - Лекс уселся на свое кресло, в солнцезащитных очках и с обаятельной улыбкой. Аудитория

была ещё почти пуста, но Эван не был уверен, что хочет продолжать разговор здесь.

- Всё в порядке, — монотонно пробормотал он, глядя на свой ноутбук.

- Слушай, я знаю, ты расстроен из-за фотки, но какую реакцию она вызвала. У твоего члена теперь поклонники, чувак!

Эван огляделся. Мысль о том, что его эрекция привлекла внимание, радовала, но он всё ещё был раздражён. Эван не давал так-то разрешения на все эти публикации в Твиттере.

- Ты мог хотя бы спросить.

- Ты прав, — признал Лекс. - Но как только я начал монтировать видео с твоей сессией, фотографии получались такими горячими, что устоять я не смог.

Эван посмотрел вдаль. *Моя сессия?*

Вошел профессор.

- На фото ты смотришься безупречно, — прошептал Лекс. - Ведь так?

Эван кивнул.

- Ну да, но...

- Эй, мой друг Кайл сегодня зайдет, и мы немного поиграем на камеру. Тебе стоит присоединиться к нам, — сказал Лекс.

Эван не был уверен, что именно означает поиграть на камеру, но почувствовал, как его теперь уже почти знаменитый член ожил.

- Эм, во сколько...?

По дороге к корпусу Лекса, Эван почувствовал трепет внизу живота. Мысль о сексе на камеру была новой — хотя и

не сказать, что не возбуждала. Да, очень возбуждала. Он пытался бороться с эрекцией с тех пор, как Лекс написал ему время шоу. Эван легко постучал, и его встретил взволнованный Лекс:

- Наконец-то! — и он жестом пригласил входить. Комната представляла собой небольшую съемочную площадку: свет и камеры направлены на кровать, застеленную простынями.

- Неплохо, правда?

Лекс не стал ждать ответа.

- Подожди, познакомишься с Кайлом. Думаю, он тебе очень понравится.

Эван сел на стуле у окна, пока Лекс отвечал на сообщения в телефоне.

- Набираю аудиторию для шоу, — по ходу дела объяснил он. — Нужно запустить ленту в Твиттере, плюс нанять постоянную съемочную группу. В прошлый раз у нас было 400 зрителей.

Эван сглотнул. Неужели он действительно собирается заниматься сексом для других? Но прежде чем смог придумать что-то в ответ, раздался стук в дверь. Сомнения улетучились с появлением Кайла, высокого, красивого и хорошо сложенного. Эван узнал по вчерашним светлым волосам.

- Привет? — Кайл протягивал Эвану кулак по-американски, чтобы тот выставил свой в ответ. — Как дела?

Эван слабо улыбнулся. Конечно, он был несколько напуган, но чем больше смотрел на Кайла, тем больше понимал, что хочет быть с

ним голым.

Лекс бросился между ними.

– Это будет круто, – сказал он. – Вы отлично подойдете друг другу! Эван, ты не против побыть внизу?

Эван огляделся и понял, что Лекс не имел в виду кровать.

– Эм, конечно, – ответил он, поглядывая на Кайла, который уже разминал член сквозь спортивные штаны.

– Круто, – сказал Лекс. – Ну, начнем с орального секса, а потом перейдем к траху. Кайл, подожди, увидишь кульминационный момент Эвана, как у порнозвезды!

Эван поморщился, но решил принять это комплиментом. В конце концов, кто бы не захотел кончить, как порнозвезда?

Кайл оценивал Эвана, словно увидел только сейчас.

– Фееричный камшот? Хм, ну посмотрим...

Лекс расставил их в кадре, а сам занялся оборудованием.

– Хорошо, почему бы вам не лечь на кровать и не устроиться поудобнее? Я включаю камеру.

Эван глубоко вздохнул.

– Ну, началось, – мелькнула мысль.

Но все сомнения развеялись, как только Кайл обнял его и поцеловал. Эван почувствовал, как у него перехватило дыхание, когда красивый, мускулистый и молодой парень обнял его, коснулся мягкими губами его губ. Член Эвана тут же вскочил. Никакого страха сцены!

Лекс переместился за лампы и камеру, задержавшись у экрана ноутбука, чтобы убедиться, что они держатся в кадре.

– И мы в эфире! – прошептал он. – Двадцать зрителей!

Эван же был слишком поглощен поцелуями Кайла, чтобы слышать или как-то обращать внимание. Он медленно начал исследовать тело Кайла, которое, казалось, было твердым как камень везде, где бы он ни притронулся. Мышцы рук Кайла эффектно проступали из-под бледно-голубого поло, а пресс был упругим и рельефным.

Кайл, казалось, отлично знал, что делает.

Он раньше участвовал в вебкам-шоу? – подумалось Эвану, когда тот стянул с него рубашку. Кайл скинул свою, и вскоре они оба страстно целовались. Лекс непрерывно перемещался на заднем плане, уткнувшись в телефон и переписываясь как сумасшедший.

– Вы отлично справляетесь, ребята. Выглядит потрясающе. У нас уже сотня зрителей.

Кайл тотчас лизнул грудь Эвана и начал посасывать и покусывать упругие соски.

Медленно спускаясь ниже.

– Там такая дорожка к сокровищам, стоит отдельного внимания, – поддразнил Лекс.

Но Кайлу не требовалось особых стимулов. Он расстегнул верхнюю пуговицу джинсов Эвана и потянул резинку трусов, выпуская стоящий член.

– Ух ты, – сказал Кайл, смеясь. – Чуть глаз не выколол!

Но сразу стал серьезным и принялся

облизывать член Эвана сверху вниз, а затем заглотил его целиком. Эван закрыл лицо руками и застонал.

– Невозможно поверить, что это происходит! Кайл лизал, сосал и глубоко заглатывал член горлом, пока Эвану не показалось, что он вот-вот взорвется. Но он знал, что этого делать пока не следует.

Снова вмешался Лекс.

– Парни, зрители хотят видеть, как Эван сосет член, – сообщил он.

Эван знал, конечно, что этот момент настанет. Кайл вскочил, снял штаны. Его толстый, жилистый член был готов к съемке.

– Крупный план, – скомандовал Лекс.

Кайл повернулся лицом к камере, а Эван встал на колени. Он и раньше сосал член, но не такого размера. Тем не менее, хотелось сделать это хорошо, поэтому он наклонился и начал облизывать ствол, заметив татуировку в виде звезды вокруг пупка Кайла.

– Эван, сосредоточься на головке, – крикнул Лекс.

Кайл посмотрел вниз и одобрительно кивнул.

Положил руку на затылок Эвана и направил член внутрь. Прежде чем возможно было что-либо понять, Эван уже заглатывал твердый член дюйм за дюймом, пока нос почти не уперся в подстриженный лобок Кайла. На секунду показалось, что подавился, но гордости от достигнутого не повредило.

Кайл, казалось, наслаждался, но у него явно были другие планы. Он развернул Эвана задницей к камере, облизал палец и начал

обрабатывать тугую дырочку Эвана:

- Тебя трахали когда-нибудь? — спросил он.

- Да, — соврал Эван. Он начал нервничать, особенно учитывая толщину члена, который только что побывал у него во рту.

- У нас уже больше 300! — воскликнул Лекс.

- Зрители в восторге!

Кайл продолжал разминать Эвана пальцами.

- Просто расслабься, — сказал он. - Всё будет хорошо, чувак.

Эван закрыл глаза, глубоко вздохнул и чувствовал, как расслабляется под одним, а затем и двумя пальцами Кайла. Он знал, что будет дальше.

- Презерватив и смазку, — буднично сказал Кайл Лексу, словно просил передать соль за ужином.

У Лекса все было подготовлено, он просто передал пакетик с презервативом и тюбик смазки Кайлу.

Кайл быстро вскрыл упаковку, раскатал презерватив на члене и начал смазывать, все это время держа палец внутри Эвана.

- Просто дыши, — инструктировал он, — и выгибай спину. Так в кадре смотрится лучше. Эван почувствовал, как головка члена Кайла скользит между ягодицами, а затем проникает внутрь. Он на секунду поднял глаза и увидел зелёный огонек камеры. Она была прямо перед ним. Он никогда не чувствовал себя сексуальнее и увереннее в своём теле.

Эван чувствовал, как Кайл медленно входит, но когда расслабился, то начал двигаться, чувствуя каждый сантиметр члена внутри себя

— знал и понимал, что он большой. Сначала было больно, но потом стало приятно. Эван потянулся рукой назад и раздвинул ягодицы, словно желая вместить внутрь побольше члена. Кайл вонзился глубже и начал стонать, ускоряя темп.

— Больше 400! — крикнул Лекс. — Мы только что побили наш рекорд!

Эван подавил смех, но был в восторге. У него была благодарная публика, и они собирались увидеть, как он кончит.

Через несколько минут Кайл осторожно перевернул Эвана на спину и продолжил в новой позе.

— Так будет лучше, когда ты кончишь, — прошептал Кайл.

Эван кивнул и посмотрел в сторону Лекса.

— Можно я...? — спросил Эван.

— Черт возьми, да! Давай, конечно, да, — ответил Лекс. — Зрители ждут!

Эван чувствовал член Кайла глубоко внутри себя, проникающий во все нужные места. Его собственный член был направлен почти вертикально вверх. И он чувствовал волны подходящей спермы. Вскоре член Кайла у него в заднице довел до предела. Он застонал и начал извергаться. И действительно, струи спермы залили все лицо. Глаза Кайла расширились, но он продолжал трахать его, поддерживая этот фонтан своим ритмом.

— Ого, бля! — только и сказал Кайл. Минуту спустя, когда сперма растеклась, заливая торс Эвана, Кайл выдернул член, сорвал презерватив и тут же кончил, присоединяясь

к этим веселым потокам.

– Боже, какой бардак! – завопил Лекс, направляя камеру на лужу свежей спермы. – Потрясающе, чуваки! *Твиттер* просто взорвется. Подождите, пока вы почитаете твиты и комменты.

Эван лежал на кровати с минуту, прежде чем Лекс перебросил ему полотенце. И уселся за ноутбук, колдуя с числами и калькулятором. Лекс и Кайл обменялись пятерней, Кайл, натянув спортивные штаны направился в ванную.

– Это было что-то, – сказал он по пути. Эван вытирал и вытирал стекавшую сперму. Он чувствовал себя измотанным, но счастливым. Первое вебкам-шоу завершено.

– *Надеюсь, я выглядел нормально, –* подумалось с беспокойством, но тотчас мелькнуло:

– *Черт! Надо же сделать домашние задания!*

На следующий день, когда Эван все еще спал, его разбудил телефон. Он перевернулся, игнорируя звонок. Но телефон не унимался. Он повернулся со вздохом. Это, конечно, был Лекс.

– Алло? – пробормотал Эван.

– Доброе утро, суперзвезда! – защебетал Лекс и выплеснул буквально водопад слов. – Так вот, слушай, к нам проявили интерес несколько крупных студий. Вчера у нас состоялось самое масштабное вебкам-шоу за всю историю! Смотрели из *Falcon** и

* *Falcon Studios* — американская студия гей-порно компании *Falcon Entertainment*. Основана в 1971г. Известный бренд в гей-порно.

других студий. Ты произвел на них самое серьезное впечатление, Эван. Ты не спишь? Но Эван положил телефон на подушку и слушал с закрытыми глазами. Вообще не понятно, о чем это говорит Лекс. О каких крупных студиях? *Universal*? *Paramount*?

Лекс было не остановить:

- Слушай, *Chi Chi** проводит кастинг для большого фильма с групповым сексом, съемки пройдут в Палм-Спрингс** в следующем месяце. Им нужен горячий, новенький пассив. Секс безопасный, разумеется. А представитель *Fratmen* написал мне в Твиттере, в личные сообщения, вчера вечером..

Эван клонило в сон, он не знал, что и думать. К тому же, нужно.. идти.. на занятия.

- Лекс, я в душ. Поговорим позже, — ответил Эван, пытаюсь как-то перебить того.

- ОК, без проблем. Но пора думать о сценическом имени для порно. К тому же вопрос образа здесь не стоит. Я более чем счастлив...

Клац.

Эван посмотрел на свое подтянутое обнаженное тело. Член снова гордо стоял твердый, как камень. И это было больше, чем просто утренняя эрекция. Эван с искренней радостью чувствовал себя сексуальным

* *Chi Chi LaRue* - псевдоним Ларри Дэвида Пачиотти, американского режиссёра порно. С 1988г. в основном сотрудничает с *Falcon Studios*.

** *Palm Springs* - небольшой город в Калифорнии, постоянно принимающий одноименный международный кинофестиваль. Основан в 1938г.

в своем теле.

Он вскочил с кровати и мельком взглянул в зеркало. А эти растрепанные волосы выглядят неплохо. Взглянул на часы.

- Нет! Я опоздаю на лекцию, - подумал он. И сразу потянулся за телефоном. Хотя бы на одно селфи время найдется.

Спорт из драмкружка

Марк Уайлдир

Это была сложная, динамичная сцена, но Джаррод Грей обычно умел правильно выставить свет чаще, чем актеры справлялись с репликами роли. Он слышал, что его считают лучшим светотехником драматического кружка за последние двенадцать лет, а ведь это была всего лишь вторая пьеса за первый год его собственного обучения в колледже Каса-Верде*. Он усердно занимался в старшей школе и летних театральных курсах, чтобы изучить, как свет создает настроение, скрывает недостатки декораций и актеров. Джаррод, которого большинство студентов находили скорее забавным, был тем не менее настоящей находкой для преподавателей. Он не выглядел странно или что-то в этом роде: на самом деле, несколько девушек, с которыми он учился в школе, говорили ему, что он симпатичный. Просто жил он только

* такого колледжа нет в США, но в Румынии это *Casa Verde Technological High School of Forestry and Agriculture/Технологическая высшая школа лесного хозяйства и сельского хозяйства Каса Верде*. Основана в 1885г., занимает замок 18 века.

театром.

И никогда не чувствовал себя более живым, чем стремительно перемещаясь по арматуре световой установки, фокусируя и управляя светом без единого промаха, промедления или ошибки. Все в драмкружке хотели, чтобы именно он ставил свет во время их выходов на сцену, ему же этого было вполне достаточно. Он в гордом одиночестве обитал среди реек и перегородок высоко над сценой, чтобы улучшить не слишком профессиональные усилия начинающих актеров, безо всякой даже тени зависти или неприятия, стараясь по мере своих сил помочь каждому.

Джаррод весьма скептически отнесся к незамысловатой комедии, которую ставил драматический кружок в этом сезоне, хотя ему очень понравился Рик Мур в главной мужской роли. В недавней постановке явившийся блондином-арием, Рик представлял типичный средиземноморский типаж, с темной кожей и настолько черными волосами, что не всегда можно было ожидать одинакового эффекта при неизменном освещении, поэтому от Джаррода требовалось довольно тонкое мастерство. Старшекурсник и самый красивый парень на кампусе, Рик к тому же имел неплохой средний балл и делал серьезные успехи в американском футболе. К сожалению, его чувство времени на сцене не отличалось такой же выверенностью, как на поле, а в этой пьесе это было *превыше всего*.

Репетиции, конечно, только начались, и многие актеры еще только пытались найти

свой ритм, так что, в принципе, надежда оставалась. Но, когда Рик выходил на сцену, Джаррод всегда ставил на прожектор фильтр, чтобы черные глаза звезды сияли, подобно увлажненному ониксу. Однако, вскоре после начала репетиций кумир Джаррода оказался слабоват: крайне медленно осваивал роль и часто не вовремя реагировал на реплики других актеров. Обычно все это было неприемлемо для Джаррода, но Рик был чертовски красив, поэтому светотехник прощал ему все.

За три дня до премьеры мир Джаррода перевернулся. И Рик, и Шелли находились на сцене большую часть спектакля, за исключением небольшой части второго акта. Со своих мостков наверху Джаррод наблюдал, как они ушли со сцены и направились за кулисы. Поскольку никаких изменений в освещении не планировалось, Джаррод тихо двинулся по мостику, следуя за симпатичной парочкой, пока те не вошли в небольшую зону, скрытую от глаз тяжелыми черными занавесами.

Как только Рик начал раздевать девушку, Джаррод бросился за фотоаппаратом. И к тому времени, как он снова добрался до места над ними, Шелли уже лежала на куче сложенного холста для декораций, блузка поднята до шеи, джинсы полностью сняты. Рик же задрал футболку до подмышек, а брюки скинул до колен, демонстрируя впечатляющую эрекцию. Он быстро лег на девушку, его интригующие ягодицы энергично ходили вверх и вниз,

временами предоставляя возможность камере заглянуть прямо в центр этого темного бутона. Гладкие, сильные ягодички выгибались при каждом движении вниз и округлялись в обратном.

С прерывистым вздохом, отчетливо различимым вверху, Рик резко вонзился в девушку, подрагивая в оргазмическом напряжении.

После еще нескольких сильных толчков он вытащил член, стоящий и скользкий, в вагинальной смазке девушки и собственной спермы. Джаррод успокоил свою эрекцию в штанах и поспешил обратно, к прожекторам и софитам освещения. В спешке он случайно задел фотоаппаратом одну из арматурных реек. Уже у себя, в аппаратной, он обнаружил, что отснял целую пленку.

Джаррод был так возбужден, что едва мог сосредоточиться на оставшейся части репетиции. За все время, проведенное наверху, на переходных мостках освещения, он никогда не видел ничего подобного тому, чему стал свидетелем только что. Рик был красив до самого кончика его члена! Джаррод снял джинсы и стал драть, не сводя глаз от широкой спины и подтянутой задницы Рика на сцене внизу.

Джаррод всегда поднимался наверх раньше всех участников репетиций, чтобы проверить освещение, настроить с пульта управления, точно выставить параметры. За час до начала генеральной репетиции он услышал кого-то на лестнице и с удивлением увидел влезавшего

по ней Рика.

– Так вот где ты тусуешься, – глубокий, выразительный голос старшекурсника буквально пронзил Джаррода до яиц. – Чувак, отсюда же всё видно. Как далеко оно тянется? – Рик показал на мостки и арматуру.

– Ну, отсюда я могу обойти надо всей сценой.

Рик прошёл к Джарроду, стоявшему спиной к одной из опорных колонн.

– Ты видишь всё, кроме примерных, да?

– Да.

Внезапно вспомнив, как ударил камеру о рейки арматуры, Джаррод вдрогнул и нервно выронил плоскогубцы. Когда он опустился на колени, чтобы поднять их, голос Рика заставил его замереть там же.

– Все видел, мелкий ублюдок?

Джаррод поднял голову. Пах Рика был прямо перед его лицом.

– Э-э... что?

– Как я Шелли трахал, вот что. Я слышал тебя там наверху. Удивительно, как ты не обслюнявил мне задницу. Ну... я всё сделал правильно?

– Это было потрясающе! – вырвалось у Джаррода, прежде чем он понял, что сказал.

– Я так и знал! Ты шпионил, ублюдок!

Рик шагнул вперёд, вдавливая Джаррода в колонну. Грубая джинсовая ткань прижалась к его рту.

– Ну, ты же так этого хочешь, вытаскивай! Прошло мгновение, прежде чем Джаррод понял

и расстегнул Рiku ширинку, извлекая большой член. Взял в руку. Член сразу затвердел.

– Соси его, ублюдок, – приказал Рик.

Джаррод не был уверен, пытался ли он возразить, или просто подчинился, но значения это не имело. Рик резко вдавил, и в рот Джарроду вошел твердый, горячий орган. Он подавился.

– Не вздумай наблевать на меня, мелкий засранец! Не выпускай!

Горячий, шелковистый член скользнул по языку, ткнул в стенку горла, когда Рик сжал ноги и грубо стал пропихивать дальше.

– Соси! Продолжай!

Джаррод постепенно решил, что большой член во рту ему нравится. Особенно этот. Он думал об этом, но никогда раньше не делал. По мере того, как толчки Рика становились сильнее, Джаррод перестал думать о чем-либо, кроме красивого парня на другом конце этого толстого члена.

– Возьми мои яйца! – приказал Рик. – Да.

Вот так! Теперь возьми меня за задницу!

Потри мои булочки. Да! – слово превратилось в стон, когда член Рика выгнулся, извергая порцию спермы. Джаррод снова чуть не подавился.

– Глотай! – потребовал Рик. – Пей мою сперму, педик! Ооо!

Джаррод смотрел, как спортсмен втиснул член обратно в шорты и подтянул брюки. Губы болели, горло ныло, но это была приятная боль.

– Это за то, что шпионил за мной! – рявкнул

Рик, но беззлобно. Он оглядел небольшое помещение, где находилась и будка управления освещением.

– Ого, у тебя тут есть ванная и чертово кресло. Удивительно, что у тебя нет кровати.

Джарроду было несколько сложно разобраться в своих чувствах по поводу произошедшего, но в конце концов все свелось к одному. Он переспал с самым привлекательным парнем в школе! Отсосал его толстый член, потрогал большие яйца, гладил его упругую задницу. Спорить можно было, что ни один другой парень в кампусе не мог бы сказать, что у него был Рик Мур.

Просто потому, что Рик предложил, Джаррод утащил матрас из свободной комнаты в общежитие и перенес в театр. Подняв его к себе наверх на грузовом лифте, он уложил матрас на край платформы, откуда открывался вид на сцену.

Через полтора часа подключил и протестировал портативную панель управления, которая позволяла работать с матраса или кресла.

В премьерный вечер он услышал шум на лестнице перед самым занавесом.

Когда голова Рика показалась из отверстия, Джарроду показалось, что сердце вот-вот разорвётся. Теперь он понял, зачем притащил сюда матрас.

– Раздевайся, – звезда велел без всяких предисловий.

Недовольный тоном спортсмена, Джаррод секунд тридцать раздумывал, не проигнорировать ли

это все, но сорвал с себя футболку и снял спортивные штаны и трусы. Рик смотрел на него, не двигаясь. Джаррод не стыдился своего тела, но оно и близко не могло сравниться со спортивным телом Рика, и на мгновение смутился этого осмотра. Рик сбросил одежду: Джаррод потерял дар речи. Широкий торс актёра представлял собой перевёрнутую пирамиду, перевитую мышцами. Тонкая линия волос сбегала от пупка вниз к густому лобку.

Рик толкнул Джаррода на спину. Первокурсник с благоговением наблюдал, как большой член Рика начал расти. Когда Джаррод охватил было пульсирующий член ртом, Рик перевернул его и высвободил свой член.

- Не в этот раз, педик. Сегодня по-другому.

- Рик. Я не...

- Эй, ублюдок, если ты хочешь меня, придется сделать это на моих условиях.

- Пожалуйста, Рик.., - голос Джаррода панически сорвался.

Без особого труда Рик перевернул его и, просунув колени между ног Джаррода, раздвинул ему ягодицы, погладив его ложбинку кончиком горячего члена. Сраженный похотью, Джаррод безвольно сдался.

Проникновение было грубым и болезненным, потому что Рик вошел в него без смазки.

Стиснув зубы, Джаррод покорно лежал, пока член не вошел полностью. По мере того, как большой член становился влажным, боль стихала. Необузданность Рика, его дикость, потребность в грубости были для парня

снизу амброзией. Когда Рик вонзался глубже, Джаррод уже выгибал спину навстречу сильным толчкам.

– Тебе нравится, не так ли, маленькая шлюшка? – рычал Рик.

– Да! – шипел Джаррод. – Да! Не останавливайся! Трахни меня, Рик! Сильнее! Рик удвоил усилия, сильно толкаясь. Это довершило сюжет. Сдавленно выдохнув, Рик достиг оргазма. Всё его тело дрожало, когда он кончал в Джаррода. Техник выгнулся на шершавой поверхности матраса, извергая свое семя потоками. Его ягодицы напряглись: мышцы внутри сжали пульсирующий член Рика. Тот громко застонал: затем наступила тишина, прерываемая лишь судорожными вздохами, пока оба боролись за достаточное количество кислорода, чтобы удовлетворить свои потребности в нем.

Когда Рик поднялся на колени, Джаррод обнаружил, что извлечение более чувственно, чем даже проникновение, и приподнял ягодицы, чтобы продлить контакт. Наблюдая, как голый старшекурсник, пошатываясь идет в маленькую ванную, он испытал приятное чувство удовлетворения. Именно он же вытянул из спортсмена всю энергию и заставил так пошатываться. Интересно, сможет ли Рик вообще выйти сегодня на сцену.

Спектакль прошел с успехом. Рик, наконец-то хорошо отработав свои реплики и чувство ритма, был, безусловно, звездой комедии.

Джаррод не мог оторвать глаз от высокого, мужественного тела и сто раз прощал своему любовнику его слова и грубость, с нетерпением ожидая следующей возможности попробовать мускусный запах его спермы. Он даже установил выносную камеру, чтобы запечатлеть эти моменты.

Рик, по-видимому, считал Джаррода талисманом удачи, поэтому каждый вечер, после спектакля поднимался наверх, приводя техника в неопиcуемый восторг. Рик Мур, футбольный герой, актёр, старшекурсник и красавчик из красавчиков, приходил к нему — скромному первокурснику — чтобы удовлетворить свои потребности.

В отсутствие всякого публичного проявления внимания от своего любовника, Джаррод часами рассматривал фотографии, которые сделал. Пару раз Рика пугала вспышка, но он списывал это на включившийся прожектор. Изображения были сексуальными, но самое главное, они показывали их интимность, их любовь. Он намеревался показать фотографии Рiku, действительно хотел! Но что-то все-таки остановило.

В последний вечер спектакля Рик появился заранее и дважды трахнул Джаррода, кончив ему в рот и накачав спермы в задницу. В антрактах было несколько минут тишины, более всего близких к непринужденному, дружескому общению, которое у них когда-либо было. Джаррод жаждал поцелуя, просто чтобы узнать, каково это, но не осмеливался решиться. Приходилось сдерживать себя,

чтобы не признаться в своей глубокой, раздирающей сердце любви к старшему парню. Однажды они, возможно, обменяются и такими прекрасными словами.

После окончания театрального сезона Джаррод отчаянно пытался поддерживать связь со своим возлюбленным. При каждом удобном случае попадался тому на пути. Рик старательно игнорировал его. Однажды Джаррод осторожно подсунул записку на стол спортику в научной лаборатории и наблюдал через окно, как тот прочитал записку, сунул ее в карман рубашки.

Джаррод просматривал сделанные им прекрасные фото и надеялся на ответ. Его любимой была та, где Рик кончает ему в рот. По выражению лица было очевидно, что это момент оргазма. Здесь же видна половина огромного члена, вонзенного в горло Джаррода, а также широкая грудь, мускулы рук и плоский живот его любовника. Самое приятное, что на снимке было ясно, что Джаррод – удовольствие для Рика. На другом снимке Рик лежал на спине Джаррода, лицо в профиль, а подбородок на его голове. Он сосредоточен в напряжении. И снова черты лица Джаррода здесь отчетливо различимы. Он сделал копии, чтобы поделиться с Риком, как только представится возможность.

Когда сосед Джаррода по комнате уехал на выходные, первокурсник отправил Рику записку, приглашая к себе. Когда ответа не последовало, Джаррод побрел через весь

кампус к студенческому общежитию. Никто не обращал на него внимания, поэтому ему пришлось даже прервать чей-то разговор, чтобы спросить дорогу к комнате Рика. Дверь распахнулась после его робкого стука. Рик, выглядевший красивее, чем когда-либо, в шортах и майке без рукавов, нахмурился. – Что ты, блять, здесь делаешь? Убирайся отсюда! Оставь меня!

Прежде чем дверь захлопнулась прямо перед его лицом, Джаррод услышал голос, с вопросом, не тот ли это маленький педик из театра. Он изо всех сил старался не сорваться бежать. Лицо и уши горели от смущения, Джарроду представлялось, что все, мимо кого он идет, смеются над ним. Опустив голову, уставившись в землю перед собой, он выскочил из студенческого общежития и побежал к театру.

Безутешный, Джаррод, на одних только руках, взобрался по веревке вверх, в свой мир, где свернулся калачиком на матрасе и заплакал, роняя слезы туда, где когда-то растекалась сперма. Это унижение переросло в страх, а затем и гнев – зрелую стадию его трансформации. Он сделался заговорщиком, интриганом. Первым делом оставил открытый, без адреса конверт с распечатками двух своих любимых фото на столе Рика в химической лаборатории. Джаррод наблюдал из окна, как старшекурсник подошел, увидел и открыл конверт. Его потрясающие черные глаза раскрылись шире, после чего Рик панически впихнул фото обратно в конверт.

К удивлению Джаррода, спортник собрал книги и накинул пиджак.

Охваченный трепетом Джаррод выбежал из здания корпуса и бросился через внутренний двор к Театральному залу.

У него зачесалась задница, когда он понял, что Рик где-то позади него, во дворе.

Джаррод не стал возиться с лестницей; он, опять лишь на руках, забрался к себе по веревке. Через пару минут Рик, во всем грозном виде, нарисовался на верхней ступеньке лестницы.

– Привет, любимый, – сказал Джаррод более беспечно, чем чувствовал себя на самом деле.

– Заткни свой грязный рот! Что это, блять, такое? – он махнул конвертом.

– Воспоминания, память, – ответил Джаррод.

– Эти чертовы вспышки! Это же не прожекторы, правда? Я тебя искалечу, – Рик сделал шаг вперед.

– Можешь, конечно, – Джаррод пытался сохранять спокойствие. – Но сразу подумай о проблемах. Эти фотографии обязательно всплывут. На самом деле, я позабочусь о том, когда я буду объяснять инцидент полиции. Интересно, возможно даже их напечатает наша студенческая газета? Рик замер.

– Ты же не станешь разбрасывать свои фотографии по всему кампусу!

Джаррод пожал плечами.

– Почему нет? Это лишь демонстрирует, что я занимаюсь сексом с самым классным

парнем в кампусе. Мало того, покажет, что парень этот явно получает от этого удовольствие, хотя и не хочет, чтобы его видели с этим маленьким геем из театра.

- Ты блефуешь!

- Я? Рик, единственное наказание, которое ты мне устроишь, - это лишь твой огромный член. Каждую среду до конца учебного года ты будешь кончать мне в рот и в попу. Ты же справишься, правда? О, да. И я хочу начинать каждый раз с поцелуя.

- Ебать....

- Да, это тоже. Но сейчас достаточно будет минета.

По разгорающейся ярости в черных глазах Рика Джаррод испугался, что зашел, наверное, слишком далеко. Но тот взял себя в руки и молча снял рубашку.

- Чувак, у тебя самая лучшая грудь, которую я когда-либо видел, - заметил Джаррод, проводя пальцем от соска к соску. Как здорово, что они сразу встали от прикосновений. Видимо, Рик смирился, потому что, когда Джаррод потянулся к его губам, даже не вздрогнул. Рот на мгновение оставался плотно сомкнутым, затем смягчился и раскрылся. И Джаррод понял, что вообще не знал, что такое настоящий поцелуй.

Рик стоял голый на матрасе, а Джаррод перед ним на коленях, снова вдыхая мускусный запах этого большого члена, что уже отчаялся когда-либо повторить. Ему пришлось приложить больше усилий, чтобы добиться эрекции, но понятно, что это только потому,

что Рик сознательно пытался этому помешать, но со временем его прекрасный член затвердел у Джаррода во рту. Рик перевернул его на спину и резко трахнул в рот, вероятно, все-таки пытаясь причинить боль, но на самом деле усиливая возбуждение для них обоих. Спортник не смог сдержать стон, когда достиг оргазма, и уж точно не смог уменьшить силу своего фонтана, когда сперма переполнила рот Джаррода. Это было чудесно! Наверное, и для Рика тоже. Замечательно. Он надеялся, что превратил этого ублюдка мачо в гея!

Вопрос ЭТИКИ

Майк Хикс

Толстая головка его расслабленного члена лениво покачивалась между жилистыми бедрами, когда он по выходу из душа, направился ко мне. Она слегка раскачивалась, нежно касаясь внутренней стороны то одной ноги, то другой. Густые коричневые волосы на лобке все еще были влажными, капельки воды стекали с яиц по внутренней стороне ног. Полотенце скрывало лицо, но мне и так было на что посмотреть. Капли воды скатывались с хорошо развитых мышц его загорелой груди, стекали на рельефные ложбинки пресса, в густые заросли темных лобковых волос. В идеальном мире я бы слизывал эти капли с него, но, увы, это был несовершенный мир раздевалки спортзала. Он же закончил сушить волосы и скинул полотенце на размашистые и широкие плечи. Так что, он узнал меня первым.

- Сэм? — сказал он.

Я удивленно посмотрел на него.

- Профессор Томпсон?

Дело не в том, что я раньше не замечал, что он довольно красив, — тёмная борода с едва заметной проседью, выразительные карие глаза, — но думал, что все эти академики выглядят дряблыми и отвратительными в голом виде. Однако, здесь нет ничего дряблого или отвратительного. Грудные мышцы упругие пластины орехово-коричневой плоти, слегка подчёркнутые порослью волос и акцентированные тёмными, чуть заострёнными сосками. Рельефные валики его пресса простираются до самой тёмной, густой лобковой области. О члене я уже упоминал.

- Что такое, Сэм? — он заметил, что я несколько ошеломлен, а может быть, и что-то у меня шевельнулось в паху, что я попытался скрыть полотенцем.

- Нет, профессор, я... э-э... просто не знал, что вы занимаетесь спортом.

- Ах да, — сразу ответил он, — занимаюсь уже много лет. Нужно же держать баланс между интеллектуальной жизнью и здоровьем тела, верно? Он поднял ногу на скамью и принялся вытирать полотенцем низко висящие яички.

- Как продвигается твоя работа над Одиссеей? Уже выбрал тему? — провел полотенцем под членом, протер под яичками, переходя к темному ущелью.

- Вообще-то, у меня есть идея, но она несколько нестандартная. Я хотел бы обсудить ее с вами как-нибудь.

- Конечно, — он потянулся к своему шкафчику и вытащил пару чистых белых трусов.

Натянул их до того места, где все еще свисал огромный член. Он поднял его и переместил внутрь, щелкнув резинкой на талии.

- Ты и так проделал неплохую работу в этом году. Мне очень интересны твои идеи. У меня сегодня днем приемные часы. Почему бы тебе не зайти?

- А, ладно, — выпалил я, — как насчет, через час?

- Отлично. Увидимся там.

Час спустя, по дороге к кабинету профессора, я внезапно остановился, потому что услышал, что кто-то окликнул меня по имени.

- Эй, Сэм! Сэм! Подожди! — как только я услышал голос, то понял, — это Джош, мой сокурсник, напарник в учёбе, ну и..., иногда, по сексу тоже. Точно. У нас же была запланирована встреча для совместной учёбы, и я нечаянно его проигнорировал.

- Ой, Джош, прости.

- Куда идёшь? — спросил он. — Я думал, мы собирались взяться за Греческий сегодня.

- У меня буквально только что назначилась встреча с профессором Томпсоном. Может перенесем?

- Профессор Томпсон, да? — с этими словами он одарил меня злобной ухмылкой.

- Что?

- Да, нет, ничего. Просто и я не отказался бы остаться с ним наедине в его кабинете. Меня его намеки возмутили.

- Эй, не беспокойся обо мне. Но все-таки перенесем?

- Конечно. Скажешь.

- Хорошо. Спасибо.

Он стоял и смотрел на меня понимающим взглядом, который мне не очень понравился. Я постучал в дверь профессора Томпсона. Он открыл, улыбнулся, впуская меня к себе, в кабинет заставленный книгами, и жестом указал на мягкое кресло у окна. Сам сел за стол, откинувшись на спинку кресла и сложив руки за головой. Выпуклость его была заметна во всей красе под брюками цвета хаки.

- Итак, какая у тебя идея для работы, Сэм?

- Ну, профессор, она немного необычная. Это шестая книга: Одиссей оказывается на феакском берегу и встречает Навсикаю.

- Эпизод известный. Продолжай.

- Ну, моя идея — исследовать сексуальные образы этой сцены.

- Сексуальные образы?

Обладая знанием, как выглядит профессор Томпсон под своим академическим обликом, мне его рубашка на пуговицах показалась неожиданно сексуальной.

- Да. Видите ли, всё начинается ещё до того, как Навсикая встречает Одиссея. Она и её спутники играют с мячами. Я слегка коснулся своих яичек сквозь брюки, задержав палец. - Затем, очевидная сексуальная ситуация, когда Одиссей предстает перед ней обнажённым.

Профессор сдвинул брови, а я задумался, как

это будет воспринято, — и решил попробовать. Провел большим пальцем по всей длине своего распрямляющегося члена.

— А потом он прикрывает веткой дерева свои гениталии, что я воспринимаю как символ эрекции, которую он хочет иметь, но не может.

Я потер член еще немного, чтобы подчеркнуть мысль, на всякий случай, если вдруг еще не понятно.

— Тогда я продолжу с этого момента..

— Слушай, Сэм, — остановил профессор меня.

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Да, профессор? — я продолжал держать руку на члене.

— У меня есть персональное правило: никакого секса со студентами.

Это меня удивило.

— В смысле?

— Я имею в виду, мне совершенно ясно, чего ты хочешь, и я не могу пойти на это.

Это вопрос этики. Понимаешь?

— Наверное, — сказал я, потрясенный. — Но я заканчиваю учиться в июне — я почти уже не ваш студент.

— Почти не подходит. Послушай, Сэм, ты исключительно привлекательный молодой человек, не пойми меня неправильно, но это вопрос этики. Пожалуйста, скажи, что ты понял.

— Думаю, понимаю, — выдавил я, немного опустив голову. — Спасибо, что отметили мою привлекательность...

— Никакого лукавства. Это вопрос этики.

Он улыбнулся мне, и я не возражал.

- Теперь почему бы тебе действительно не заняться этой работой? Думаю, тебе не нужна помощь, правда?

- Нет, не очень.

Я подумал, может быть, если поторопиться, то смогу застать Джоша в библиотеке и все-таки заняться учебой. Но спешить оказалось не нужно. Он стоял там же, напротив кабинета профессора, с ехидной ухмылкой на лице.

- Что ты здесь делаешь? — спросил я.

- Не повезло, да? — язвительно сказал он.

- В смысле?

- Ты точно не первый, кто пытался залезть под эти штаны — только никому это никогда не удавалось. Это вопрос этики, — так всегда говорит он. Думаю, за это стоит его уважать.

- Да, наверное.

Он был прав, конечно. Это внушало уважение. Странно, но это также сделало его в каком-то смысле еще более привлекательным.

Джош показал на мою промежность, — эрекция все еще была до смешного очевидна.

- Так, и что ты собираешься с этим делать теперь?

- Не знаю. Есть идеи?

Он улыбнулся и кивнул, затем махнул в сторону двери в конце коридора. — Аудитория будет свободна еще пару часов.

Мы пошли, заглянули внутрь, зашли. Джош задернул штору на стеклянной двери, прижал меня к доске и сунул язык мне в рот.

Я сосал его некоторое время, будто маленький влажный член, хотя было ясно, что прелюдий не будет. Он опустился на колени, поцеловал мой стоящий член через штаны. Я расстегнул молнию и вытащил его. Джош посмотрел на меня, улыбнулся и облизал губы, прежде чем открыть рот, чтобы взять головку. Провел языком по всей головке, начал спускаться вниз по стволу, облизывая основание до самого кустика лобковых волос. Так приятно иметь друга для секса, который знает, что тебе нравится. Я почувствовал, как он напрягся, преодолевая тошноту, сделал паузу, а затем продолжил путь к основанию. Ощущение было восхитительным, и я чертовски возбуждился. Я положил руку ему на затылок, задавая ритм, и трахнул его в горло. Он же всячески демонстрировал, что ему это нравится: несколько кратких слов, другие звуки и стоны, которые он издавал всякий раз, когда я проходил в глубину. Я кончил ему прямо в горло, а он уткнулся носом в мои лобковые волосы. И держал мой член в себе, жадно глотая сперму, не выпуская, пока не убедился, что выпил каждую каплю. Затем медленно отстранился, щекоча нижнюю члена и яйца языком. Снова облизнул губы и посмотрел на меня.

– Эй, без хулиганства! – сказал он, возбужденно.

Я усмехнулся.

– Теперь моя очередь.

– ОК, – сказал я, – все по-честному. Я повернулся, спустил штаны и трусы до

лодыжек, предоставив ему вид, который, как знал, ему очень нравится. Он толкнул меня к кафедре. Я прислонился к ней, получив возможность взглянуть на аудиторию глазами преподавателя. Сверху были разложены конспекты. Я почувствовал, как руки Джоша массируют мою задницу, а затем и кончик его языка на ягодицах.

Почерк в конспектах показался мне знакомым, тогда как язык Джоша проник в мою щель сверху и медленно спустился к мошонке, где сделал пару движений, прежде чем вернуться и остановиться на моем тугом анусе.

Вот тогда я узнал почерк: профессор Томпсон. Это его конспекты. Я лег на бумаги лицом, возбуждаясь этой странной интимностью, когда почувствовал, как язык Джоша проникает в меня. Я вздрогнул, да, пусть это случится. Я вдохнул запах бумаг в надежде уловить какой-нибудь его запах. И он был. Слабый, но все же. Что-то отчетливо мужское. Отчетливо его.

Я представлял, как он пишет это той же рукой, которой когда-то дробил, никогда не ожидая, что кто-то окажется достаточно близко, чтобы унюхать. Несмотря на почти незаметный, далекий шлейф, этот запах создавал новое измерение моих ощущений, унося за пределы обычной реальности. Я почти чувствовал его там, между моих ягодиц, преданно лижущего меня. Почти чувствовал, как его жесткая борода щекощет промежность, трёт, доводит до раздражения. Язык проникает глубоко внутрь, а я

раскрываюсь навстречу, углубляя связь. Его большие руки сжимают мои ягодицы, пока он ласкает меня.

Затем я чувствую, как щетина движется вверх по моей спине. Он целует мою шею и тянется, чтобы всунуть мне средний палец в рот, а затем сразу вытащить, подразывая.

– Вставьте, профессор, – прошептал я, – ну же, вставь его.

Я почувствовал, как головка его огромного члена прижалась к моему отверстию. Сначала он нежен. Потом резко подается вперед. Я чувствую, как он входит, потом выходит, и сразу входит снова.

Его голос срывается в утробное рычание:

– Откройся, Сэм. Я тебя сейчас трахну.

Сопrotивления не будет.

– Трахни меня, профессор, да, трахни меня!

– я уже практически кричу. Когда он входит снова в меня, я чувствую наполнение, неприятное давление, за которым – резкая боль, от которой я заскулил, как мальчик, а затем с болью и удовольствием. Он начинает трахать меня всерьёз, сильно прижимая моё лицо к бумагам конспектов, втыкая мне в задницу тот самый член, который я видел так очаровательно раскачивающимся в раздевалке всего час назад.

– Трахни меня! – с надрывом кричу я. –

Трахните меня, профессор Томпсон! Прямо в задницу!

Особых призывов уже не нужно.

– Давай, Сэм, – рычит он, – заглоти очком мой член. Ты получишь пятёрку. Пятёрку!

Давай же, Сэм... ооооо ...

Я почувствовал, как он кончил в меня — не просто толчки, а настоящий взрыв спермы глубоко внутри. Это возбуждение взорвало и меня, — я кончил еще, на этот раз на дубовую кафедру. И рухнул на неё, бормоча снова и снова: *Профессор Томпсон... о...*

Профессор Томпсон...

Я лежал так некоторое время, тяжело дыша. Мне потребовалась целая минута, чтобы прийти в себя и вспомнить, где я, с кем. Джош резко вытащил свой член из меня.

— Эй, — сказал он через секунду, — что ты там вопил, пока я тебя трахал? О ком, чёрт возьми, все это, что за фантазии?

Как будто он не знал.

— Я никогда не раскрываю объект своих сексуальных фантазий, — ответил я. — Это вопрос этики.

Джош усмехнулся.

— Ублюдок.

Мы подтянули штаны и лишь только застегнули молнии, когда услышали, как со скрипом открылась дверь в аудиторию. Мы быстро переглянулись, осознавая, что едва избежали опасности, и тут увидели вошедшего, профессора Томпсона. Во всей своей скромной красе. Он, казалось, был несколько удивлен, увидев нас здесь.

— Извините, ребята, — сказал он. — Я кое-что здесь оставил.

Если он и был в курсе нашего секрета, то не подал виду, подошел к кафедре и начал собирать разбросанные бумаги. Затем вдруг

заметил что-то на одном из верхних листов — вероятно, на том, на который я случайно обсклякнул, представляя его внутри себя, — и поднял лист для более детального рассмотрения. Но сразу запихнул все в свой портфель и повернулся, чтобы уйти. И тут замер. Его взгляд привлекло что-то еще. Он смотрел на мою свежую сперму, растекшуюся у основания кафедры. Это прокол.

Он взглянул на нас, улыбнулся.

— Теперь, ребята, обязательно уберите за собой, хорошо? У меня лекция в этой аудитории через пару часов.

Он подмигнул нам и вышел.

Джош пожал плечами.

— Почти влипли.

— Да. Но, похоже, все в порядке, он спокойно отнесся. Не волнуйся, я уберу.

— Спасибо. Давай, греческий завтра, ОК? — он направился к двери, но я остановил его на полпути.

— Эй, Джош?

— Да?

— Когда выпускной?

— 15 июня. Увидимся завтра.

Джош улыбнулся.

— И спасибо за секс, — он вышел за дверь.

Я порылся в своей сумке и достал ежедневник. Открыл пустую страницу на 16 июня и нарисовал на ней маленькую веселую рожицу, которую украсил зловещими бровями и высунутым языком. Это было напоминание. В этот день у профессора Томпсона будет особенный гость. Уже бывший студент.

Король ночных рейдов тренирует новичка

Кит Кристофер

Весенний семестр 1956 года. Мои последние несколько недель учёбы, и я уже жил за пределами кампуса, изгнанный из братства за ряд безобидных шалостей. В общем-то, все парни так или иначе были вовлечены в это, я же стал жертвенным агнцем, которого скрепя сердце заставили завершить студенческие опыты в общежитии.

Учитывая, что я был президентом своего братства, это было довольно прискорбно. Я также был организатором первого ночного рейда на кампусе Калифорнийского университета в Беркли*, который всего за несколько недель вдохновил масштабный ночной рейд с участием 3000 человек уже в мае. Сообщалось, что ущерб составил \$10000, что сделало меня действительно живой легендой.

*

The University of California, Berkeley - американский государственный исследовательский университет в г.Беркли, штат Калифорния. Старейший из десяти кампусов Калифорнийского университета. Считается лучшим в мире. Основан в 1868г.

Однако теперь мне было скучно и я был раздражён, что внезапно стал персоной нон грата для молодых людей и девушек, для которых ещё недавно был культовым героем. Но на самом деле *ночные рейды* были лишь вершиной вулкана. Кипящая расплавленная лава внутри и была той средой, где новичков братства подвергали различного рода издевательствам.

Каждый год, когда новые лица вливались в братство, умоляя о принятии, уже давние его участники обращались ко мне за новой программой разнузданно веселых испытаний. Я же устраивал пышные зрелища группового унижения для всеобщего развлечения. Следил за тем, чтобы все члены братства — даже некоторые из давних выпускников — были в курсе шоу. Никто не уходил с посвящений неудовлетворенным.

Но сегодня, по пути на занятия в один из еще не жарких весенних дней здесь, в районе залива, я видел лишь молодых парней, отводящих взгляды, которых совсем недавно приводили в восторг плоды моей фантазии, будь то в роли назначенного мучителя или добровольной жертвы. Даже профессор на моем курсе киноведения последнего семестра побледнел, когда я вошёл в аудиторию. Я до сих пор помню его в твидовом пиджаке, в кресле гостинной студенческого общежития, а кто-то из новичков стоит на коленях между его волосатых ног и лижет нижнюю часть его чудовищного члена.

Одним из немногих, кто не избегал меня,

был Дэн. Возможно, потому что в прошлом году и ему навсегда запретили посещать кампус после того, как выяснилось, что он приторговывал марихуаной. Мы с Дэном выросли по соседству и четыре года назад также вместе поступили в Беркли. Несколько дней назад он позвонил мне на таксофон общежития, чтобы сообщить, что его младший брат, Тоби, осенью поступает на первый курс, и не мог бы я провести ему, так сказать, экскурсию?

Первокурсник. Даже само это слово вызывает у меня возбуждение. Всегда вызывало, хотя в то время я еще не связал все воедино и не понимал, что следую по Гей-стрит. В конце концов, я был королем ночных рейдов.

Спортсменом. От меня залетела девушка. В моём представлении я, несомненно, играл за команду натуралов. Даже та игривость, которая проявлялась в процессе посвящения какого-то только начинавшего бриться парня, казалась совершенно не из разряда гомо. Это было просто что-то из студенческих традиций.

Так что да. Я бы показал Тоби, как всё устроено.

Я помню его в детстве. Хороший парень. Застенчивый. Немного нервный, когда мы с Дэном изучали отцовский бар. И да, мы с ним тоже кое-что придумывали. Однажды, пока бедный ребенок спал, Дэн достал мамину помаду и вымазал Тоби губы. Мы были пьяны, и Дэн на слабо, вынудил меня поцеловаться. Нужно было видеть выражение глаз спящей

красавицы, когда он проснулся с моим языком во рту. Мы много смеялись. Всем было очень весело.

Туман стусился вокруг уличных фонарей на Колледж-авеню в тот вечер, когда Тоби впервые зашел в мою комнату, выслушать несколько советов о том, как попасть в нужное братство. Я всё ещё жил один в двухместной комнате. А здесь все всегда организовывалось на скорую руку — в общежитиях за пределами кампуса постоянно существовал резерв свободных комнат для внезапных, индивидуальных перемещений в таких случаях, как мой. Понятное дело, скорее всего, скоро у меня появится сосед по комнате, но пока что двуспальная кровать напротив моей была счастливо пуста.

Я выпил третью кружку пива и чувствовал себя превосходно в футболке и спортивных шортах, когда раздался робкий стук в дверь. Тоби выглядел таким милым в своем темно-синем пальто, джинсах Levi's и аккуратной светло-голубой рубашке на пуговицах. Его щеки, еще редко встречавшиеся с бритвой, покраснелись от ночного воздуха, а одна светлая прядь волос, выбившись из общей массы, привлекала внимание к причёске в стиле *Лиги плюща**.

Тоби положил пакет на пустую кровать напротив меня и в целом выглядел несколько удивленным моим небрежным видом.

* ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.

Думаю, он ожидал чего-то более формального. От пакета пахло свежей выпечкой.

– Что ты принес, чтобы умиловать богов?
– спросил я его.

– Мама испекла брауни*. Она сказала, что ты их любишь.

Ах да, доставка лучшей выпечки от мамы Дэна восемнадцатилетней девственницей, ищущей моего одобрения. Последние несколько недель были тяжелыми из-за всех этих расследований в кампусе и всего прочего. Поэтому эти приятности вполне заслуженные.

Тоби беспечно отказался от моего предложения холодного пива, снял пальто, аккуратно положил его на стул у моего стола. Чопорно сел на пустую кровать, а я, почесывая мошонку, объяснил, что с его репутацией и моей конфиденциальной рекомендацией вступить в хорошее братство не составит труда. Важно только пережить обряд посвящения, сохраняя при этом хорошее впечатление перед старшими братьями по сообществу. Я мрачно намекнул на невыразимые подвиги выносливости и унижения, заметив, как его взгляд скользнул вниз, туда, где я почесывал свои яички, пытавшиеся освободиться из-под белых трусов.

– Смотри сюда, солнышко, – ухмыльнулся я. Он же покраснелся до самой линии светлых волос. – Видишь ли, Тоби, секрет в том, чтобы сохранять лёгкое и непринуждённое

* **brownies** - шоколадное пирожное характерного коричневого цвета, прямоугольные куски нарезанного шоколадного пирога с хрустящей корочкой, под которой - плотная, пористая и мягкая серединка.

отношение, независимо от того, что парни тебя просят сделать. Конечно, поначалу можно сопротивляться. Это лишь добавляет веселья для всех участников, но если ты не готов делать всё, что парни для тебя устраивают, — независимо от того, насколько это неловко и унижительно, — то, в конечном итоге, они не будут тебя уважать. Они подумают о тебе хуже, и хотя ты сможешь вступить в братство, ты никогда не станешь его настоящей частью.

В этот момент, возбуждённый собственными видениями того, к чему всё это приведёт сегодня вечером, мой член (неудобно большой, как описала его залетевшая от меня девушка) довольно энергично заявил о себе, поэтому я вытащил его из-под каемки трусов на ноге вместе с яичками, которые выскользнули чуть раньше. Я сделал несколько движений и позволил ему встать так, чтобы мы с Тоби могли хорошенько рассмотреть все это великолепие.

— Эм, Джо, я не уверен, что... — пробормотал Тоби с таким видом, будто готов уже выпрыгнуть из окна.

— Расслабься, приятель. Во время любых обрядов посвящения ты увидишь много вставших мужских членов. Возможно, тебе стоит воспользоваться ситуацией, чтобы к этому привыкнуть. На самом деле, почему бы тебе не сесть сюда и не рассмотреть поближе? Чем быстрее ты привыкнешь видеть стоящий член другого парня, тем лучше. Я подвинулся на тесной кровати, чтобы Тоби

мог уместить свою маленькую попку-чашку рядом. Его маленький носик-пуговка поморщился, когда он взглянул на мой член, чуть покачивающийся у бедра.

– Я чувствую запах, – сказал он с некоторым беспокойством.

Я схватил свои яйца и покатал их в пальцах, ощущая какой-то странный запах моей промежности, а затем провел рукой под его носом. Он был так шокирован, что у него отвисла челюсть. Я схватил его за запястье, пресекая возможный побег.

– К этому запаху, мой мальчик, тебе лучше привыкнуть. Я делаю тебе одолжение. Чем легче ты сможешь это перенести, тем больше братья будут тебя уважать. Не отпуская его запястье, я поднес его руку к своему члену, с которого стекала длинная струйка смазки мне же на живот.

На самом деле, мне не нужно было говорить ему, чтобы он взял член. Он и сам все понял. Умный мальчик. Его приняли в Калифорнийский университет в Беркли. Но мне пришлось объяснить ему, как именно я предпочитаю. Он внимательно слушал мои указания, озабоченно сдвинув брови. Но, черт возьми, он все сделал правильно, а я вздрогнул и содрогнулся от ощущения его маленькой, гладкой руки, которая медленно и нежно поглаживала мой (неприятно) толстый член.

– Тебе тоже приходилось это делать? – спросил он, ускоряясь.

– Гораздо хуже. Но все это было просто

веселье. Парни же выпускали пар после напряженной студенческой жизни. Ты не поверишь, что у меня было во рту и в заднице... — простонал я, когда он крепче сжал мой член.

Тоби выглядел обеспокоенным, но его движения по моему члену происходили в идеальном темпе.

— Ты имеешь в виду, ты действительно брал мужской пенис в рот?

Я хмыкнул, но мой голос немного дрожал. Я тоже двигался под его рукой, и все мое тело начало включаться в ритм.

— О, чёрт возьми, Тоби. Парни выстраиваются в очередь, дробят тебе на лицо, а потом сливают сперму тебе в горло. Тебе просто нужно пройти это. (Стоны) Я не стал бы президентом братства, если мне было не по себе, чтобы отсосать у студента. (Стоны) Я рискнул, дружище. (Кряхтение и дрожь) Сперма не такая уж и противная на вкус, привыкаешь...

И тут бабах! Время гейзера. Я мощный стрелок. Тебе понадобится банное полотенце, чтобы вытереться, когда я начну. Тоби был хорошим мальчиком и не остановился, пока выстрел за выстрелом все летело прямо вверх и падало повсюду. Моё лицо, грудь — а одна струйка образовала что-то вроде тиары на его аккуратно причёсанных светлых волосах, и я не думаю, что он заметил, насколько он был заморожен моим мощным фонтаном.

— На сегодня всё, — сонно сказал я,

перебирая пирожные, ещё слегка тёплые, из кухни мамы Тоби. – Приходи завтра вечером. Мне нужно тебе ещё кое-что рассказать. Он стоял, послушно наблюдая, застёгнутый на все пуговицы в своём коротком тёмно-синем пальто, не замечая белой липкой полосы на голове. Может, кто-нибудь в 54 автобусе скажет ему об этом, когда они поедут вниз по Колледж-авеню.

Как муха в густом варенье, я вышел из душевой в конце коридора и добрал до кровати. Раскрыл полотенце, забавлялся со своим большим членом, размышляя о планах на дальнейшее образование Тоби вечером, когда дверь шумно распахнулась.

В дверном проёме стоял крупный чёрный парень с огромной дорожной сумкой. В чёрном же кожаном пальто три четверти и солнцезащитных очках, что показалось мне немного странным, учитывая поздний вечер.. да еще и в помещении. Он просто замер на мгновение, удивленный. Затем чуть опустив солнцезащитные очки на нос, осмотрелся. Медленно на его губах расплылась широкая улыбка. Через секунду мы оба расхохотались. – Закрой эту чертову дверь, чувак! Я тут, типа, уединился, – я изобразил какое-то негодование сквозь смех.

– Мужчина должен делать то, что должен, – рассмеялся тот в ответ, бросив тяжелую дорожную сумку на кровать напротив, закрывая дверь. Он поправил солнцезащитные очки, протянул свою большую черную лапищу:

- Можешь звать меня Саммерс.

Я выпустил свой все еще твердый член и той же рукой пожал его руку.

Саммерс был старше большинства студентов. Он недавно демобилизовался из морской пехоты и поступил в Калифорнийском университете в Беркли в рамках программы для бывших военнослужащих и частью как перспективный футболист. Чернокожие студенты в Калифорнийском университете в Беркли были не слишком обычным явлением в 1956 году. И мысль о том, чтобы делить комнату с чернокожим парнем, была довольно радикальной, но, как я уже сказал, я был на испытательном сроке и не имел большого влияния на дела. Кроме того, Саммерса явно было нелегко вывести из себя. Что отдельно было неплохим дополнением. За исключением того, что Тоби должен был вот-вот прийти на очередную тренировку духа.

Когда Саммерс уходил ужинать, то спросил, сколько времени мне нужно, чтобы закончить начатое, которое он и прервал. Я ответил, что пары часов достаточно, и только его поднявшиеся брови из-под солнцезащитных очков стали единственным признаком удивления. Не успел я услышать, как гулкие шаги Саммерса стихают, как услышал лёгкий шаг Тоби, а затем и его деликатный стук в дверь. Должно быть, они едва разошлись в коридоре.

В рекордно короткие сроки мы с Тоби заняли позиции для обучения. Я уже был раздет после душа, даже волосы ещё были немного

влажными. Тоби снова уселся рядом и медленно наглаживал мой очень твёрдый член вверх и вниз, пока я ужасал его рассказами о том, что со мной делали и что я делал с новичками-первокурсниками во время прошлых посвящений.

Его особенное любопытство и испуг, вызывали истории, в которых речь заходила о вкусе члена.

- На вкус как мясо, Тоби. Может, чуть солонее. Засунь палец в рот, — я направил его руку, занятую моим членом, к его лицу. Там было достаточно моей смазки, чтобы составилось представление. Его глаза встретились с моими, когда он сосал свои пальцы. Это вызвало интенсивное истечение смазки из щелки на моем члене на живот.

- Не так уж и плохо, да?

Он кивнул и быстро снова обхватил мой член своей рукой.

- А потом вот это, — сказал я, набирая немного прозрачной жидкости с головки члена и поднося влажные пальцы к его маленькому, милому роту. Он посмотрел на меня секунду. Сглотнул, закрыл глаза и открыл рот, опуская голову на три моих пальца.

- Молодец. Двигай языком, чтобы обработать все это.

Все было хорошо, и я прекрасно проводил время, но постоянно смотрел на часы и понял, что урок идет очень медленно.

- Сними всю одежду с себя.

- Ой? Что?

- Приучение к наготу. Чем быстрее ты

привыкнешь быть голым перед другими парнями, тем лучше. Единственные парни, у которых есть проблемы с тем, чтобы быть голым перед другими парнями, — это, вероятно, гомики, — конечно, я это сказал, развалившись на своей кровати, совершенно голый, с рукой восемнадцатилетнего на члене.

Повернувшись ко мне спиной, Тоби с нерешительностью просунул большие пальцы под пояс своих выбеленных мамиными стирками трусов и спустил их вниз по своей белой гладкой заднице. Даже когда он наклонился, чтобы снять их с лодыжек, ягодицы остались плотно сжатыми. Для худощавого, гибкого блондина у Тоби все еще было идеальное сочетание юношеской округлости и мышц. Очевидно, мне придется подождать, чтобы увидеть ту самую щелочку.

Он встал и повернулся ко мне лицом, снова краснея, прикрывая руками член.

— Руки вниз, здоровяк.

Он вздохнул, когда его руки расслабились, открыв короткий толстый член в мучительно возбужденном виде.

— Теперь ты, наверное, беспокоишься о своем стояке, — сказал я и медленно провел указательным пальцем под его яйцами, членом и размазывая немного смазки по головке, — но теперь у твоих братьев тоже встанет, и им понадобится твое полное участие. Твой вставший член будет для них хорошим знаком, так что если чувствуешь, что он начинает опадать, лучше просто несколько раз

подёрнуть его, чтобы оставался твёрдым, ОК? Он кивнул, и я поднес палец, смоченный его смазкой, к его губам. Как я уже говорил, он умный мальчик, и он сразу втянул рот, всё это время не сводя с меня глаз.

- Поскольку это твой первый раз, и мы тебя тренируем, я немного упрощу задачу.

Я порывлся в своей спортивной сумке на полу и нашел свои спортивные трусы, скомканные на дне, все еще мокрые и вонючие после тренировки.

- Закрой глаза.

Я натянул их ему на глаза. Гульфик и лямки свесились ему на нос и рот. - Помни, парни будут проделывать с тобой всякого такого рода унижительные вещи, но ты лишь спрашивай себя, пока это происходит:

Действительно ли это отвратительно, или отвратительна сама мысль об этом?

Он кивнул из-под этой сетчатой маски, а я закрепил лямки, завязав их узлом у него на затылке, надежно закрыв глаза.

- Тебе нужно будет привыкнуть к тому, что будут часто завязывать глаза. На самом деле, так даже лучше, когда не знаешь, что тебя ждет.

Я несколько раз основательно погладил его член, и затем мы приступили. В течение следующего часа я выполнял с ним различные задания:

1. Найти мое грязное белье на полу по запаху, затем поднять его ртом и отнести в корзину для белья в шкафу.

2. Отжиматься до изнеможения, когда я сижу с раздвинутыми ногами под его лицом, так что, когда руки ослабнут, он уткнется в основание моего стоящего члена.
3. Держать мой член, когда я захотел ссать, осторожно направляя его в пивную бутылку.
4. Продолжительный сеанс, в ходе которого я касался, тыкал, щипал все места, которые этот милый восемнадцатилетний мальчик, возможно, раньше считал интимными.
5. Длительные словесные оскорбления и унижения, шепотом, ему в ухо сзади, пока я ласкаю его член и трахаю его насухую, просовывая свой большой член между его половинками вниз, в промежность.

И наконец, он на коленях, руки за спиной, смиренный и готовый к большому финалу (на сегодняшний вечер, по меньшей мере).

Выглядел он чертовски мило там внизу, глаза все еще закрыты моей креативной повязкой, гульфик и ремешки отвернуты в сторону, чтобы я мог пройти своим супертолстым членом по его гладкому, еще без признаков щетины лицу. Я стоял в таком положении сотни раз с новичками, и если все сделать правильно, к тому моменту, когда ты размазываешь смазку из своего члена по их лицам, они уже не сжимают губы и не боятся. Их рты открыты в зияющем приглашении. Они хотят этого. Им это нужно.

И вот теперь маленький Тоби, — которого я помню с игрушечным грузовиком на подъездной дорожке между нашими домами, в его первой

форме скаута, — готов взять мой вызывающе большой пенис в рот. Какой рост! Это особенный момент. После этого он будет просто еще одним отсосавшим студентом, который захотел мой член в свой рот. Но сейчас, в этот пограничный момент, он был на пороге самопознания и готов сделать то, о чем никогда и не подумал бы, просто ради моего одобрения. Я взглянул в зеркало на обратной стороне дверцы шкафа и увидел нас в тусклом свете настольной лампы. Разница в физической зрелости между первокурсниками и старшекурсниками просто поразительна. Вот я: старшекурсник ростом выше шести футов*, обросший мьшцами, с темной волосатой грудью и колючей щетиной. Подо мной, словно птенчик, на коленях стоит Тоби: ему еще расти и расти, легкий пушок на щеках, золотистый по коже. Я, должно быть и вешу фунтов на пятьдесят** больше. Я нажал большим пальцем на его подбородок, чтобы он шире открыл рот, пока подрачивал свой член перед ним, наслаждаясь этим моментом, этим временем... О, черт, время! Я быстро посмотрел на будильник — черт! Я потерял счет, и с этой же мыслью услышал тихий щелчок. Я повернулся, — Саммерс был в комнате, стоял, прислонившись к двери в темной ее части. Его зубы блеснули, когда он улыбнулся мне, руки скрещены на мускулистой груди. Я замер на мгновение. Моя эрекция несколько

* выше 180см.

** на 20кг.

сникла, но я продолжал держать маленькую челюсть Тоби. Нужно было импровизировать, выиграть время, пока не придумаю, что делать, поэтому я импровизировал.

– Итак, Тоби, когда ты будешь проходить посвящение в братство, тебе придётся немного пососать член. Все парни это делают, ничего особенного. И чем лучше ты это сделаешь, тем больше парни поймут, что ты надёжный друг по братству...

Он, должно быть, недоумевал, почему я всё это снова озвучиваю, а я всё это время смотрел Саммерсу в глаза, надеясь, что он поймёт. Он понял.

Саммерс наклонился, медленно расстегнул брюки и вытащил чёрную дубинку. В смысле, этим запросто можно кого-нибудь побить. Должно быть, ему понравилось то, что он видел, потому что все это было пугающе твёрдым. Он легко, с грацией пантеры, прошёл по комнате и пристроился рядом. Бедро к бедру, медленно отодвинул меня в сторону, так что теперь его твёрдый член оказался под носом у Тоби.

Я увидела, как Тоби немного сморщил свой маленький носик, и подумал, не почувствовал ли он... изменение запаха. Возможно так и было, но рот его остался открытым. Более того, длинная полоска слюны свисала там, где я прижимал его нижнюю губу к подбородку.

Черт, это возбуждало. Конечно, я видел чернокожих парней в душевых на стадионе, но не таких больших, с такими членами и совсем

рядом со мной.

Мой голос дрогнул, когда я возвращал нас к теме:

- Итак, Тоби, они, вероятно, будут выжидать какое-то время, чтобы общая нервозность возросла. Они хотят увидеть, как ты сломаешься. Некоторые новички плачут. Ты же не хочешь быть одним из них. Просто смирись с этим. Какой-нибудь парень может сделать что-то вроде, как потереть свой член о твои губы, чтобы попугать тебя. И как только я сказал это, Саммерс направил к нему своего монстра и провел им по его маленькому рту. Он оставил там влажный след, и губы Тоби заблестели.

- Давай, слижи это с губ, Тоби. И тут, клянусь, парень вздрогнул, чмокнув, двинул вымазанными губами.

Я все еще держал свой член, слегка наглаживая. Свободная рука Саммерса небрежно потянулась назад и обхватила мою массивную ягодицу. Он сжал ее, проверяя плотность, улыбнулся мне.

- Некоторые парни любят постучать своим членом по твоему лицу. Если они так делают, просто высунь язык, предоставив им лучшую позицию. Помни, эти парни ничего такого не получают от своих подружек, поэтому они очень возбуждены.

Саммерс начал совершенно серьезно шлепать Тоби по лицу своим членом. Я взглянул вниз и увидел твердый член Тоби, с которого капала смазка. Затем Саммерс прицелился и шлепнул головкой своего члена по очень

влажному плоскому языку Тоби, а затем провел им по всему лицу, размазывая его же слюну. Но и просунул палец между моими ягодицами.

Я едва мог говорить, голос дрожал. Я отпустил челюсть Тоби и схватил его за волосы на макушке.

– Эти парни хотят обращаться с тобой так, как их подружки никогда им не позволят. Не волнуйся, когда-нибудь и ты будешь на их месте, но в этот первый раз это будешь ты, так что давай потренируемся и посмотрим, как глубоко ты сможешь взять член.

Тоби кивнул, Саммерс подался вперед, я одновременно с этим дернул Тоби за волосы, чтобы первые шесть дюймов проникли в его узкое горло. И тут же почувствовал, как Саммерс добавил еще один палец в мое отверстие, и оба его пальца прошли караулку моих анальных врат.

Тем временем Тоби сначала покраснел, а потом побагровел. Контраст между маленькой светлой головкой Тоби, цвета кокосового молока, и темно-бордовым членом Саммерса был захватывающим зрелищем. Я потянул Тоби за волосы, вверх и вниз по этому великолепному члену, он же, когда удавалось, лишь судорожно хватал воздух. Саммерс убрал руку с моей задницы, схватил меня за затылок:

– Сейчас кончу, – тихо прошипел он прямо мне в ухо.

– Хорошо, Тоби. Приготовься. Ты впервые попробуешь сперму. Ничего страшного, просто

держи рот открытым, и я буду дробить.

Саммерс отодвинулся назад, позволяя своему большому пульсирующему члену просто раскачиваться рядом.

Не в силах сдержаться, я схватил и погладил его член, скользкий от слюны Тоби. Я почувствовал, как рука Саммерса скользнула вниз по моей спине, снова обхватив задницу, проникая пальцами в мою ложбинку и подраживая отверстию.

- Просто оставайся там и держи рот открытым, пока я не скажу глотать...

Тоби, с открытым ртом, уверенно кивнул. Его руки добрались до собственного маленького толстячка, и он начал подрачивать. Мои глаза метались от черного влажного члена, Тоби с открытым ртом внизу, к лицу Саммерса. Его взгляд встретился с моим, и он одобрительно кивнул, когда я стал дробить быстрее, чувствуя, как его и без того огромный член утолщается. Он вдруг судорожно дернулся в моем кулаке.

- Вот оно, Тоби!

Первый выстрел был петлеобразным шлепком, прицельно направленным прямо на язычок Тоби. Я услышал, как Тоби поперхнулся. Следующие три выстрела были гораздо более мощными струями спермы, залившими ему губы и зубы, настолько сильными, что можно было буквально слышать влажные шлепки. Я сразу засунул член Саммерса до конца в рот Тоби, чтобы остатки спермы текли по его языку.

- Да, вот так, детка, просто нежно обхвати губами головку, и высоси остатки.

Пока Тоби ласкал и жадно облизывал мягкую головку черного члена Саммерса, тот снова схватил меня за затылок, прижал свой открытый рот к моему, заполняя мой своим языком. Я никогда не думал, что окажусь в таком положении: большой черный парень целует меня в губы, а я пью его слюну, как шлюха из женского общежития, но к тому моменту я был возбужден почти до неистовства.

Затем, как будто ничего и не произошло, Саммерс отодвинулся, поднялся, застегнул молнию и тихо вышел, пока я кашлял, заглушая звуки закрывающейся двери. Мой член в уже болезненном напряжении завис перед лицом Тоби. Черт. Что теперь? Я не мог просто провести по нему пару раз и добавить свою сперму. Это выглядело бы подозрительно. Я видел, как его язык движется внутри его собственного рта, выскивая остатки спермы. Поэтому я помогал ему, разговаривал с ним, собирая сперму с его щек, подбородка и лба указательным пальцем в его рот, а он страстно облизывал и сосал мой палец.

– Ты неплохо справился для первого раза, Тоби. Но это только верхушка айсберга. Нам предстоит пройти еще много чего. Например, анальный секс. Тебе придется привыкнуть к тому, что тебе будут засовывать что-то в задницу, — иногда парни даже засовывают туда свои члены на глазах у всех. Если хочешь, я могу попробовать засунуть свой

член тебе в задницу завтра. Знаешь, растянуть дырочку, чтобы тебе было легче, когда туда войдет член какого-нибудь студента из братства. Я хочу, чтобы ты знал, каково это — чувствовать наполнение и парня, который кончает в тебя... Бинго! Тёплые струи спермы ударили мне по бедру и коленям, стекали к лодыжкам. Тоби же тяжело дышал и немного обмяк, но всё ещё обминал мои пальцы слюнявым ртом.

Позже, уже совсем поздно вечером, кто-то из парней постучал в мою дверь и сказал, что мне звонят на таксофон в коридоре.

– Привет, приятель. Тоби говорит, что ты очень помог ему с информацией о вступлении в братство и посвящениях...

Это был старший брат Тоби, Дэн, и он говорил громко, будто находился в баре или ресторане. Я возмущенно высказал ему, что он меня разбудил, и сказал, что неплохо бы держать на контроле, что Тоби будет у меня следующим вечером. Какой-то парень выглянул из своей комнаты и увидел меня во всей красе, в коридоре, со стояком, натянувшим трусы. Да и ладно.

Дэн повесил трубку телефона, закрепленного на двери мужского туалета в коридоре бара *Белая Лошадь** в нескольких милях от кампуса.

* **White Horse Inn** - гей-бар в г.Окленд, недалеко от г. Беркли. Официально открыт с 1933г., но до этого работал как нелегальный гей-бар во время сухого закона в США, то есть еще с 1920-х. Легендарное заведение работает по настоящее время.

Допил пиво и плюхнулся на диванчик рядом со своим приятелем Саммерсом, напротив своего младшего брата Тоби:

- Ты должен что-нибудь заказать, Тоби, иначе тебя выгонят, - Дэн заметил, как мускулистый бармен разглядывает их троицу. Тоби еще в силу возраста не мог покупать выпивку, и единственный способ остаться, - заказать что-нибудь из еды, в этом старейшем гей-баре в районе залива, а может, и во всех Соединенных Штатах.

Саммерс расхохотался:

- Черт, чувак, ты бы видел его лицо, когда он вдруг увидел меня у себя в комнате.

Тоби вздохнул:

- Жаль, что я не видел. И, черт возьми, я очень хотел отсосать ему. Я хотел его уже много лет!

- Ну, похоже, мой младший брат получит гораздо больше уже завтра вечером, - заметил Дэн.

Саммерс лишь усмехнулся и подумал: *Зависит от того, каким будет остаток вечера сегодня.*

Исследование

Нельсон Хаус

Профессор Шеперд провел массивной рукой по серебристым волнам волос, тяжело вздохнул, раздраженно повел плечами. Его низкий голос разнесся по классу:

- Тайрус, ты слышал вопрос?!

Я лишь ухмыльнулся, мечтательно рассматривая на преподавателя моих фантазий. Первый курс психологии может быть хорошим упражнением кому-то и для мозгов, но что касается меня, это было зрелищем прежде всего для глаз, устремленных на профессора Колина Шеперда. Он при своем росте в шесть футов два дюйма, лоферах с кисточками, твидовом пиджаке, белой рубашке и серых фланелевых брюках, весил, вероятно, чуть более 200 фунтов**. Довольно крепкий для университетского преподавателя и мускулистый для академика.*

Я прослушал всего пару лекций его вводного курса, но уже очень увлекся профессором Шепердом. Понятное дело, что он может многому научить жаждущего знаний студента —

* ок. 185см.

** чуть больше 90кг.

и не только по учебнику. Нужно лишь привлечь его внимание.

- Эй? Тайрус? Ты всё ещё с нами?

Остальные в переполненной аудитории захихикали, всегда готовые наброситься на несчастного собрата-студента. Но я почти не слышал своих однокурсников, где-то далеко на задних рядах, мои глаза были устремлены на нашего мускулистого студенческого тренера внизу, у кафедры. Мой член, рвущийся из штанов, как флагшток у административного здания кампуса в небо, был так тверд и непреклонен, что уперся в нижнюю часть стола.

Что-то нужно было делать. Этот ученый красавец задал мне вопрос.

И я представил ответ.

Смахнул планшет со стола, на верхнюю ступеньку соседнего прохода. Такие инструменты образовательного ремесла сущая мелочь по сравнению с большим черным членом, полноценно развернувшимся у меня в брюках. Я поднял крышку стола, зафиксировав его в верхнем положении, предоставляя оперативный простор моему возбужденному интересу на всю его пульсирующую длину в тесной палатке трусов и бежевых брюк.

По аудитории пролетел вздох. В заполненном помещении развернулось невероятно непристойное зрелище: девочки перешептывались и краснели, мальчики ругались и краснели тоже. Металлические зубчики моей раздувшейся ширинки застонали, швы вдоль обеих ее сторон скрипнули.

Соответствовал ли я высоким академическим эротическим стандартам профессора Шеперда? Доказательства для оценки предстали перед этим красивым мужчиной.

Он смотрел туда, как и остальные двести с лишним студентов. Я не поднимал руку, я поднял член. И привлек всеобщее внимание. Профессор Шеперд отошел от кафедры, сошел со помоста и стал подниматься по ступенькам прохода. Это был важный момент в учебе, который он просто не мог упустить. Мой член возвышался в штанах, как восклицательный знак к его первоначальному вопросу, заметно пульсируя под тонкой, натянувшейся хлопчатой тканью, набухший, как на любой душной лекции по социальным наукам.

Профессор Шеперд поднялся наверх, направляясь ко мне, привлеченный моей напряженной потребностью в помощи.

Игнорируя других своих увлеченных студентов. Я же облизнул свои пухлые губы и потер бледные ладони о стройные бедра, мои карие глаза сияли в ответ на взгляд цвета морской волны глаз профессора Шеперда. В группе первого курса, где учились сотни студентов, получить индивидуальную аудиенцию профессора было сложнее, чем на экзамене по математическому анализу.

Поэтому я потянул язычок слабеющей молнии, осторожно поднимая его вверх, над выступающей частью моего члена, и плавно заправил вниз на другую сторону, внутрь. Но ширинка разошлась, словно перезрелая банановая кожура, - ярко-белая ткань

измученных трусов развернулась парусом, являя горельеф выпуклой головки моего окаменевшего члена. Профессор Шеперд споткнулся на подъеме — редкая оплошность для уверенного в себе формовщика молодых умов, но мой огромный член, словно маяк, надежный ориентир для человека, занимающегося поведенческими исследованиями*.

Он снял пиджак, бросил его, затем расстегнул рубашку и сбросил ее туда же — в проход позади себя. Очевидно, что он больше не мыслит строгими интеллектуальными категориями. А лишь жестко сексуальными. Я рванул резинку трусов, поднимая ее вверх, — очень высоко, — и даже выше. А затем дернул вниз. Мой высвободившийся член внезапно, как ствол красного дерева в джунглях, распрямился в воздухе, большие темные яйца чувственным контрастом возлежали на ослепительно-белой ткани сбившихся внизу трусов, словно в гнезде экзотической птицы. .

Перегретая атмосфера наполнилась визгами и всхлипами, влажные поцелуи и вздохи окружали меня со всех сторон. Щелка вертикально улыбалась всем этим, своего рода, приветствиям, сине-черная шапочка раздулась в извращенной гордости, поддерживаемая и приподнятая сантиметрами и сантиметрами набухшего, жилистого, темного, как ночь, моего члена. Профессор Шеперд снова споткнулся, сделав буквально пару

* soft science в оригинале

шагов, срывая штаны, подобно борцу, вступающему в схватку с противником, который больше, чем человек. Его грудь была широкой, в поросли уже серебристых волос, живот плоский, а талия узкой. Руки и ноги – длинными и массивными, как и член, вздымающийся в паху (только розовый, не бледный). Он был таким, каким я его себе представлял, и даже лучше. Я приветствовал этот обнаженный вид, ухватив свою призывную эрекцию и начиная движения. Обвил длинными пальцами пульсирующий член и начал водить ими вверх и вниз по набухшему стволу, медленно, уверенно и чувственно поглаживая. Мои яйца также набухли над трусами, вибрируя от спермы, тяжелый член, твердый как камень, пульсировал в моей мягкой руке. Девушки падали в обморок, юноши потели. Профессор Шеперд пал на колени у моих ног, с открытым ртом, дрожащими губами и руками, устремился ко мне.

Я отпустил член. Он дернулся, упруго взмывая в воздух, вождедея, чтобы его снова взяли в руки и гладили так, как только опытный мужчина может интимно ласкать другого. Руки профессора приблизились, пальцы трепетали, протягиваясь, чтобы окутать мое жгучее, напряженное желание своим теплым, упругим, любящим...

Он хлопнул меня по плечу:

– Мистер Тернер, вы еще с нами?

Аудитория прыснула.

Я распрямился за партой в первом ряду.

Профессор Шеперд стоял передо мной, возвышаясь, с довольно хмурым лицом.

- Д-да, сэр! — выдохнул я. — У вас, э-э, был вопрос?

Группа снова взорвалась смехом.

- Да, мистер Тернер, — повторил профессор Шеперд, — у меня был вопрос — две минуты назад.

Он повернулся, поднялся на помост и прошел за кафедру.

- Это не спальня, мистер Тернер. Это аудитория. Я ожидаю, что вы будете дремать в свое свободное время.

Прозвенел звонок, резко оборвав и лекцию и смех. Парты заскрежетали, ноги затопали, — студенты бросились к выходу. Я же снова упал на свое место.

- Подойдите сюда на минутку, мистер Тернер! — позвал профессор Шеперд сквозь шум и гам. Я застонал и начал было подниматься. И мой член уперся в столешницу. Я откинулся на спинку стула. Моя реальная эрекция была единственной правдивой частью фантазий и мечтаний. Капюшон члена касался нижней части столешницы, а сам член недвижимо стоял в полном напряжении.

- Мистер Тернер..., — нетерпеливым жестом указал профессор Шеперд.

Я был в ловушке, застигнут врасплох своей самоуверенностью, без шанса на то, что член вдруг быстро поникнет. Один только звук низкого голоса профессора Шеперда, произносящего мое имя, взгляд, устремленный на его красивое лицо и сверкнувшие глаза

сверху вниз, на меня, придавал моей напряженной эрекции еще большей стальной силы.

Я посмотрел направо, налево. Аудитория почти опустела. Может, использовать крышку стола как защиту, чтобы идти к кафедре с ней?

– Тернер! Ну же!

Я открыл ноутбук, поднял крышку стола, вскочил на ноги, прикрывая свой выгнувшийся член двумя половинками Мака, неуверенно двинулся вперед, пошатываясь поднялся на помост, подошел к профессору.

Профессор Шеперд взглянул на меня, на мой бронефартук компьютера, закрывающий промежность.

– Я сразу перейду к делу, мистер Тернер, – произнес он, проницательный достаточно, чтобы пытаться обмануть его даже пятнадцатидюймовым экраном. – Поскольку вы не записались ни на одно из психологических исследований, проводимых нашими аспирантами, что требуется для всех студентов первого курса, я назначу вас на одно из них.

Я сглотнул, две стороны ноутбука сдавили мне член, вынуждая все мое оборудование вибрировать от напряжения. Я действительно забыл поставить галочку в списке психологических исследований, врученном мне вместе с учебными материалами.

– Это исследование называется *Визуальная стимуляция, реакция и психологическая и физиологическая обусловленность у самцов*

грызунов и людей. Исследование проводит Брэд Дженнингс, – профессор Шеперд передал мне листок бумаги с указанием времени и номера лаборатории для моего визита. – Надеюсь, вы будете более активным в этом исследовании, чем на моих занятиях. Я уже собирался ответить. Но профессор Шеперд быстро повернулся и стремительно удалился.

Оставив меня с затуманенным взглядом, вожделенно вздыхающего от страсти к мужчине, оставившему лишь аромат его парфюма. Мой Мак завибрировал у меня в паху, когда мой член задел несколько клавиш. Если бы только у него был разъем для подключения члена!

Исследование должно было проходить в кабинете 402 корпуса социальных наук в пять часов дня. Я тяжело поднялся по лестнице на четвертый этаж, а затем, раздраженный, что мне пришлось задержаться в университете так поздно, побрел по коридору. Моя последняя лекция была в одиннадцать утра, она же и единственная, кроме вводного занятия по психологии. Наверное, я мог бы провести это время за учебой в библиотеке или где-нибудь еще, но вместо того потратил четыре часа на видеоигры в компьютере, разрядив батарею в ноль. Я все еще не был уверен, что высшее образование – это мое.

Я постучал в дверь, и мужской голос ответил:

– Входите!

Я вошел.

Лаборатория была не намного больше гостиной, с белым кафельным полом и побеленными стенами, черной столешницей с деревянными шкафчиками, деревянным столом и парой деревянных же стульев. Однако парень, находившийся здесь, производил гораздо большее впечатление.

– Привет, я Брэд, – сказал он, приветливо улыбаясь и протягивая руку.

Я взял его руку и пожал своей. Она была большой, крепкой и сильной, как и все остальное в нем. Он вообще был высоким и хорошо сложенным, с блестящими каштановыми волосами, коротко подстриженными и разделенными пробором справа, ямочкой на подбородке волевой челюсти, сочными красными губами и ярко-голубыми глазами. На нем был коричневый свитер и коричневые брюки, бежевые туфли.

Следует отдать должное факультету психологии, судя по тому немногому, что я видел, – у них прекрасный коллектив сотрудников. Я передал Брэду листок бумаги, который дал мне профессор Шеперд, и сказал: – Я Тайрус.. ваш, э-э, подопытный, наверное.

Брэд рассмеялся:

– Это не будет слишком больно, Тайрус, обещаю. На самом деле, тебе это может даже понравиться. Колин сказал, что ты представляешься особенно подходящим подопытным для этого исследования.

– Колин?

- Профессор Шеперд.

- Ой.

Я уже почти забыл о добром профессоре в очаровательном присутствии этого красавчика и исследователя.

- Присаживайся, и мы начнём, - он указал на один из стульев.

Я бросил рюкзак на пол, а сам упал на стул.

- Я просто попрошу тебя посмотреть серию картинок и оценить свою реакцию на них, - объяснил Брэд, доставая из шкафа ноутбук и проектор, расставляя их на столе. -

Первоначально. А потом, в зависимости от твоей реакции мы будем расширять параметры исследования, или же нет. Он достал еще

один прибор - черный ящик - и целую кучу проводов с USB-разъемами на одном конце и свисающими белыми подушечками на другом. -

Всё, что нужно делать, это сидеть и смотреть, - он махнул клубком проводов. - Это все будет фиксировать твои умственные и физические реакции.

- ОК, конечно. Я вполне могу это сделать, - я улыбнулся, успокоившись. - В чём вообще смысл исследования? Я имею в виду, что вы пытаетесь доказать или опровергнуть?

Мои слова показались мне самому довольно умными и выражающими интерес.

Брэд тоже улыбнулся, показав белые зубы.

- К сожалению, я не могу сейчас сказать.

Это исказит результаты. Но не волнуйся, это не тест. Просто веди себя естественно.

Я мог так и сделать. Откинулся на спинку стула.

И Брэд начал подключать меня, как будто я проходил проверку на полиграфе, и одновременно ЭКГ. На запястьях, груди и шее – повязки-браслеты, электроды на висках и у сердца, в паху – чашеобразное устройство. Все стало четче, но еще более неприятным, когда Брэд выключил свет и включил проектор – на стене и перед моими глазами мелькнуло изображение женщины с большой грудью в деловом костюме.

Черный ящик, к которому убегали все подключенные ко мне провода, идущие от моего тела, никак не отреагировал.

На следующем снимке девушка с пышной грудью уже сняла деловой костюм и надела бикини, декольте и ее отчетливо женское начало были очевидны. Я неловко поерзал на стуле, но молчаливый черный ящик уловил мое все-таки полное безразличие, что выглядело почти порицанием.

Я уже не был уверен, что хотел бы раскрыть так много о своей личности.

– Постарайся не двигаться, – предупредил Брэд из-за соседнего стола. – Это сбивает с толку мониторы. Они очень чувствительны. Так и я становился очень чувствительным – ко всему этому откровенному эксперименту. Брэд постучал по клавиатуре ноутбука, и женщина потеряла бикини. Ее торпедообразные груди практически выскочили за пределы экрана. Я рефлекторно отшатнулся, в страхе, что те выбьют мне глаза. Но в остальном аппарат опять-таки фиксировал мою абсолютную апатию.

Затем быстро последовали новые снимки. К обнаженной женщине присоединилась другая, столь же пышногрудая. Они сцепились и боролись в различных чувственных и сексуальных позах. Думаю, у большинства мужчин электроды бы уже оплавилась, и черный ящик вслед за ними. Этот перформанс был действительно мастерским — но не для меня в роли ценителя порнографии. Я зевнул...

Но вдруг в кадре появился мужчина. Просто мужчина, в отличном деловом костюме, — яркий акцент на большом экране. Затем в плавках. И вот он стоит и смотрит на меня в чем мать родила, — большой, атлетичный, красивый чернокожий мужчина, член свисает из поросли лобковых волос.

Электроды нервно ожили на моей коже, язык сам собой выскочил изо рта, чтобы смочить вострепёнувшиеся губы, глаза и ноздри расширились. Сердце забило быстрее. В горле и в паху образовался ком, дыхание участилось. Черный ящик уловил мой возбужденный интерес, замигал зеленый огонек, машина зажужжала.

К обнаженному чернокожему красавчику присоединился обнаженный белый парень, столь же хорошо одаренный. Они начали бороться, как пара влюбленных мальчишек, на протяжении серии картинок, переплетая языки, потирая члены, сжимая ягодицы. Я распрямился на стуле, пот выступил на лбу и в подмышках, яйца раздулись, а член набух. На черном ящике вспыхнул еще один желтый

индикатор, машина взвыла.

Брэд бесстрастно взглянул на провокационные фото на стене и на разошедшуюся черную коробку.

Действия становились все более напряженными, как и я: они лизали соски, сосали члены, трахали друг друга. Мои собственные яйца болезненно ныли, член окаменел, как пожарный шланг под давлением, похожее на спортивный биндаж устройство в паху зверски раздулось вместе с передней частью моих штанов, напряжение нарастало. Ладони интенсивно потели, пот со лба вообще заливал мои отчаянно моргающие глаза. Все мое тело дрожало, из ушей, вероятно, валил пар, синапсы обменивались сигналами с невероятной скоростью.

Что бы это ни был за эксперимент, он был дьявольски эффективен, вызывая во мне радикальную реакцию. Меня визуальное стимулировали, я же активно реагировал на свою сексуальную обусловленность. Глядя на фотографии, я пускал слюни и выделял всякого рода влагу изо всех отверстий.

Но где же мышцы?

Картинки сменились — со статичных на движущиеся. Видео. И два залитых спермой красавца, цвета эбенового дерева и слоновой кости, исчезли, уступив место одинокому красавчику, сидящему деревянном стуле, голому. У него были блестящие каштановые волосы, ямочка на подбородке, акцентирующая развитую челюсть, загорелое лицо и тело, хорошо сложенное как выше, так и ниже

талии. Член торчал прямо вверх, точно так же, как и у меня.

К нему, в ярко освещенную комнату, вошел другой мужчина, высокий, седовласый, тоже крепкого телосложения и потрясающе обнаженный. Широкая грудь в поросли серебристых волос, покачивающийся член, похожий на кусок каната, но розового, когда он подходил к сидящему.

Подошел и опустился на колени, на кафельный пол, между раздвинутыми ногами молодого парня, схватил его торчащий вверх член и начал ласкать.

Я жадно дышал и моргал, пытаюсь прийти в себя, голова кружилась, а тело пылало. Парень в кресле запрокинул прекрасную голову назад и застонал, его большие руки впились в мускулистые бедра, когда мужчина на коленях опустил свою поседевшую голову, открыл влажный, красный рот и скользнул пухлыми губами по пурпурной головке члена молодого красавчика.

Я выгнулся, сглотнул, застыв как доска. Все это казалось таким знакомым, таким близким, таким порочно чувственным. Мое сердце и член бешено пульсировали, приклеенные электроды двигались вверх и вниз вместе с трепещущей плотью, отзываясь на яростный ритм моих органов. Черный ящик гудел.

Старший мужчина накрыл руки младшего своими и опустил голову ниже. Он проглотил три четверти набухшего члена сидящего в кресле парня, затем снова поднялся, снова опустился, насасывая член плавно, легко и

потрясающе эротично. Парень в кресле застонал и задвигался, вбивая свой член во всасывающий рот.

Этот красивый седовласый мужчина двигался все быстрее и быстрее, сосал член все сильнее и быстрее. Положил руки на вздымающуюся грудь сидящего на стуле, ущипнул загорелые соски, покрутил их, заставляя молодого подпрыгнуть на стуле. Эта взрывоопасная сцена задела меня за живое, за то самое, чем я жил и что любил: член и яйца. Поскольку я фантазировал в том же обжигающем сценарии утром, то лишь тяжело дышал, но смотрел и смотрел, а пенис изо всех сил рвался из штанов, чтобы распрямиться окончательно, высвобождая сперму.

Затем у меня чуть не случился настоящий сердечный приступ в дополнение к пятибалльному приступу похоти. Когда стоящий на коленях, сосущий член мужчины оторвался от него, и оба великолепных красавца повернули головы прямо в камеру, — на меня и мою манию, до меня наконец дошло, что эти двое героев-любовников — Брэд Дженнингс и профессор Колин Шеперд, во всей своей неприкрытой, запечатленной на видео плоти. Они улыбнулись мне. Электроды на мне закоротило, и черный ящик загорелся красным. Дверь открылась, свет включился, стена снова стала белой. Мои выпученные глаза перемещались от профессора Шеперда, стоявшего в дверном проеме, к Брэду, сидевшему за столом. Брэд был голым, его

тело вживую было еще прекраснее: гладкое, загорелое и мускулистое, а длинный загорелый член торчал прямо в моем направлении. Профессор Шеперд предстал в черной академической мантии. Он закрыл дверь, расстегнул молнию, позволяя мантии упасть, оказавшись совершенно голым. Его тело было именно таким, каким я его себе представлял в своих мысленных и порнографических фантазиях: член свисал из серебристой поросли в паху, хотя и в полуэрегированном состоянии. Этот психологический эксперимент внезапно вышел за рамки теории и перешёл в страстную практику при чрезвычайном эротизме. А я жаждал более интимного изучения. Эти двое улыбнулись друг другу и кивнули. Они с самого начала раскусили меня, боги высшего образования и любовных практик. Профессор Шеперд опустился на колени между моих ног, снял с меня чашеобразный сенсор, расстегнул мои брюки, расстегнул погнутую молнию, выпуская мой напряженно пульсирующий член. Его длинные пальцы обвились вокруг распрямившегося ствола и движение началось. Из меня рвался восхитительный вздох наслаждения, с которым рот мгновенно наполнился невероятно аппетитным членом Брэда, когда он подошел и выгнулся ко мне. Профессор Шеперд наклонил голову ниже и втянул круглую головку моего члена в свой рот, а я - внушительную члена Брэда. Мы, двое молодых парней, стонали от влажных,

теплых оральных прикосновений, и вибрации моей радости расходились по всему затвердевшему члену Брэда, пронизывая всю его мускулистую плоть: он вонзил половину своего пульсирующего органа мне в рот, а профессор Шеперд всосал половину моего возбужденного члена.

Я кивнул. Профессор Шеперд кивнул в ответ. Он сильно, влажно и страстно втянул мой член, пока я повторял те же движения, будто обсасывая член Брэда. Это была встреча сексуально единомышленников, находящихся на пике взаимного интереса. Брэд схватил меня за короткие кудрявые волосы и начал водить своим членом по моему разгоряченному лицу, пока профессор Шеперд интенсивно обрабатывал мой греховно распухший член. Но вот они отстранились; подняли меня со стула. Мы встретились ртами уже стоя, целуясь и обнимаясь, свободно обмениваясь слюной и языками в возбуждающем диалоге похоти. Брэд схватил мой скользкий от слюны член и начал его подрачивать. Я же ухватился за огромную эрекцию моего профессора и начал то же самое, быстро и на собственном опыте обучаясь. Хорошо тренированные руки профессора Шеперда исследовали мои ягодицы и яйца, разминая и сжимая, без остановки доставляя удовольствие. Это был колледж уверенных и сильных телом обладателей членов, а исследования становились все более глубокими.

Брэд вскочил на деревянный стол, сел на

руки и раздвинул ноги. Я принял вызов его непристойно манящего члена, вцепился в край стола и наклонившись, с первой попытки жадно поглотил его подергивающуюся головку. Он издал протяжный стон, мышцы его восхитительно напряглись. Я склонился глубже, снова вбирая еще больше его мясистого члена в мускусном запахе его волосатых яиц.

А потом я чуть не откусил то, что пытался заглотить, содрогнувшись, когда профессор Шеперд просунул два хорошо смазанных пальца между моими выпяченными ягодицами и провел ими по всей моей чувственной щелке. Я втянул воздух через нос, посасывая член Брэда, на волне наслаждения ощущений этих мягких, скользких кончиков пальцев, ласкающих мою щелку, кружащих вокруг моей нежной черной дырочки.

Розовый член профессора был давно готов для полноценного веселья. Он отдернул пальцы от моей задницы и вставил свой член. Я в бешеном темпе обрабатывал ствол Брэда, пока большой член профессора Шеперда проникал в мою маленькую попку. Медленно, чувственно разжимая тугое кольцо, прокладывая свой путь в анус.

Я вздрогнул от эмоций, царапнув член Брэда зубами. Чтобы тут же содрогнуться от долгой, блаженной дрожи и снова заняться членом Брэда — пока длинный, твердый, толстый член профессора Шеперда погружался в мое отверстие, растягивая и наполняя мою задницу психологическим и физиологическим

пониманием, которое ни один учебник никогда не смог бы запечатлеть в моем мозгу.

Я схватил Брэда за бедро одной рукой, за яйца другой, отчаянно и глубоко всасывая его член. Тогда как профессор Шеперд удовлетворял мою раскрывшуюся потребность в анальном просвещении, обхватив мои бедра, двигал своим членом взад и вперед в моем отверстии. Меня прожаривали с двух сторон, с членом во рту и в заднице. Брэд трахал в рот, профессор Шеперд – прямо в анус. Это был восхитительно успешный сексуальный семинар по любым меркам, академическим или иным.

Темп еще больше ускорился, мы втроем старались, напрягались до полного изнеможения. Я скользил ртом, губами и языком вверх и вниз по члену Брэда, сжимая, покручивая и дергая его яйца. Он же одной рукой схватил мою трясущуюся голову, а другой удерживал равновесие, извиваясь и энергично протрахируя меня в глубину моего податливого горла, в пылающий рот. А мое разгоряченное тело двигалось в ритме пульсирующего члена профессора Шеперда в заднице, со всей энергией занятого пропахиванием ануса. Его ногти впивались в мою покрытую бисером пота плоть, член и моя дырка просто дымились.

Я оторвал руку от дрожащего бедра Брэда и схватил свой собственный болтающийся член, сжав его в кулаке. Мне понадобилось всего несколько движений, и я, человек, всю жизнь стремящийся к знаниям, уже был готов к

кульминации на этом уроке сексуального образования. Я стонал, дрочил, заглатывая весь член Брэда целиком, и экстаз взорвался внутри меня, извергшись и заливая пол. Я фонтанировал тяжелыми, горячими потоками ликующей спермы в каждом движении руки, мышцы моего тела и ануса так дико спазмировались, что я чуть не вырвал буравящий меня член профессора Шеперда. Это был групповой семинар, прикладная наука, перешедшая в жесткую практику, а затем в настоящий рабочий процесс. Профессор Шеперд кричал и выплясывал пламенную самбу у моих спазмирующих ягодиц, изливая горячую сперму мне в кишки в оглушительных воплях, поток за потоком. А Бред шумно прыгал на столе, кончая прямо мне в рот, его член накачивал обжигающей спермой мое горло. Мы все вместе кончили, завершая этот чертовски крутой и чудесно грязный эксперимент. Я претендую на то, чтобы стать *специальным исследованием* профессора Шеперда и Брэда на весь семестр. Видимо, каждый семестр они выбирают одного привилегированного, извращенного студента, и я с блестящим результатом сдал их тест. Я буду их, так сказать, подопытным кроликом, открытым для всевозможных стимуляций и опытов. Это почти вынуждает меня желать сменить специальность на психологию. Но я оставляю варианты — и себя — доступными. Потому что в следующем семестре я записался на

социологию, в исследование с изучением групп. Двое образованных людей — это здорово, но разве четыре или восемь не улучшат прилежание?

МОЛИСЬ ИМЕННО ТАК

Джерард Возек

– Найдите точку покоя внутри себя и сбалансируйте себя оттуда.

Эти мотивирующие слова, произнесенные характерно мужским голосом, в передней части студии йоги, казалось, несли с собой для пятерых медитирующих учеников теплый туман, с ароматами пьянящего меда и лаванды.

– Вернитесь к дыханию, – добавил Юргис, когда пятеро юных адептов замерли в полукруге. – Всегда возвращайтесь к своему внутреннему источнику, когда ваш ум блуждает.

На несколько мгновений глубокая, удивительная тишина наполнила студию, и запах жасмина, который присутствовал постоянно, стал еще более осязаемым, будто каждый ученик каким-то образом покинул свое временное телесное вместилище и вошел в состояние, где времени не существует. Юргис сложил руки на широкой груди, глубоко и тихо выдохнул, продолжая занятие, объясняя ученикам дальнейшие действия: открыть глаза и мягко вернуться к нормальному бодрствующему состоянию.

- Потяните себя за мочки ушей, если нужно,
- Юргис показал действие на своих. - Или
медленно поднимайте руки над головой.
Мино всегда испытывал трудности с этой
частью медитации. Ему нравилось
задерживаться между мирами. Погружаться в
мерцающее царство глубокого космоса в
бесплотном блаженстве, или сливаться с
состояниями сознания, где эго испарялось, и
он мог плавать в бесконечных волнах другого
мира. Он был самым старшим учеником в
классе, двадцатитрехлетним парнем с
подтянутым, атлетическим сложением пловца и
приветливыми манерами, который заканчивал
университет по курсу всемирной истории и
мечтами когда-нибудь преподавать.
- Здесь царит экстатическая атмосфера, -
заметил он как-то своему преподавателю
Юргису, указывая на место на своей
рельефной груди, которое могло бы означать
сердце. - И я не хочу, чтобы это
заканчивалось, профессор. Просто хочу
задержаться в этом безмыслии, в этом
вневременном месте.
- Это и не должно заканчиваться, - тепло
улыбнулся Юргис. - Я ожидаю, что вы
продолжите практиковать, даже если наши
занятия и закончились, верно?
Мино пожал плечами и внезапно, казалось,
погрузился в состояние, похожее на
самоанализ, пока другие ученики надевали
уличную обувь и собирали подушки и
полотенца.
- И вам больше не нужно называть меня

профессором, особенно теперь, когда вы заканчиваете этот университет, так ведь?

– Заканчиваю, да, конечно, – Мино выглядел смирившимся, поднимаясь из позы лотоса, чтобы свернуть свой коврик. – Но мне все еще нужно многое усвоить.

– Не забудьте, что завтра вечером в семь мы все встречаемся в экспресс-кафе в студенческом дворе, чтобы попрощаться, – громко произнес Юргис, откашливаясь и обращаясь к уходящим.

– Напитки за ваш счет? – раздались дружные голоса из дверного проема.

– И еще десерт, – ответил Юргис, похлопывая себя по области ниже пупка, хотя ему и не стоило делать такой унижительный жест. Ему было еще несколько лет до сорока, у него подтянутая фигура, ровные плечи и крепкие бедра, которые он с гордостью демонстрировал на каждом сеансе Дзена, надевая обтягивающие шорты. А коротко подстриженные волосы, цвета темной бронзы, и заметные татуированные бицепсы, дополняющие общий образ в лайкровой майке, даже могли отвлекать некоторых учеников, но Юргис всегда настаивал, что студия – это место, где каждый должен сосредоточиться на чистой практике медитации, хотя сам время от времени и позволял себе поглядывать на красивых и мускулистых парней-учеников, многие из которых были спортсменами, выбравшими курс медитации в качестве факультативного предмета.

– Каждому нужен свой собственный сад для

уединения, — часто объяснял Юргис ученикам, иногда напоминая как бы и для себя. — И этот сад всегда рядом.

Кроме того, предметом гордости являлась совершенно искренняя увлеченность учеников, а также их еженедельный прогресс. Сегодня вечером, когда они один за другим выходили из студии, он почувствовал некоторую меланхолию, понимая, что должен расстаться с ними.

Он погасил свет в большей части студии, вытряхнул пепел из курильницы, затем еще раз оглядел помещение, прежде чем выключать последние лампы. Но уже в дверях заметил открытый зеленый брезентовый рюкзак со связкой ключей и небольшим блокнотом рядом. — Кто бы это мог оставить? — подумал Юргис вслух, быстро пролистывая крошечный блокнот. Среди всякого рода заметок незнакомым почерком обнаружилось несколько телефонных номеров, простой список повседневных дел, а затем и то, что сначала показалось началом чего-то более художественного, возможно, даже стихов. Когда Юргис начал вчитываться внимательнее, длинная тень скользнула с плеча на страницу.

— Просто мои собственные молитвы.

— Ой, Мино, — Юргиса поразило внезапное появление ученика сзади, — я хотел найти что-то, чтобы понять, кому это принадлежит. Другим несложно было сразу понять, что Мино в любимчиках у Юргиса. Хотя тот старался держать равенство для всех на своем курсе,

но не мог не замечать усилия, которые Мино вкладывает в свою практику.

– Я работаю над серией молитвенных размышлений для курса теологии, – почти извиняясь говорил Мино, когда Юргис осторожно вложил тому в руки его блокнот. – Они пока еще довольно сырые.

– Молитвенные размышления? – с неподдельным интересом спросил Юргис. – Это отражает твою веру или вроде исследовательских упражнений?

– Ну, созданы они по образцу библейского текста Песен Соломона*, – заметно покраснел Мино в полумраке пустой комнаты. – В каком-то смысле это молитвенные размышления о... ну... любви, наверное.

– Пусть он поцелует меня поцелуями своих уст, – Юргис вспомнил цитату из Песни песней, – ибо любовь твоя лучше вина. Мино застыл, прикованный взглядом к губам харизматичного профессора. В приглушенном студийном свете пульсировала и нарастала та интимность, которая, казалось, всегда присутствовала в студии. Только теперь она стала более заметной и непосредственной в силу общего полумрака.

– Лучше вина, – повторил Мино, не отрывая глаз от чувственных губ Юргиса.

Металлическая дверь в конце коридора закрылась, раздался громкий щелчок, сразу за глухим ударом. Юргис поднял голову, чтобы взглянуть в ту сторону, через их

* Песнь песней - часть текстов Ветхого Завета, приписываемая царю Израильского государства (примерно 965–928 годы до Р. Х.) Соломону.

открытую дверь.

- Просто охрана закрывает на ночь, — успокаивающе сказал он.

- Значит, теперь не выйти? — пробормотал Мино почти соблазнительным шепотом.

- Не волнуйся, — сказал Юргис, закрывая их студийную дверь, выключая оставшийся свет.

- У меня ключ, — он замер, затаив дыхание, когда его добродушный ученик медленно приблизился к нему. Мино положил руку на сильное плечо инструктора:

- По-моему было очевидно, что я хочу как-нибудь остаться на индивидуальную тренировку уже несколько недель? — застенчиво произнес Мино, коснувшись своей гладкой щекой Юргиса.

- Ну, может быть, это была та заметная выпуклость, становившаяся больше и больше в твоих шортах, которая тебя выдавала, — улыбнулся в ответ Юргис. — Или, вероятно, я не должен был этого замечать.

Сердце его бешено колотилось. И хотя он вспотел и вообще нервничал в этой интимной ситуации, ему каким-то образом удавалось сохранять спокойствие перед Мино.

- Я очень рад, что ты так и сделал, — улыбнулся Мино, нежно касаясь губами щетины на подбородке инструктора. — За последние двенадцать недель мне почти ничего от тебя не удалось скрыть.

- Тебе и не нужно ничего от меня скрывать, — заверил его Юргис, обнимая Мино и подтягивая их тела ближе, — Здесь — никаких секретов.

Мягкие, приоткрытые губы Мино, казалось, пьянили Юргиса. Он взглянул на его чувственные и такие соблазнительные губы, чтобы медленно, деликатно коснуться их своими. Его встретил ищущий язык Мино и буря неистовых, жадных поцелуев, стремительно пронесшаяся от губ друг друга к шеем, щекам, носам и лбам. Страстное желание попробовать вкус друг друга было неудержимым, настойчивым и совершенно ненасытным.

- Ты невероятно приятный, — прошептал Мино у волосатой груди Юргиса, теперь без скрывающей ее майки.

- Как вино? — задумчиво спросил Юргис, - Шардоне или легкая Сангрия?

Юргис почувствовал, как уверенность несколько меняется, но продолжал держать некоторую эмоциональную дистанцию с Мино. - Шампанское.

Мино, казалось, увлекла какая-то пластика и неожиданная динамика, когда его руки скользили по подтянутому, мускулистому телу Юргиса. Горячий язык влажно скользил по веснушчатой коже Юргиса, обводя его твердеющие соски размером с монету, проникая в мускусные складки его подмышек с коротко стриженной рыжей порослью.

- Хорошо, тогда, — с облегчением вздохнул Юргис, избавленный от необходимости поддерживать уместный образ. - Все в порядке.

Мино опустился на колени, запуская язык по заросшей дорожке у пупка Юргиса. Он целовал

рыжую кожу снизу уходящего ввысь торса Юргиса, вокруг его пупка, и смотрел вверх глазами, которые говорили о том, что нет ничего запретного. Затем на мгновение засунул каждый палец инструктора себе в рот и нежно сосал их, медленно и глубоко, мягко покусывая и пощипывая кончики ногтей.

– Я не могу передать, как долго я хотел тебя, – пробормотал Мино, продолжая целовать цепкие руки своего учителя, медленно поднимаясь к локтям, бицепсам и плечам.

На мгновение Юргису вспомнилась первая встреча с Мино. Как тот вошел в зал студии со своей мальчишеской улыбкой и уверенной походкой, с переполненной сумкой на угловатом плече. Запомнились тогда и его темно-карие глаза с густыми черными ресницами, характерный тонкий, итальянский нос и широкий лоб. Он с нежностью вспомнил энергию, исходящую от его стройного тела, и любопытное, деятельное сочетание мужества и заботы, которые, казалось, исходили из самой души. Это было что-то неоспоримо прочное и чистое, благородство во всех его проявлениях.

– Я готов к работе над своей душой, – сказал Мино в тот первый день, когда ученики-студенты по очереди рассказывали о себе друг другу. – На этом курсе я действительно хочу проверить свои возможности, открыть для себя новые горизонты в духовной практике, включить эти новые позы йоги и медитации в свою

повседневную жизнь.

Юргис всегда следовал профессиональным стандартам в отношении учеников, и всегда был достаточно уравновешен и выдержан с теми, кого обучал искусству успокоения ума. Но особенно внимательно прислушивался к своим намерениям в отношении Мино, который, казалось, обладал удивительной способностью глубоко и увлеченно погружаться в состояние транса, следуя профессионально управляемым визуализациям и образам, которые Юргис предлагал во время занятий.

Но что-то было ещё.

Иногда появлялось физическое влечение, но Юргис просто отмахивался. Мысль о том, чтобы увлечься кем-то вроде Мино, никогда не приходила ему в голову — скорее, зрело тайное желание взять Мино под свое крыло, стать для него значимым наставником. Но было что-то и большее, скрытое настолько глубоко внутри, под профессионализмом и отеческой заботой, что сам Юргис едва мог распознать. До сегодняшнего дня.

Сегодня, когда их обнаженные тела сплелись друг с другом, вся эта подавленная страсть отчаянно прорвалась. А теперь он стоял посреди темной комнаты, широко расставив ноги, и кудрявые каштановые волосы Мино в ритме прибоя щекотали промежность. Тот целовал и лизал внутреннюю сторону бедер Юргиса, а после начал спускаться к коленям и лодыжкам, склонившись по-собачьи, чтобы добраться к красивым ступням своего тренера.

Юргис смотрел на согнутое тело Мино, его сексуальные, упругие, раскрывшиеся ягодицы, и чувствовал, как все его тело пронзает электричество, которому он сопротивлялся столь долгое время. Внутри пробиралась страстная дрожь — такая одновременно желанная и в то же время странно и совершенно незнакомая.

— Прошло слишком много времени, — почти неслышно проговорил Юргис себе под нос, пока Мино осторожно лизал его между пальцами ног. — Я просто больше не могу сдерживаться.

И он не сдержался.

Юргис наклонился, бережно, но настойчиво поднял Мино с колен. Они прижались друг к другу, сливаясь в долгом французском поцелуе, Юргис обхватил голову Мино своими сильными руками, время от времени раздвигая пальцы, чтобы разгладить кудрявые волосы Мино. Они замерли на мгновение, и Юргис пристально посмотрел Мино в глаза.

— Я не хочу останавливаться, профессор.

— Я больше не профессор, помнишь? — медленно, с большой нежностью, произнес Юргис.

— Но мне еще так много нужно узнать от тебя, — ответил Мино, крепче обнимая Юргиса. — Ты можешь многому меня научить.

— И ты можешь многому меня научить, — Юргис снова улыбнулся, желая проникнуть к Мино туда, где тот внутри себя мог быть обнаженным и уязвимым, без притворства и привязанности. Просто самим собой.

Мино на мгновение ткнулся головой в стриженный кустик одной из подмышек Юргиса: – О, не знаю, – прошептал он в эту волосатую впадину. – Я просто хочу раствориться в твоём божественном мужском запахе. Позволь мне просто расплыться вокруг тебя.

Юргис смутился. Схватил Мино за плечи и пристально посмотрел в его расширившиеся глаза:

– Пойдем со мной.

Он подвел Мино к дальнему углу пустой комнаты для медитаций. Там зажег маленькую красную свечу на низком столике, развернул два широких коврика для упражнений, расстелил их на полу, затем жестом пригласил Мино лечь рядом.

В мерцающем гранатовом свете свечи Юргис крепко обнял Мино. Он целовал Мино долгими, сладкими, нежными поцелуями. Такими теплыми поцелуями, которые обычно берегут лишь для особенного, давнего любимого.

– Вот так и можно выполнить ту работу над душой, о которой так мечтал, – прошептал Юргис. С этими словами и дрожью в теле от удивления, насколько раскрепощенным мог быть с Мино, настолько открытым и почти одновременно уязвимым, он вдруг понял, что ему самому нужно проделать работу над собой. Пришло также понимание, что возможно различать случайную встречу и связь, которая, казалось, выводила весь опыт на совершенно другой уровень близости. В прошлом у него был опыт коротких, но бурных

любовных встреч с мужчинами, но всегда хотелось чего-то большего, чем просто увлечение или кратковременная интрижка. Он хотел Мино, — хотел его несколько недель, хотя и не желал признавать это в университетской обстановке, — чувствовал, что представляется возможность к чему-то большему, чем просто поверхностное восхищение и страсть. В этом доверительном разговоре было что-то притягательное, и Юргис решил сейчас не препятствовать установившейся искренности. Именно этот, такой уникальный, огонь, разгорающийся между ним и его уже бывшим студентом, теперь — страстным любовником, он решил подпитывать каждой клеточкой своего существа.

— Расскажи мне о своих прекрасных стихах, — сказал Юргис тихо и нежно, целуя правую мочку уха Мино.

— Ты имеешь в виду молитвенные? — пробормотал Мино, глубоко вздыхая, пока Юргис обводил языком его наружную часть уха.

— Да, пусть будут они, — ответил Юргис, лизнув угловатый подбородок Мино, — твои милые, домашние молитвы.

— Ну, они и близко не передают того, что происходит между нами прямо сейчас, — возразил Мино, мягко укладывая Юргиса на спину и улегшись сверху. Расставив ноги по обе стороны от него, он терся своим членом вверх и вниз по торсу Юргиса, затем провел им по верхней части груди и вокруг шершавой

шеи, к подбородку, пока его длинный, влажный член не оказался всего в нескольких дюймах от рта Юргиса. Подался вперед, запрокидывая голову назад, и его твердый член оказался прямо у рта Юргиса, покачиваясь из стороны в сторону, а затем на пару секунд коснулся его горячей щеки, потом головкой подбородка, губ и носа Юргиса.

- Итак, у нас получается свой ритуал, - сказал Юргис, прерывая долгое напряжение.

- Ритуал? - повторил Мино, а Юргис открыл рот, позволяя Мино положить свой пульсирующий член прямо на его язык, провигая его в готовое, восприимчивое горло. Длинный, раскрывшийся, с толстой головкой член Мино, казалось, заполнил рот Юргиса, но ему не потребовалось много усилий, чтобы принять нежные толчки, которые тот предлагал своему бывшему профессору.

Всего через несколько коротких минут Мино вытащил член и опустил голову, чтобы глубоко поцеловать Юргиса.

- Это, наверное, немного перебор, - признался Мино, его пульс участился, а пот стекал по пояснице.

- Тогда давай не будем торопиться, - успокаивающе ответил Юргис. - Давай попробуем что-нибудь, что может немного успокоить нас обоих. Сядь рядом со мной. Юргис почувствовал, как по его ноге сочится смазка, большая часть которой явно принадлежала ему, хотя Мино добавил и свою.

И вот, рубиновые тени зажженной свечи трепещут на бежевых стенах студии, а они двое сидят, скрестив ноги, лицом друг к другу на мягком коврикe. Юргис же устроился, обхватив ногами Мино, а затем они оба уселись поудобнее в новой позе.

– Здесь еще необходимо внести небольшую правку! – сказал Юргис, потянувшись к стоящему члену Мино, укладывая его так, чтобы он плотно прилегал к его собственному. – Теперь идеально, правда?

– Такое ощущение, будто мы одно целое, – сказал Мино каким-то срывающимся голосом, – будто мы почти одно тело; один человек.

– Вот в чём суть, – спокойно сказал Юргис.

– А теперь вспомни, как ты хорошо отзывался на мои указания во время наших занятий с управляемыми визуализациями?

Мино томно кивнул, нежно целуя Юргиса в губы.

– Давай попробуем ещё раз, – тихо и уверенно произнёс Юргис, обнимая Мино за напряжённые лопатки. – Но на этот раз мы вместе глубоко погрузимся в медитацию.

– Я с тобой, – улыбнулся Мино, отвечая учителю. – Я готов идти туда, куда ты захочешь.

– Это будет наш собственный ритуал, – сказал Юргис. – На самом деле, мы и будем этим ритуалом и молитвой.

Мино уже достиг того уровня, когда пребывал где-то внутри пульса Юргиса, воспаряя в сфере их любовной близости, в пределах комнаты, затем через потолок, в ночное небо

и далеко за его пределы.

– Пусть твоё дыхание следует за моим дыханием, а твой пульс – за моим.

Через мгновение они полностью синхронизировались, – биение сердца стало одним целым, вдохи и выдохи – идеально сбалансированы. Кончики их возбужденных сосков соприкоснулись, обмениваясь пульсацией, а их тела слились в единое целое, в плавный, извивающийся поток тантрической энергии.

– Все вы – божество, – прошептал Юргис с какой-то потусторонней интонацией, голосом, который, казалось, исходил одновременно изнутри, но также и отовсюду, со всех сторон. – Все вы – экстатический огонь, с каждым вздохом разгорающийся ярче.

Мино легко растворился в ритме сердцебиения. Воспоминания его прежней жизни в кампусе – часы, проведенные за учебниками в библиотеке, вечеринки в студенческих братствах, пропитанные пивом, бессонные ночи, проведенные в подготовках к экзаменам в своей комнате в общежитии, – все это, казалось, исчезло.

Здесь, с Юргисом, обнимая своего наставника, он оставался неподвижным и спокойным, хотя его темный пенис стоял напряженно и становился все более горячим, все более возбужденным, выгибаясь навстречу влажному и набухшему члену Юргиса.

В этом конкретном мире существовал лишь только инстинкт. Непрерывная реальность блаженства и смирения.

- Доверься знанию тела, — сказал Юргис в какой-то момент. - Духу, стремящемуся слиться с другим. Огню, поглощающему другой, пока не превратится в неукротимое пламя.

В этом возбужденном и пробужденном состоянии Мино казалось, что член стал более чувствительным, более отзывчивым и живым, чем обычно. Малейшее движение туловища Юргиса приближало Мино к оргазму. Но Юргис останавливал эту реакцию, не давая Мино кончить, размеряя дыхание. Это контролируемая интимность продолжалась довольно долго, Мино и Юргис улавливали дыхание друг друга поцелуями открытыми губами, отстраняясь друг от друга ровно настолько, чтобы продолжить это возвышенное переживание и продлить обволакивающую нирвану.

- Пусть это нарастает внутри тебя, — сказал Юргис, снова обычным своим голосом, целуя ресницы Мино. - Почувствуй, как восторженный поток поднимается через чакры, через подтягивающуюся мошонку и живот, и следуй за ним, пока он медленно и неуклонно поднимается к твоему сердечному центру. Мино легко улыбнулся, словно погружаясь в какое-то восторженное и томное оцепенение: - А когда оно достигнет сердца...? - он едва мог выговорить слова.

- Как только оно достигнет сердца, — продолжил Юргис, — мы просто будем держать его там. Будем держать его там и пусть оно согревает нас. Пусть подскажет, что делать

дальше.

– И это станет нашим духовным наставлением?

– закончил Мино на полуслове.

– Вот тогда мы и станем духовным наставлением, нашим ритуалом.

Прошли секунды, затем минуты, их члены воспрянули и плавно скользнули друг по другу. Дыхание участилось, затем на мгновение успокоилось, а потом вошло в священный ритм.

– Как мы узнаем, когда оно достигнет сердечного центра? – прошептал Мино после, казалось бы, установившейся тишины.

– Ты поймешь.

И именно в этот момент Мино почувствовал, как его член погрузился в теплое и влажное наслаждение. Неужели он внезапно вошел в Юргиса? Неужели он обнаженный, неприкрытый и неискушенный, проник в то интимное пространство, которого так жаждал неделями? Он не открывал глаз, просто поддаваясь божественным ощущениям.

В этом защитном коконе Мино не чувствовал, где заканчивается он сам, и начинается Юргис. Пот и пламя свечи, ничего более. Это были поцелуи и ритмы члена. Каждый сантиметр их мужских тел превратился в чрезмерно чувствительную эрогенную зону.

– Я кончаю, – простонал Мино сквозь восторг и внутреннее блаженство. Форма стала бесформием, и лишь они вдвоем кружили в этом всепоглощающем желании. Сжимаясь и напрягаясь, расслабляясь и наслаждаясь, эта глубоко выплетенная медитация устремилась к

полностью завершённой левитации. Два тела стали одним целым, воспаряя и осваиваясь в новом мире желаний.

Пронзительное чувство экстатического освобождения прошло через тело Мино и, казалось, прямо через тело Юргиса — хотя, опять же, было неразличимо, где они разделены.

— Поэма, — воскликнул Мино, словно больше не мог сдерживать себя и нуждался в контакте хотя бы с чем-то из прочной реальности.

— Ты и есть, — заверил Юргис.

— Да, — ответил Мино тихим, нежным голосом, — мы.

Они сошлись как любовники. Включили друг друга в том Экстазов — нечто, напоминающее поэтическую Камасутру или Песнь песней Соломона, но все-таки совершенно самостоятельное. Мужчина и мужчина, но отождествляя себя с чем-то за рамками пола и времени.

Воскресный огонь погас, Юргис с Мино растянулись на мягкой подушке, но Юргис поднялся, чтобы взять одеяло, сложенное под столом. Они обнимались в темной студии без единого слова, чтобы все произошедшее осело на их утомленных душах и телах.

На какое-то время Юргис вернулся к мыслям о своем прошлом, тайных попытках установить близкие связи с другими мужчинами — любовниками. Он настолько жаждал стать кому-то наставником, поэтому на мгновение забеспокоился о разнице в возрасте между

ним и Мино. Не будет ли это еще одним мимолетным влечением характера отец-сын? Но успокоил себя, чувствуя, что возможности, существующие между ними, могут перенести их обоих туда, где нет места ярлыкам и интерпретациям со стороны.

После долгого времени проясняющего мысли молчания Мино прошептал в темную пустоту:

- О что если охранник кампуса найдет нас здесь?

- Без вариантов, — ответил Юргис. — Я много раз оставался здесь, хотя и никогда с любовником.

- Я ничего не вижу, здесь так темно, — снова тихо произнес Мино.

Юргис обнял Мино сзади и мягко, осторожно положил открытые ладони поверх рук Мино, приложив их к сердцу, словно показывая, как сложить руки, чтобы обратиться к бесконечному источнику.

- Тогда помолимся о свете, — сказал Юргис.

- Помолимся, — кивнул Мино.

- И когда ты молишься так, — продолжил Юргис, прижимаясь ближе и теснее ко вселенной своей новой надежды, — ты молишься, будто молитва уже услышана. Вот так тебе нужно молиться с этого момента. Они так и сделали.

Сессия

Бретт Локхард

Читальный зал библиотеки Стерлинга* был настоящим памятником величию, каждая деталь которого символизировала эрудицию, изысканность, историю, стремление к знаниям. Вдоль стен возвышались балки из красного дерева, внушая заслуженную гордость, поскольку взирали с высоты 200 прошедших лет на сменяющих друг друга посетителей. В тишине заниматься учебой было практически невозможно, — по крайней мере, для Тодда, чье внимание расплывалось с каждым прочитанным предложением. Сегодня вечером учебник по биологии перед ним служил лишь порталом воспоминаний вечера прошлого.

Поглядывая сквозь каменные арки окон, Тодд думал о Джейке, товарище по лакросс-команде*, к которому испытывал чувства, в которых даже самому себе было страшно признаться. За два сезона, что они играли

* **Sterling Memorial Library** - Мемориальная библиотека Стерлинга, крупнейшая библиотека Йельского университета. Содержит более 4 млн томов по гуманитарным и общественным наукам.

** контактная спортивная игра между двумя командами с использованием небольшого резинового мяча и длинной клюшки с сеткой на конце.

вместе, каждый душ после матча был проверкой силы воли. Тело Джейка, когда тот мылся рядом, выглядело образцовым примером идеальной рельефности. Твердая, как камень, грудь сменялась плоским, волосатым животом. Когда он вытягивался, нагибаясь, чтобы мыть ноги, его мышцы напряглись, прочерчивая мускулистую ложбинку между упругими полушариями.

Прошлым вечером он все-таки задержал взгляд. Смывая шампунь, Тодд открыл глаза и увидел, как мыльная рука Джейка скользнула сбоку торса к паху. Джейк сделал вид, что не заметил. Это длилось всего секунду — и всё. Но ее было достаточно. Пока Джейк мыл под его яйцами, Тодд почувствовал, как член начал набухать от возбуждения этим вниманием.

Джейк отвернулся, стоя лицом к кафельной стене, и Тодд сжался от парализующего страха, что теперь все станет очевидно. К его удивлению, Джейк хитро оглянулся через плечо, давая понять, что и не против. На самом деле, он хотел большего, чем просто чтобы за ним наблюдали. Уничтожающий стыд, атаковавший Тодда, утих. Сменяясь эйфорическим приливом, оживляющим и поднимающим член. Хлопнула, закрываясь, дверь раздевалки, и Тодд понял, что теперь они одни в душе. Подойдя к Джейку, Тодд был потрясен тем, насколько тот естественен. Пока все вопросы растворялись, он позволил себе насладиться этим открытием. Провел рукой Джейку по плечам, затем по спине,

помедлив лишь на изгибе его упругих ягодич — предмете стольких ночных мыслей. Просунул свои скользкие пальцы в углубление ягодич Джейка, затем раздвинул их и одним пальцем обвел желанное отверстие. Прижавшись широкой грудью к спине Джейка, он почувствовал, как отверстие дернулось, когда он нажал на него. Гортанный вздох, и Джейк опустил, разворачивая, голову плечу Тодда.

Тодд глубже проник в отверстие Джейка, свободной рукой придерживая голову товарища по команде, целуя его в первый раз.

Трехдневная щетина Джейка была жесткой, но ее колючки с первого же поцелуя вызвали привыкание. На пике своей потенции они постоянно и до головокружения хотели секса. И было преступлением — так долго воздерживаться. Так что, теперь, когда дорвались, страсть полностью охватила их. Повернувшись друг к другу, без всяких слов, только улыбнувшись, они предоставляли полную свободу фантазиям, наконец, стать реальными. Их тела прижались друг к другу, и Тодд почувствовал твердый девятидюймовый* член Джейка у себя на животе. Его собственный, впечатляющий, восьмидюймовый и толстый, как пивная банка, уже жаждал возделенного облегчения. Джейк лизнул Тодда в шею, устремляясь вниз. Достигнув каменных плато грудных мышц Тодда, Джейк медленно проходя по соскам, обхаживал их языком, пока они не стали твердыми, и наконец

* 22.5 см.

сильно потянул каждый из них зубами. Тодд издал протяжный стон, и Джейк опустился на колени, чтобы обхватить колонны бедер Тодда — два шедевра архитектуры человеческого тела. Окинул взглядом огромный член Тодда, прежде чем начинать, затем потянулся к нему, проведя пальцем по нижней стороне. Наконец, сжав ствол, Джейк вытянул язык, чтобы полюбоваться истекающей оттуда смазкой.

— Как давно ты хотел попробовать его на вкус? — спросил Тодд.

— С того дня, как мы познакомились, — ответил ему Джейк, с благоговением рассматривая тело, высеченное годами тренировок и матчей. Наконец, набросившись на огромный член, Джейк заглотил его целиком, просунув толстую головку на несколько дюймов в горло, давясь, впервые преодолевая рефлекс. Но и Тодд не стал ждать, вот и его рот наполнился восхитительным членом Джейка, и Тодд упивался моментом, как же долго он ждал его! Выпустив этот большой член изо рта, лишь только чтобы пройтись по головке языком, он вспомнил те редкие, украдкой взгляды на него, а он, даже расслабленно болтающийся в душе, казался чем-то недостижимым, из области фантастики. Тот факт, что теперь, пусть даже только на мгновение, член Джейка Стиллвелла в его руках, внушал трепет и был слишком роскошным, чтобы поверить. И облизывая его, с обильно стекающей с губ слюной, Тодд

вспомнил школьного футбольного тренера, силуэт которого, а точнее его толстого члена, просматривающегося сквозь сетчатые шорты, стал настоящей навязчивой идеей. Вспомнил и учителя математики, бывшего яркого и почти профессионального футболиста, чье стройное сложение и округлые ягодицы возбуждали всякий раз, когда тот поворачивался, чтобы что-то написать на доске.

Неожиданно умелая работа Тодда с членом оказалась очень возбуждающей для Джейка. Разделяя с ним это молчаливое желание, он верил с каждым движением языка по его стволу, что и он способен на что-то исключительное. Взял Тодда за плечи и толкнул его на кафельный пол, схватил его за ноги и забросил себе на плечи. На мгновение пренебрегая членом Тодда, он предпочел доставить ему большее удовольствие от преданного проникновения языка в анус, и нежно раздвигая прекрасные половинки Тодда, начал медленно обводить им розовые складки, ритмично проникая внутрь, ускоряя ритм. Джейк, казалось, не обращал внимания, даже стоя на коленях на плитке пола, ни на что другое, настолько был сосредоточен на своем товарище по команде. Наклонившись еще, глубже проникая в сладкую и дружескую мягкость, он вдруг осознал, что струи душа хлещут по его заднице. Водяной массаж немедленно распалил и без того разгоряченную страсть, и он немедленно захотел ощутить огромный член друга

в своей дырочке.

– Ты готов к моей заднице, жеребец? – спросил Джейк. Он был словно греческая статуя, – высеченное из камня Божество, – возвышающийся над Тоддом.

– Как никогда более, – ответил Тодд в мучительном предвкушении.

Джейк впустил несколько дюймов и остановился, переводя дыхание.

– Дай мне секунду, – сказал он, наклоняясь вперед, чтобы поцеловать Тодда.

Ободряюще улыбаясь, Тодд сказал:

– Столько, сколько тебе нужно, – и этого было достаточно, прежде чем Джейк расслабился, вбирая остальную часть огромного члена Тодда.

Опьяненный этой мыслью, Тодд снова и снова прокручивал этот момент в своей голове: ощущение того, как эта задница раскрывается для него, принимая его член дюйм за дюймом невероятным образом, пока его член проникает глубоко в жаждущие внутренности его парня.

Увлечшись фантазиями Тодд не заметил, что запустил под рубашку два пальца, и теперь сам поигрывает с липкой смазкой, истекающей из головки члена над резинкой его трусов.

Внезапно очнувшись, он одернул руку, положив ее обратно на стол и огляделся, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает. Постукивая средним пальцем по большому пальцу, Тодд тянул нить смазки, пока она не истончилась и не разорвалась. Снова оглядевшись, он поднёс пальцы ко рту,

представляя, что этот соленый привкус — Джейка. Волна воспоминаний захлестнула, и тут же зазвучали стоны Джейка, эхом отдающиеся в голове.

— Блять, чувак. Давай сильнее, — выдавил Джейк, тяжело дыша.

— Вставай, — только и сказал Тодд.

Прислонил Джейка к стене, и через несколько секунд вошёл до самого конца. Джейк оперся своими волосатыми руками на скользкую от пара плитку, широко раздвинул ноги, присев на идеальную высоту, чтобы Тодд мог без труда пристроиться сзади. Членом в естественной смазке, Тодд трахал парня в задницу. Одной рукой держал, а другой обхватывал его, подёргивая ему огромный член, раскачивающийся при каждом движении. Как раз когда Джейк был готов кончить, когда секс достиг, казалось, высшей точки, Тодд мастерски замедлил темп, осторожно вытащив член из сочной дырки Джейка.

Выпустил и его член из своей руки и засунул три пальца в рот Джейку. Наклонившись, Тодд обхватил спортивным хватом этого красавчика из команды, легко вставил твёрдый как камень член обратно и прошептал:

— Ты мой.

Джейк повернул голову, чтобы поцеловать того, кто так смело заявил на него свои права, парня, которого хотел последние два года, а затем опустился на пол перед ним. Вид Тодда, во всей красе страстной молодости, подобно скауту под развевающимся флагом, но рельефно-мускулистого, не

оставлял компромиссов, как взять его член одним плавным движением. Джейк облизывал и сосал пульсирующий член, остановившись лишь только, чтобы сказать:

- Я хочу тебя попробовать на вкус.

Когда снова втянул его твёрдый член, Тодд был готов. Светловолосый Адонис удерживал голову Джейка, а сам перестал двигаться. Теперь Тодду были видны только его руки на затылке Джейка, частью скрытые в густых каштановых волосах. Двигался лишь язык Джейка, снующий по члену Тодда. Не в силах пошевелиться, так как голова была зафиксирована сильными руками Тодда, он ждал лавину. И рот наполнился четырьмя огромными излияниями спермы, и он делал один за другим глотки, наслаждаясь каждым, с закрытыми в экстазе глазами, пока сперма Тодда заполняла его горло.

И Тодд кончал снова и снова, видение в его голове представляло собой непрерывный цикл момента, когда он наконец кончил в рот тому парню, которого, как понимал в глубине души, каким-то непонятным образом, любил. И теперь буквально застыл за столом, наслаждаясь этими воспоминаниями. Хотя это стало настоящей пыткой, - член ныл и неконтролируемо подергивался, упираясь в хорошо сформированный годами спорта пресс, но он вернулся к мысли о Джейке, в наслаждении глотающем его сперму. Выражение лица Джейка, когда он наконец смог отдышаться, светилось искренней радостью.

Живо представив все это, Тодд снова полез под рубашку, но сейчас уже сразу схватил головку своего огромного члена. Естественной смазки было достаточно, чтобы сделать всего три движения, и, закусив губу, он моментально кончил в складки своего накачанного пресса. Слегка подрагивая, в самый момент оргазма, так как спермы было много, Тодд осознал всю трудность задачи, тут же оглядываясь в поисках самого безопасного, — то есть наименее заметного, — пути в туалет. Стараясь не выглядеть нервным, Тодд накинул худи с капюшоном и, стараясь прикрывать свой все еще стоящий член рубашкой, направился в туалет. По пути ему удавалось не смотреть в чью-либо сторону, рассматривая только книжные полки, мимо которых проходил. И вот, лишь только он начал приходить в себя, вдруг взглянул прямо в глубокие, цвета эспresso, глаза, которые смотрели на него — нет, сквозь него, — с другой стороны. Это был мистер Родриго, Тодд понял сразу. Не узнать на таком расстоянии было невозможно. Он, на самом деле, недавно зашел к нему под предлогом обсуждения *Дон Кихота*, хотя на самом деле хотелось пристальнее заглянуть в эти глаза, понять, не является ли то, что он видит там, лишь плодом его воображения. До этого момента его занятия по испанской литературе были изучением только мистера Родриго. Слишком молодого, как думал Тодд, чтобы быть

полноценным профессором, но без сомнений – настоящего баскского шедевра.

Закатав рукава клетчатой рубашки, мистер Родриго три раза в неделю мучил Тодда своими мраморными предплечьями, поросшими черными волосами. С квадратной челюстью и растрепанными темными волосами, он походил на веселый персонаж мужественного интеллектуала, но обладал располагающей харизмой человека, которому никогда не говорят «нет», высказывая же свою точку зрения, какой бы незначительной она ни была, он делал это основательно, глядя прямо на Тодда, выдерживая взгляд до тех пор, пока это не становилось почти неудобно. Сначала Тодд списывал это на культурные особенности, считая странную настойчивость мистера Родриго продуктом латинского темперамента, но со временем начал сомневаться, не что-то ли это большее.

– Видите ли, все ваши факты налицо, – сказал Родриго, когда Тодд усомнился в оценке его работы. – Построение четкое.

– Но В минус?* – возразил Тодд, которого, фактически, оценка особо не волновала.

– В вашей работе нет жизни, в аргументах – души. Честно говоря, это меня бесит.

– Что? Что я не столь поэтичен?

– Поэзия – для идиотов, Тодд. Здесь не нужна поэзия, чтобы быть достоверным.

Тодд вопросительно скривился.

– Меня же бесит, когда такой человек, как

* 4 с минусом

ты, полный мыслей, потенциала, создает что-то настолько невыразительное.

– Невыразительное? – переспросил Тодд.

– Я знаю, что в тебе есть это, – сказал Родриго, – но ты можешь пойти на это, позволить себе рискнуть.

– Мы все еще говорим о моей работе по испанскому, верно?

– Не утомляй меня, – сказал Родриго, вставая и демонстрируя, что момент наставничества закончился.

Они пожали друг другу руки в дверях и оба задержались в электрическом прикосновении друг друга.

Встретившись взглядом с Родриго в библиотеке, Тодд почувствовал тот же волнующий разряд. У него чуть было не перехватило дыхание при мысли, не видел ли Родриго, как он мастурбировал на виду у всего читального зала. Мысль была ужасна. Тодд не мог пошевелиться, продолжая смотреть на Родриго через полку с книгами, не зная, не ухмыляется ли преподаватель, возможно и многозначительно, потому что видны были лишь только его глаза.

Восстановив насколько возможно самообладание, Тодд направился в туалет, где надеялся перевести дух и немного привести себя в порядок. По пути вдруг его накрыла неожиданная вспышка возбуждения в штанах и огорчила такая телесная самостоятельность, хотя и там, где она всегда обитала. Даже в этот катастрофический момент, даже когда он

разбирался с постыдными доказательствами своей неприличности, его ненасытный член требовал большего.

В туалете, у раковины Тодд плеснул водой из крана, приподняв футболку и открывая рельефные мышцы пресса, на пятно спермы. И пока занимался этим засохшим пятном, дверь позади него открылась.

Это был м-р Родриго, — прядь черных волос на груди у расстегнутого воротника, взгляд прикован к Тодду в зеркале:

— В какую передрагу ты себя втянул, Моррелл?

— Как вы и сказали, мистер Родриго, мне нужно было рискнуть.

— Я не совсем это имел в виду, — сказал Родриго, — но наблюдать за этим было, безусловно, захватывающе.

— Нравится смотреть?

— Не обязательно нравится *только* смотреть, — сказал он. В этот момент Родриго стоял позади Тодда, их тела соприкоснулись, за исключением мучительной ткани между ними.

Тодд откинул голову назад, на плечо

Родриго, повернул ее и почувствовал полные губы преподавателя на своих. И сразу понял, что это врата к невозможным удовольствиям.

Тодд развернулся к Родриго, член рвался из его джинсов на свободу. Родриго крепко взял его за плечи, сильной, словно бы стальной хваткой, как это и представлялось во время многочисленных недавних мастурбаций.

Когда Родриго потянулся к поясу джинсов Тодда, для него стал неожиданностью член в

полной готовности. Толстая головка и сочащаяся смазка мгновенно вызвали ответную реакцию. Он взял немного смазки на палец, поднес руку ко рту и лизнул. Это было то самое, чего он ждал несколько месяцев всего семестра. При такой возбуждающей заднице Тодда, маячившей постоянно перед глазами, его мускулистыми и закаленными спортом руками на столе, волнистыми светлыми волосами, - ниспадающими на серо-голубые глаза, устоять было настоящим подвигом, не говоря уже о том, чтобы вести урок.

- Ты понимаешь, чем обладаешь? - спросил Родриго.

- Не понимаю, о чем это, - ответил Тодд.

- То, как ты влияешь на людей? Это редкое и чудесное качество.

- Тебе и такого не нужно...

- Знаю, - с этим Родриго опустился на колени и слизал смазку с прекрасного члена Тодда. Тодд вздохнул в самом искреннем облегчении, поддаваясь той свободе, которую даровали эти два дня.

- Каково это - когда тебя хотят так отчаянно?

- Насколько?

- Неизмеримо, - сказал Родриго и втянул в рот все восемь дюймов члена Тодда, до самого нестриженного светлого куста, еще сохранившего запах недавнего излияния. Родриго глубоко вдохнул запах этого парня, настоящего героя в студенческой одежде, не выпуская изо рта неколебимо стоящий член. Медленно он двинулся в длину, положив член

на язык. Тодд же прислонился к раковине, но лишь только Родриго сделал следующий вдох, скрипнула наружная дверь. Благодаря небольшому помещению при входе — пережитку старой архитектуры, своего рода, излишеству, что добавляло некоторые изыски, — у них было около пяти секунд застегнуть пуговицы, навести порядок и вообще прийти в себя перед раковинами.

— Как дела, Тодд? — спросил Киллиан Граймс, который жил в соседней комнате в прошлом году.

— О, это ты, Киллиан? — переспросил Тодд, глядя в зеркало. Показалось, или же во взгляде вошедшего прозвучала какая-то двусмысленность, в рассеянном феромональном тумане, вызвавшем подозрение у Киллиана? Филадельфийский аристократ с зелеными глазами и блейзере с гербом, остановился, взглянул на Родриго и нерешительно направился к писсуару.

Тодд и Родриго переглянулись, улыбнулись и тихо вышли под звук мощного напора, ударившего о фаянс.

— Пойдем со мной, — сказал Родриго, направляясь вглубь бесконечных стеллажей с книгами. Они укрылись в самом дальнем углу, среди тиши позабытых томов.

— Почему именно здесь?

— Философию больше никто не изучает, — заметил Родриго, прижимая Тодда к полкам. Расстегнул ремень, взломал ширинку, стянул штаны на пол, возобновляя прерванный глубокий отсос. Тодд гладил его черные

волосы, а тот лишь сосал и сосал. Было невероятно трудно сдержаться, чтобы не кончить прямо сейчас, настолько искусно Родриго ласкал языком огромный член Тодда. Почувствовав, что Тодд уже на грани, Родриго сел на пол и стал пробираться сквозь его промежность, проводя языком по заполненным яйцам в соленой промежности Тодда, пока не добрался до пульсирующего входа в задницу. На мгновение залюбовавшись девственной штучкой, такой упругой и розовой, скрытой мускулистыми, округлыми половинками. Один лишь мускусный запах Тодда, пробуждал неукротимое желание — вонзить член в него со всей силой, но он терпеливо обходил его дырочку вокруг, дразня Тодда своим умелым языком. Но Тодд изо всех сил, вцепившись в полки, старался удержаться на ногах. Ласки Родриго вынуждали член подпрыгивать и безапелляционно требовать более решительных действий. Но он знал, что дрочить пока не стоит, потому что даже малейшее прикосновение приведет к оргазму. Вместо этого Тодд раздвинул шире свои восхитительные ягодицы, предоставляя Родриго неограниченный доступ. И пока он яростно трахал его своим ловким языком, Тодд подумал о его заднице, наверняка скрывающей все самое интересное под мягким пушком темных волос.

— Как вообще насчет подобных вещей? — спросил он сам себя. — А что, если он не хочет, чтобы его трахали?

Но прежде чем возможно было обдумать вопросы, Родриго сорвал с себя одежду. Вскоре перед Тоддом предстал преподаватель и его массивный торс, заросший темными волосами с рельефом мышц под ними, не результатом тренировок в спортзале; скорее, в том естественном развитии, которое приносят летние каникулы в Сан-Себастьяне, купания в Бискайском заливе, теннисные матчи на залитом солнцем корте с братом, и ночные пробежки по периметру кампуса, просто чтобы отвлечься, подумать. Грудные мышцы вполне оформлены, а рельефный пресс — естественен.

Тодд прижался к Родриго и ощутил его запах — резкий и горячий, мужской, без всякого намека на дезодорант. В желании большего, Тодд поднял ему руку и вдохнул. В глубине его подмышки, Тодд жадно втягивал бескомпромиссный запах мужественности, проводя языком от мягкого пушка внутри до напряженного бицепса. Затем обнял его и толкнул его на пол, обхватил голову и поцеловал, почувствовав, что это что-то может значить.

— Я хочу тебя, — сказал Родриго, и Тодд понял, что время пришло. Схватил необрезанный член своего преподавателя, — целых семь дюймов и впечатляюще толстый. Когда Тодд сжал его, из головки выкатилась струйка естественной смазки. Подняв ноги Родриго себе на плечи, Тодд не упустил возможность лизнуть его ступни, костяшки которых были так же возбуждающи, как и сам

член. Но это была всего лишь прелюдия, и Тодду неудержимо захотелось вонзить свой член в эту жаждущую задницу.

Поддерживая его таким образом, Тодд использовал свою смазку, чтобы промассировать ожидающее отверстие, двумя пальцами раздвинул, убедившись, что здесь все готово к его внушительным размерам.

Сначала Тодд деликатно прижал головку своего члена к тугому отверстию Родриго. Тот лишь приветливо улыбнулся, а затем, с первым же толчком, глубоко вздохнул.

- Ты в порядке? — спросил Тодд, почти испуганно.

- Да, в порядке, — сказал Родриго. Одну секунду.

- Что мне делать? — спросил Тодд.

- Не вынимай, — глубокий вдох. — Не вынимай.

Пауза.

- Поцелуй меня, жеребец, — сказал Родриго, открывая рот. И без предупреждения, словно по какому-то первобытному сценарию, Тодд плюнул ему в рот.

- Трахни меня, — сказал Родриго.

- Да?

- Трахни жестко. Давай. Сильнее.

- Сильнее? Ты уверен? — удивился Тодд, уже и так выкладываясь полностью.

- Ты же спросил меня, чего я хочу, — прошипел Родриго, схватив Тодда за массивные плечи. — Трахни меня. Сильнее.

И с этими словами Тодд выпустил всю свою страсть, бедра били о задницу Родриго, член

уходил внутрь глубже и глубже. Без пауз и остановок.

- Да, да! О, да, — стонал Родриго.

- Тебе это нравится?

- Черт возьми, да. Я хочу, чтобы ты кончил мне в задницу, жеребец.

- Еще нет, — отвечал Тодд, вытаскивая член, чтобы перевернуть Родриго:

- Я хочу, чтобы ты встал по-собачьи.

Тодд поднялся над Родриго, чтобы оценить подтянутые мышцы его спины, мощную V-образную форму, сужающуюся к гладким округлым ягодицам. Он наслаждался этим зрелищем, зная, что оно принадлежит только ему. Крепко взявшись за бедра Родриго, Тодд одним легким движением вонзил свой член. Чтобы проникнуть ещё, Тодд наклонился вперёд и обхватил грудь Родриго своей мускулистой рукой. Свободной рукой он уперся в полки.

- Блять, ты так глубоко. Так чертовски приятно.

Тодд лишь ускорил темп, вбивая свой член быстрее и сильнее, с каждым толчком усиливая ритм и ускоряя темп. Громкие шлепки отзывались в такт страстным стонам Родриго:

- Да. Давай. Блять, да. Да, так. Еще. Сильнее. Пожалуйста. Сильнее.

Тяжелое дыхание. Струйки пота стекали на подбородке. Настойчивые требования. Все предвещало приближение дикого оргазма. Вместе эти два тела были механизмом, чем-то, созданным только для этой цели, где

секс был искусным симбиозом, осмысленным исступлением напряженных мышц и первобытных желаний. Тогда переполняла необузданная гормональная энергия этого акта, чистая физическая радость от ощущения тугой задницы Родриго вокруг его ненасытного члена.

Когда вид тела учителя-красавчика под ним стал для Тодда неукротимо приближающим кульминацию, как раз когда он подумал, что вот-вот кончит, то отвел взгляд, в темный коридор из книг, чтобы еще немного растянуть наслаждение. Но лишь повернул голову и сразу заметил чей-то силуэт в конце коридора, со спущенными до лодыжек штанами, яростно вцепившегося в член.

На мгновение ошеломленный, Тодд резко остановился пытаясь осмыслить увиденное.

– Что случилось? – спросил Родриго, вытягивая шею, чтобы посмотреть на Тодда.

– Ничего. Я просто, э-э...

– Ты в порядке?

– Я очень близок, хочу, чтобы ты кончил первым.

Родриго безмятежно улыбнулся.

– Твой член – это просто секс-орудие. Так что, только скажи, когда.

– Тогда скоро, – ответил Тодд, возобновляя ритм бедрами.

– Отлично, – сказал Родриго. – Давай.

– Блять, как же это приятно, – выдохнул Тодд, опираясь на полки, поддерживая равновесие. Он оглянулся по коридору и увидел, что силуэт исчез. Одновременно с

облегчением и разочарованием, Тодд снова сосредоточился на объекте своего жестокого траха. Наклонился, сунул три пальца в рот Родриго, и он, тотчас втянув их, стал энергично сосать. Тодд поднял глаза и увидел по другую сторону стеллажа человека, призрачного силуэта еще несколько мгновений назад. Теперь Тодд узнал в нем Киллиана, светловолосого футболиста, который, должно быть, последовал за ними из туалета. Тодд никогда не думал, что Киллиан может быть геем, но вот он, наблюдает, как Тодд жестко трахает преподавателя испанского, головой на книжной полке, пригласительно улыбаясь. Выдерживая темп, Тодд толкал Родриго вперед, пока тот не уперся в книги на нижней полке стеллажа. Тогда Тодд локтем сбросил книги на пол. И Киллиан открылся во всей красе — все его девять дюймов. И с этим огромным членом в руке Киллиан держал ритм с такт мощным движениям бедер Тодда. Их взгляды встретились, они приближались к общему оргазму, синхронизированному с нарастающими первобытными стонами Родриго.

— Блять, чувак, я кончаю, — тяжело выдавил из себя Родриго. Тодд посмотрел вниз и понял, что его учитель, довольно искусный в сексе, ни разу не прикоснулся к себе.

— Хочешь, чтобы я в тебя? — пропыхтел Тодд.

— Да, сэр, — вскрикнул Родриго, бросая на пол, одну за другой, струи спермы.

— Я кончаю, чувак, — воскликнул Тодд, что было одновременно знаком Киллиану и сигналом Родриго. И он глубоко вздохнул,

извергая свою густую, горячую жидкость в глубины измочаленной задницы Родриго. В то же время Киллиан мастерски выстрелил четырьмя отдельными залпами, упавшими на книжную полку между ними. Родриго под Тоддом потряхивало в затянувшемся эйфорическом оргазме, и он желал лишь, чтобы член Тодда был только лишь его, чтобы длить и длить это бездонное наслаждение. В уходящем шлейфе оргазма, Тодд нежно поглаживал затылок Родриго. Пока тот пытался отдышаться, Тодд набирал тягучие струйки еще горячей спермы перед собой на палец, поднося ее к губам, проглатывая снова и снова, пока не осталось ничего. Но наконец, с неохотой, вытащил свой все еще стоящий член из Родриго, и они рухнули на пол рядом друг с другом, Тодд положил голову на волосатую грудь Родриго. Они так и лежали несколько минут, вспотевшие, обессиленные, но удовлетворенные, кажется, настолько, что появление желания вновь выглядело нереальным.

– У тебя нет занятий? – наконец спросил Родриго, нарушив молчание.

– Да, наверное, нужно засесть за учебу. Если не хочу еще В с минусом.

– Ну, насчет других предметов ручаться не могу, но по испанской литературе, думаю, у тебя все будет хорошо.

Они начали одеваться, и Родриго наклонился, поднял несколько книг с пола, аккуратно выставил их на полке. Провел пальцами по тисненому названию и улыбнулся:

Республика* Платон.

В нескольких ярдах от них скрипнул пол, и Родриго встревоженно посмотрел туда.**

- Ты слышал? — спросил он.

- Что слышал? — спросил Тодд. - Что там было?

- Вроде, ничего, — сказал Родриго. - Думаю, всё в порядке.

- Чем сегодня вечером займешься? — спросил Родриго.

- Биологией, — ответил Тодд, улыбаясь.

- Слушай, надеюсь, ты не считаешь меня какой-то тварью за это, — сказал Родриго, внезапно обеспокоенный до сожалений.

- За что? — удивился Тодд.

- Ну, я же должен быть преподавателем, и... , — он сделал паузу, — Ну..

Тодд посмотрел ему в глаза с некоей даже благодарностью:

- Что, по-твоему, ты преподавал мне сегодня вечером, если не знания?

** Πολιτεία/Государство* - работа, относимая к древнегреческому философу Платону, 360г. до н.э.

*** ярд* - ок. 45см

СИНГУЛЯРНОСТЬ

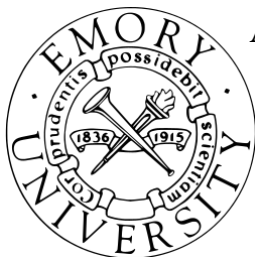
Дэвид Эприс

Если вы вдруг остановитесь, проходя лобби-atrium отеля *Atlanta Hyatt Regency**, и взгляните вверх, может показаться, что вы смотрите в бесконечность. Это элегантное, открытое пространство вполне соотносится с городом, где расположено здание: деловое, современное и устремленное в будущее. Пересекая этот вертикальный атриум в первый четверг марта, я понимаю, что я тоже часть всего этого: джинсы с дорогими туфлями-оксфордами, пиджаком от *Brooks Brothers*** и узким галстуком. Модный и стильный, я мог бы быть молодым арт-директором или торговым представителем фармацевтической компании, направляющимся на важную встречу. Будущее? Пусть наступает! Я студент третьего курса медицинского факультета и три из пяти семестров Университета Эмори*** в списке

* расположен в центре г.Атланта, штат Джорджия. Построен в 1967-1982гг., сфера вращающегося ресторана на крыше придала зданию узнаваемость.

** один из старейших брендов мужской одежды в США. Основан в 1818 году как семейный бизнес. С 1865 по 1998гг. компания не отшивала костюмы черного цвета. Бренд в настоящее время включает парфюмерию.

*** **Emory University** - частный исследовательский университет в Атланте. Основан в 1836 году

лучших. Этим летом я сдам тестирование по медицинскому минимуму и подам заявку в медицинскую школу здесь же.

Куда бы я ни отправился, я адаптируюсь. У меня это хорошо получается. Меня зовут Тони Вега. Я темноволосый красавчик двадцати двух лет, у меня хорошая квартира, классный сосед по комнате и куча отличных друзей. А ещё я проститутка.

Удивлены? Не стоит. Я этого не стыжусь. К тому же, престижные частные колледжи стоят недешево, и не так много законных способов заработать нужные мне деньги.

В этот бизнес меня привели фотографии. В прошлом году я отправил несколько, сделанных моим бывшим, на гей-порносайт *Varsity Guys**. Владелец им понравился, и он пригласил меня в Финикс** на несколько съемок.

– Ты создан для этого, – сказал он потом. – И тебе, похоже, нравится то, что делаешь. Он не ошибся.

Эскорт был следующим, логичным шагом. Мои родители были кубинскими иммигрантами, и после смерти отца денег стало мало. Есть, конечно, небольшая стипендия, но такие города, как Атланта, и такие университеты, как Эмори, дорогие, а съемки в порно между семестрами не покрывают все расходы. Почему бы и не попробовать? Парни знают меня в интернете по моей латиноамериканской

* Парни из юношеской сборной

** **Phoenix** - столица и крупнейший город штата Аризона. Население 1млн 600 тыс. человек. Основан в 1867г.

привлекательности, стройному телу и внушительному восьмидюймовому члену. И платят *Varsity Guys* за просмотр видео со мной. Почему бы им не заплатить мне настоящему?

Поначалу было непросто. Потом я нашел обходной путь. Если вы любите секс — а я его, черт возьми, люблю — вы погружаетесь в себя во время него. Не сосредотачивайтесь на том, кто вы есть, на своем эго, своих потребностях. Сосредоточьтесь на другом человеке. Чего он хочет, чего ему не хватает в повседневной жизни? Тогда вы на полпути к цели. Остался только один кусочек пазла: я называю это сингулярностью, исключительностью, особенностью. То, что невероятно привлекательно у каждого парня, который мне платит. Как только я это нахожу, я сосредотачиваюсь на этом. Может быть, у него красивые руки или прекрасные глаза, буквально проникающие внутрь. Он может быть среднестатистическим офисным работником из пригорода, ростом ниже среднего, но у него могут быть прекрасные ноги или очаровательная улыбка, раскрывающая, как же сильно он хочет побыть с приятным молодым студентом.

Но не стоит говорить ему об этом. Это ваш секрет.

Вместо этого делаешь ему комплименты, касаешься плеча, пожимаешь ему руку чуть крепче обычного. Клянешься, что он внушает особенный трепет, говоришь, что очень хочешь его, — не так, как обычных клиентов.

Внутри же сосредотачиваешься на той самой сингулярности, уникальности.

Что касается полковника, это его голос: мужественный, властный, с обворожительным северокаролинским акцентом. Да и сам он тоже не отстает: шестифутовый* сгусток мускулов и военной самоуверенности. Но его голос пробуждает во мне желание делать плохие вещи с ним.

Сегодня он снимает меня уже в четвертый раз. И да, он настоящий армейский полковник. Служит в Форт-Беннинге**, приезжает в Атланту каждые два месяца на совещания и всегда останавливается в отеле *Huatt*. Высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и проседью, он привык отдавать приказы. Незадолго до полудня в своем номере на пятом этаже он велел мне полностью раздеться. По телевизору идет откровенное и стандартное порно, но это неважно. Я отключаюсь. Все мое внимание сосредоточено на нем. Медленно я расстегнул рубашку, небрежно бросил на спинку кресла. Под ней на мне была старомодная х/б майка в рубчик. Перекрестив запястья, я схватил её край и стянул через голову.

– Да, именно так, – выдохнул он, – Покажи мне свои пушистые ямочки.

Я сбросил майку на пол, пока он смотрит на меня. А я закидываю руки за шею, не отводя взгляда. Полковник резко выдохнул и опустился в кресло. И уже тербит свое

* ок. 180см.

** Fort Benning - одна из крупнейших военных баз на территории США.

сквозь ткань синих брюк. По опыту я знаю, он ждет, что я буду называть его «сэр».

– Скажите, что мне делать дальше, сэр.

– Падай и делай двадцать, мальчик из колледжа.

Без рубашки и босиком на ковре, в отеле, я сделал больше тридцати отжиманий, несколько дюймов моих трусов *2(X)ist** заметны из-под джинсов с низкой талией, и все это время я чувствую запах пота на моей гладкой загорелой коже.

Полковник стонет.

– Что у тебя под джинсами? Ты возбужден встречей со мной, Тони?

Да.

Но вместо того, чтобы показать ему, я просто подползаю к нему, и медленно, но искренне, улыбаюсь. Полковник смотрит на меня так, будто только что нашел сто баксов, вытряхивая зимнее пальто. Когда я рядом, он уже снял рубашку, демонстрируя широкий, мускулистый торс. Из-под расстегнутых штанов виднеется густая полоска черных волос, выбегающих курчавой дорожкой в густую рощу на груди.

Каролинский акцент, вновь вызывающий восторг, и властный голос, – я уже представляю себе, как эти черные волосы щекочут мне грудь.

– Снимай с меня штаны. Зубами.

Но пришлось немного поработать руками,

* американский люксовый модный бренд мужского нижнего белья, плавок, спортивной одежды, одежды для дома, носков и часов. Но теперь есть и женская линия: спортивная одежда, одежда для сна и интимные вещи. Бренд основан в 1991г.

просунув три пальца под резинку его трусов. Зубами и другой рукой я стянул с него штаны, являя мускулистые бедра. Когда мои пальцы коснулись нежной кожи члена, полковник взревел так, что слышно было, наверное, в соседнем номере. Расстегнув ширинку его трусов, я закрыл глаза, наклоняясь ближе, чтобы проникнуться его тайным запахом. Что-то классическое, вроде *Old Spice*, под ним же – зрелая мужественность.

– Открой глаза, мальчик. Хочу, чтобы ты видел, что будешь чувствовать на вкус. Я сделал, как мне было сказано, посмотрел на него снизу вверх, чувствуя, как из члена сочится моя смазка в трусики. Но я снова переместил взгляд на его промежность. Я помню, что он был большим, но не сказать, чтобы огромным. Я естественно отработаю каждый цент из его денег, так что меня не особо волнует, что придется за них сделать. Нет ничего, что этот мужчина любил бы больше, чем отсос. Он женат, но, наверное, дома ему это не доступно. И еще он каждый раз хочет комментировать происходящее. Я не против. Это помогает мне сосредоточиться на его сингулярности, – этом чертовски сексуальном голосе.

– Сделай его хорошенько влажным. Потом возьми его в свой сосущий рот, – бормочет он хрипло.

Устроившись у него между колен, я схватил его массивный инструмент одной рукой, делая едва заметные движения. Трудно все-таки

обхватить его целиком. Он же делает, подрагивая, глубокий вдох, его веки трепещут, когда я провожу языком по жилистой нижней стороне его члена. Облизываю и поднимаюсь к выпуклой головке, вбирая блестящую влажность кончика.

– Да, мальчик, оближи. Отсоси как следует. Я дважды плюю ему на член, пытаюсь свыкнуться с этой мыслью. Что не занимает много времени. Широко открыв рот, я растягиваю губы по всему объему. Обвожу языком, когда член уже внутри, рукой увлажняю основание его ствола. Свободной рукой расстегиваю джинсы. Мой член рвется наружу из узких трусов, – головка давно уже над их резинкой. И вот, с толстым членом полковника во рту, я дрочу себе. А ему нравится, когда я так делаю.

– Не слишком возбуждайся, Тони, – стонет он, когда я ускоряю темп, чувствуя, как головка его члена требует проникновения в горло. – Мы растянем это подольше. Но у полковника никогда не бывает надолго. И он всегда хочет видеть, как я кончаю. Но некоторым клиентам совершенно все равно, кончу я или нет.

– Следи за зубами, сынок, – говорит он, начиная двигаться самостоятельно. Его тон строг, властен, как у тренера, вводящего в курс дела неопытного новичка.

– Да, сэр, – ответил ему я, с членом во рту. Для него я – послушный мальчик. Я убираю руку со своего члена. Замедлившись, я перестал ласкать и

полковника, скользя лишь губами. И обоими руками провожу по его волосатому животу, поднимаясь к поросшей волосами груди, – эти заросли приятно щекочут ладони. Касаясь же лишь кончика его массивной головки члена своими пухлыми губами, я покручиваю его соски. А он утробно рычит.

– Ущипни их посильнее, – так, как нравится папочке. Оближи головку, покажи мне, что тебе нравится сосать этот член.

Я делаю, как он говорит, выполняя его протяжные приказы, смотрю на его глаза, закрывшиеся от смеси удовольствия и боли, потому что кручу сильно. Мой взгляд перемещается к моему собственному члену, раскачивающемуся у живота в ожидании возвращения руки.

– Давай снимем с тебя эти джинсы, – голос полковника, словно мелкозернистая наждачная бумага, прошедшая по спине. – Хочу увидеть тебя всего.

Все еще лицом к нему, я поднялся, снимая джинсы по одной штанине, пока он смотрел, дрович и одобрительно стонал.

– Черт возьми, какой парень, – опять рычит он.

Притянув меня ближе, он хватает мой член мозолистой рукой. Подув на него, начинает наглаживать.

Удивительно, как такая большая рука может двигаться так нежно, подумал я. Другой рукой он исследует мой гладкий торс, мои загорелые бедра...

– Хочешь, чтобы папочка ответил тебе

взаимностью? — спрашивает он, его рука — грубая оболочка на моем стоящем члене. Это всего лишь второй раз, когда он берет мой член в рот, но даже в первый раз я понял, — он знает, что делает. Поэтому я схватил его за голову и прижал к своему паху.

— Да, сэр. Мне бы очень хотелось.

Он явно очень хочет этого, набрасываясь на мой член, как голодный на еще дымящийся кусок мяса. Так постоянно с военными, — как только позволяешь им установить доминирование, эти потенциальные альфа-самцы стремятся всячески угодить.

Без всяких рук он втянул член в рот, возбуждая еще и еще своим скользким языком. Я начал покачивать бедрами. Его рот чертовски приятен, а язык пробегает по моему пульсирующему члену, руки он положил мне на ягодицы. Я напрягся, а он сжал сильнее, вбирая горлом как можно больше моей длины.

Появилось ощущение легкости, стремительного движения. Нужно лишь остановить его, прежде чем я кончу. Один только взгляд на него, мысль: *Черт, это армейский полковник облизывает мой член*, — этого достаточно, чтобы довести меня до предела.

Я быстро сел ему на колени, обхватил его член рукой. На мгновение мы оказались лицом к лицу, но не целовались. Полковник никогда этого не делал, и я не думаю, что он хотел бы сейчас. Но он схватил и мой член, так что мне пришлось сосредоточиться на том,

чтобы сдержаться, пока мы ласкали друг друга.

- Готов, парень? - он провел большим пальцем по кончику моего члена. - Почему бы тебе не сделать это, когда сосёшь?

Он крутнул мои соски, поднимаясь на ноги. Над мной возвышалась гора, каменное здание, на которое я взберусь только до того места, которое действительно имеет значение.

Когда я снова беру его член в рот, липкий и горячий, я чувствую даже пульс под покрытой венами кожицей. Он продвигается в горло, и я позволяю ему медленно двигаться, дыша носом. Буквально до слез в глазах, когда еще думаешь о том, как всё это будет дальше и насколько это будет приятно нам обоим.

Полковник властно схватил меня за затылок. Теперь он - главный, а я более чем счастлив позволить ему это, вцепившись в гранит его бёдер, когда рот сомкнулся у его волосатого основания. В этих жёстких чёрных зарослях я уловил запах нас обоих, пота и слюны - так пахнет похоть.

Мой рот - вместилище его члена, стартовая площадка его ракеты. Сначала движения медленные и осторожные, видимо, он не хочет, чтобы я задохнулся. Но он опять заговорил. Этот низкий и хриплый голос проникает внутрь, заставляет мою правую руку опуститься на мой изнывающий член.

- Давай, парень, бери каждый дюйм моего толстого, блять, члена, - приказывает он, беспощадно увеличивая темп. - Покажи мне твои щенячьи глаза, когда кончаешь.

К этому моменту у меня текут слюни, я давлюсь, и бешено дрочу. Я сделал, как он сказал, – поднял глаза, почувствовав, как по спине пробегает дрожь, когда вижу жестокую усмешку в уголках его рта. Этого предостаточно. Пламя начинает подниматься снизу, набирать жар. Я все еще смотрю на его лицо и слушаю характерный хриплый голос, влекущий к точке экстаза.

– Погладь этот член сильнее, мальчик. Соси. Готов к моей выгрузке?

Я слышал стон, но не могу понять, кто из нас его издал. Затем мои пальцы впиваются в твердые мышцы его боков, когда он содрогается. И ревет, словно разъяренный лев, изливая в меня сперму. Горячую и густую – так много, что меня снова затошнило, но я не позволил ему видеть. Вытащив член изо рта, он стреляет струями густой спермы мне на лицо и грудь. Потом я тоже кончил – то самое пламя поглотило меня.

Белопламенные дуги спермы падают на ноги, на босые ступни полковника.

– Да, парень, выпусти все, – вопит он, вызывая последний спазм, сперма стекает мне на руку.

– Обожаю смотреть, как ты это делаешь, – он рассмеялся и указал на ванную. – Ну давай. Ты знаешь, чего я хочу дальше.

Как и в прошлый раз, он стоял позади меня, держал мой член, пока я ссал. Потом я забрался в душ, не закрывая занавеску, а он, голый, встал у стены, наблюдая за мной,

с незажженной сигарой во рту.

К тому времени, как я взялся за полотенце, он уже кончил в раковину.

– Жаль, что нет времени на большее, – сказал он, когда я достал из сумки свежие трусы и надел их. – Но у меня брифинг в два часа дня на другом конце города. Твои деньги на тумбочке.

Я оставил его, насвистывающего что-то, бреющегося в ванной, когда закрыл дверь за собой. Надеюсь, он также оставил деньги и уборщице – после того, что я сделал с ковром, и беспорядка, который устроил в ванной, у нее будет напряженный день.

Итак, сейчас я в холле отеля *Hyatt*, смотрю в бесконечность и думаю, куда пойти. Мой следующий клиент тоже здесь, но в полпятого. Не хватит времени, чтобы добраться за сорок пять минут до моей университетской комнаты.

Так что, обед на фуд-корте в центре города, всего в паре кварталов отсюда, – здесь тихий уголок и для учебы. На следующей неделе весенние каникулы, не особенно можно сидеть сложа руки, а этой курсовой работе нужно уделить дополнительное внимание. Хотя с органической химией все хорошо, но с английской литературой иначе.

Жаль, что я не поеду куда-нибудь на каникулы. Мой сосед по комнате Остин, например, собирается со своей девушкой в Канкун*, но они не очень ладят, и я не хочу

* Cancun - крупный курортный город в Мексике, на побережье Карибского моря. Основан в 1971г. на о.Канкун.

оказаться в центре их конфликта. К тому же, на следующей неделе у меня всё расписано по клиентам.

Когда я писал эссе о силе двусмысленности *Герцога**, я начал задумываться об этом парне, мистере Пять-Тридцать: какое качество отличает его от других? В чём будет его сингулярность?

Не каждый хочет, чтобы у него отсосали и просто уйти, как полковник. Некоторые хотят поцелуев, пообниматься после секса, общения и разговоров перед этим. Вот почему я предлагаю *полный сервис*: часть которого отношения с парнем. Недавно один клиент пригласил меня на симфонический концерт после ужина в самом лучшем ресторане Бакхеда**, богатого района города. А после я трахал его на заднем сиденье его же *Линкольна*, пока жена сидела впереди и смотрела. Не самые лёгкие деньги, которые мне доставались когда-либо.

Мистер Пять-Тридцать попросил *полный сервис*. Мы встречаемся в баре отеля, потом ужинаем и, возможно, я остаюсь на ночь. Все, конечно, за дополнительную плату. Надеюсь, он не окажется извращенцем. По телефону у него приятный голос, но он не хотел показывать фото.

Что может означать только то, что он женат или скрывает свою ориентацию. С другой стороны, может означать, что это как раз

* *Saul Bellow Herzog (1964)* - роман Сола Беллоу, частично составленный из писем главного героя Мозеса Э. Герцога.

** **Buckhead** - коммерческий и жилой центр Атланты. Исторически, престижное место жительства городской элиты.

то, что мне и надо.

Черт — уже десять минут пятого. А я горжусь своей пунктуальностью. К счастью, отель соединяется с фуд-кортом подземным переходом, и у меня как раз есть время почистить зубы и пройтись зубной нитью, прежде чем мчаться обратно в *Hyatt*.

Так что, я прохожу через атриум отеля, ровно пять тридцать. В элегантном баре, отделанном орехом и дымчатым стеклом, уже начинает собираться публика, пришедшая после работы, а также постояльцы отеля. Я незаметно киваю Бруксу, студенту третьего курса политологии, который ко всему и хастлер. Он сидит на ультрасовременном барном стуле рядом с парнем, которого я узнаю как одного из игроков *Атланта Фэлконс**. По-видимому, мяч у Брукса.

И вот он, мистер Пять-Тридцать. Весь в делах. Дорогой костюм, зелёный полосатый галстук — вот как я должен его узнать.

Точно, вижу, он узнал и меня по фотографиям. Он подходит, протягивая руку. Да, не составит труда. Совсем.

Следит за собой, лет тридцати, примерно моего роста, красивый по-своему. Наверняка в школе был спортсменом. А если женат и живёт в пригороде, то, скорее всего, — тот самый футбольный тренер, с которым хотят переспать все жёны. Голубоглазый, открытая улыбка, крепкое рукопожатие, — думаю, он какой-то консультант по продажам.

* *Atlanta Falcons* - местная команда американского футбола. Входит в НФЛ, основана в 1965г.

И блондин. У меня к ним слабость.

- Я Пол, — говорит он. — Из Уилмингтона, — добавляет он без, в общем-то, необходимости.

- Приятно познакомиться, Пол. Я Тони, — смотрю ему прямо в глаза. Они необычайно красивые — цвета вороненой стали. Я отвечаю ему улыбкой. Мы обмениваемся любезностями о погоде.

- А тебя случайно зовут не Антонио? — он жестом приглашает меня сесть. — Ты, э-э, кубинского происхождения, верно?

- Да, верно.

Когда сажусь, по его оценивающему взгляду понимаю, что я в его вкусе.

- Можно я буду называть тебя Антонио?

- Конечно, без проблем.

Никто из моих клиентов никогда такого не просил. Но я не против.

- Не скрою, — начинает он, — я никогда раньше этого не делал. Платил кому-то, чтобы он провел со мной время, я имею в виду.

Я изучаю его несколько секунд, гадая, в чем тут дело. Он как-то довольно нервно просматривает барное меню. С его приятной, типично американской внешностью, он явно не из тех, кому не хватает общения.

Я лишь самым открытым и приятным образом улыбаюсь ему:

- Просто думай обо мне, как о новом друге. Мой заказ, как обычно, *Капитан Морган** с колой. Мистер Пять-Тридцать — Пол берет

* Captain Morgan - ямайский ром на травах. С 1944г.

водку с тоником.

– Ты всё ещё не возражаешь поужинать? – спрашивает он. Нервничает. Он нервничает. И хорошо это скрывает.

– У меня для тебя полно времени, Пол, я чуть толкаю его ногой под столом. Хотя сразу же понятно, что, именно это и не было прямо уж ошибкой, но я задел давнюю рану. Мы выпиваем пару коктейлей, прежде чем такси отвезет в ресторан. Оказывается, Пол работает в компании, которая предоставляет программное обеспечение и сопровождение для перевода данных серверов клиентов в облако, онлайн-сервис. И я оказался прав – в старшей школе он был спортсменом. Живет в Балтиморе, но офис находится недалеко от Уилмингтона* в Делавэре. Не женат. На самом деле, он открытый гей, состоит в отношениях уже несколько лет, живет с парнем. Но в последнее время между ними возникла какая-то дистанция.

Я рассказываю ему о себе. Как пришел в эскорт, каково это – работать в порно. Почему-то даже рассказываю ему и личное, о мечтах поступить в медицинскую школу, о том, как каждый месяц отправляю маме немного денег. Обычно я так не откровенничаю с клиентами, но в этом парне есть искренность, – пронзительная честность в том, как он смотрит на меня.

Это его сингулярность?

Пока мы едим, Пол говорит, что восхищается

* **Wilmington**, в составе крупной городской агломерации население ок. 500 тыс. человек. Город основан в 1638г.

моими амбициями и целеустремленностью. Он заказывает баранину. Мне достается стейк, который я вряд ли смогу осилить весь. Теперь уже я нервничаю. Пол снял пиджак и закатал рукава рубашки за столом. У него мускулистые предплечья, покрытые золотисто-каштановыми волосами. Я невольно думаю, как они будут чувствоваться гладкой коже моей груди. Он снова смотрит на меня своим пронизательным взглядом.

- Признаюсь, — говорит он, застенчиво улыбнувшись, пока мы ждем такси после ужина, — ты чем-то похож на него. На моего друга. Поэтому я и выбрал тебя.

- Он тоже кубинец? — спрашиваю я, после того как Пол говорит водителю, куда ехать. И смеется, качая головой:

- Нет, скорее этническая смесь. Но определенно есть сходство, — его нога касается моей. В первый раз он коснулся меня после нашего рукопожатия.

- Все хорошо, — говорю я ему, когда мы выходим и машина быстро уносится, — если ты не можешь быть с ним сегодня, я буду лучшей заменой.

- Не стоит скромничать, — говорит он, сжимая мою руку. — Я именно там, где хочу быть.

Мы гуляем по парку Пьемонт* в центре города. Солнце зашло за облака, и ночь очень тёплая для марта. С каждым шагом я жалею, что не встретил этого парня при

* **Piedmont Park** - лесопарк с обширной поляной для городских празднеств и фестивалей. Организован в 1895г.

других обстоятельствах.

Когда все-таки срывается дождь, мы моментально перемещаемся в расположенный неподалеку модный гей-бар, где за несколькими коктейлями исчерпываем все темы для разговоров. В углу, где мы сидим, Пол подвигается ближе, и моё сердце начинает биться быстрее. Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, и я ни секунды не колеблюсь с ответом. В джинсах у меня встаёт.

Похоже, мы оба там, где хотим быть. Под уже разошедшимся не на шутку дождем, такси везет нас в отель. Пол отпустил водителя за пару кварталов до и дал ему щедрые чаевые. Мы бежим под проливным дождем, сопровождая криком каждый раскат грома, промокшие насквозь. Оба смеемся как дураки, и у меня снова встает, просто, когда я смотрю на этого парня. Его светлые волосы мокрые и потемнели от дождя, глаза цвета океанского льда под солнцем, голубые даже в сумерках.

– Ты чертовски красив, Антонио, – тихо говорит Пол, когда дверь в его номер закрывается за нами.

Без всяких слов я подхожу ближе. Пиджак он снял, галстук, вероятно, уничтожен дождем. Вообще, он спереди вымок насквозь. Я помогаю ему расстегнуть рубашку, его руки быстро скользят по моим. Когда мы без одежды, я наконец вижу то, что представлял себе всю ночь.

Идеальная грудь, – мускулистые грудные

мышцы с идеальным же пушком стриженных волос. Я теряю руки в этом шелке. Обхватив его могучую шею, я притягиваю к себе его красивое лицо и целую, наслаждаясь покалыванием его отросшей к вечеру щетины. Именно так чувствуешь, мне кажется, себя с мужчиной, которого действительно хочешь. Его руки повсюду: скользят по моей груди, исследуют мои волосы, прижимаются к животу, спускаются ниже. Вместе мы снимаем мои влажные джинсы. Но передняя часть трусов *Calvin Klein* промокла не из-за дождя, мой член промочил ее. Карамельно-коричневого цвета головка члена выглядывает из-под резинки трусов, а член выпрыгивает наружу прикосновением Пола, когда его рука охватывает ствол. Я очень хочу его прикосновений. И хочу увидеть, как выглядит остальная часть его тела.

Он страстно целует меня, не выпуская из руки мой член под тканью трусов. Я вижу, по искрам в его глазах, что он еще не готов снимать их. Поэтому начинаю с его шеи, покусывая, вдыхая аромат дорогого парфюма и пряный запах его кожи. Целую грудь и покусываю сосок, расстегивая его пояс. И он стонет. Я же спускаюсь вниз, вдоль густой линии мягких золотистых волос над его спортивным прессом и кончиком языка касаюсь пупка, его штаны падают на пол. Надо отойти на шаг назад, чтобы посмотреть на него. Мускулистые бедра покрыты теми же золотисто-каштановыми волосами, что и его идеальная грудь, мускулистые руки. Он

сложен как игрок в регби: сильные бёдра, коренастый и крепкий. Его вставший член тоже рвется из трусов, натянув их темно-синюю ткань словно шест в палатке. Прежде чем успеваю даже подумать, я уже на коленях, удивлённый тем, насколько пересохло у меня во рту. Он только ободряюще хмыкает, делая шаг ближе. Пропуская большие пальцы за резинку его трусов, я стягиваю их с его прекрасных бёдер. Член так же идеален, как и всё остальное. Возвышаясь над коротко подстриженным газончиком густых волос, темнее, чем на груди, он направлен ко мне, слегка изогнутый влево. Обрезанный, розовато-бронзового цвета, утолщается сразу за пулеобразной головкой. Идеальный размер и форма для секса. Сухость во рту исчезает также внезапно, как и появилась. Держа член одной рукой, он хватает меня за волосы и шлепает по лицу этим прекрасным членом. У меня перехватывает дыхание. Член его скользит между моими губами. На нем и коричневое кожаное кольцо. Я даже не останавливаюсь; головка его члена раскрывает мне горло, словно ей там и место. Я лишь рычу, наслаждаясь выражением его лица, зная, как это должно быть приятно. И его член входит и выходит из моего рта, я же обхватываю ствол рукой, медленно подрачиваю и сосу. Этот мужчина нежный, но сильный. Он берет меня за голову руками, пока я продолжаю сосать, и сначала начинает медленно

покачивать бедрами. Затем хватает меня с такой силой, которая мне очень нравится. Я издаю тихие довольные звуки, облизывая его член. Знаю, что ему нравится это слышать, по звукам же, которые он издает в ответ. Его бедра двигаются быстрее, пока он не начинает трахать меня в рот изо всех сил. А я еще даже не прикоснулся к себе.

Но я отстраняюсь. Поднимаюсь лицом к нему, потираю свой член через трусы.

– Кольцо для члена? – обращаюсь к нему, – Ты полон сюрпризов, да, Пабло?

В этих стальных глазах вспыхивает искра, и Пол удивляет меня. Он набрасывается на меня, целуя меня в губы, издавая немыслимые звуки.

Я вообще-то стройный и подтянутый. А он, должно быть, весит фунтов на тридцать* больше, и он перекидывает меня через плечо, будто я ребенок. Бросив меня на кровать, он стоит надо мной, поглаживая себя. Я придвигаюсь ближе, касаясь его, вдыхая его запах, пробуя на вкус. И снова целую его. Долго и обстоятельно, наши языки переплетаются, когда я подтягиваю его крепкое тело на себя.

Это совсем не похоже на отношения с полковником – совсем не похоже на отношения с любым клиентом. До встречи с Полом я думал, что мне придется искать что-то, на чем можно сосредоточиться – его сингулярность. Но этот парень особенный, и я не могу сосредоточиться – мое внимание

* ок. 14кг

повсюду. Оно на его губах, когда я их целую, на его мускулистой груди, прижимающейся ко мне, на члене, который я снова беру в рот.

Теперь мы сосём друг у друга. Это чувство — оно за гранью всего. Мы двигаемся синхронно, вместе, как и планировали. Когда он приближается, я отстраняюсь. Когда беру его глубоко в рот, он отвечает так же, чтобы посмотреть на меня, а рука движется вверх и вниз по моему члену, пока мне уже хочется кричать *Стоп!*, потому что я боюсь, что неожиданно кончу.

Когда же он переворачивает меня, я понимаю, чего он хочет. Я не всегда делаю это с клиентами, но с этим парнем конечно. Мышцы внизу живота изнывают в осторожном предвкушении.

Пол берется за мой член сзади. Я встаю на четвереньки, с поднятым вверх задом, и чувствую себя так, будто никогда раньше этого не делал.

— Ты мой, Антонио? — спрашивает он хрипловатым голосом. — Можно мне тебя?

— Да, конечно, — я практически перехожу на шепот. Вообще-то, я гораздо лучше контролирую ситуацию обычно. Но сейчас не хочу этого, и он это знает. Поэтому плюет мне на анус. Я же чувствую, как слюна стекает, еще теплая, но почти сразу холодная. Он также плюет себе в руку, проводит по моему члену, затем прижимает палец к моему отверстию. Я вздрагиваю.

— Не напрягайся, — шепчет он, входя. — Мне

нужно, чтобы ты раскрылся для меня. По какой-то причине я все-таки напрягаюсь. Как ни странно, теперь действительно время вождения. Он хочет отвязности, раскрепощения. Этого нам обоим так не хватало.

- Расслабься, — его голос звучит с той же хрипотцой. Он проникает глубже. Довольно скоро второй палец присоединяется к первому, и я сдаюсь. Его теплый язык присоединяется к исследующим пальцам. Медленно проскальзывая по линии от ануса до чувствительной точки чуть позади яичек. Я застонал так, будто завтра уже не наступит, а его другая рука работает над моим членом. Обычно я бы сосредоточился на чем-то другом, на чем угодно. На голосе, его бицепсах, его силе. Но не сейчас. Я хочу увидеть выражение лица Пола, когда он медленно вводит свои пальцы.

Ждать больше невозможно.

- Чувак, — стону я, — ты убиваешь меня. Он лишь злобно смеется. Требуется всего пара секунд, чтобы надеть презерватив. Он хватается меня за бедра, снова плюет мне на задницу, входит на несколько дюймов.

- Черт, Антонио, ты намного лучше, чем я ожидал, — это звучит почти удивленно, но у меня нет времени обсуждать.

Я только выгибаю спину, подаюсь ближе, чтобы принять его. Пол входит в меня полностью, и мы оба кричим. Но тут же находим ритм, даже не прилагая усилий, как это было за выпивкой, за ужином, в парке.

И пока он увеличивает темп, наращивая силу движений, я забываю, что он клиент. Это просто необходимо, первобытно — то, для чего мы пришли сюда, на землю.

— Ты мне нужен, Пол, — хотя понятно, что он хочет это услышать, но оно идет из самой глубины моей души.

Он же входит до самого основания. Заполняет меня. А я все умираю от желания увидеть его лицо, хочу знать, что он чувствует.

Трахаться таким образом для меня никогда не было приоритетом — слишком уязвимое

положение. Но с ним я не могу думать ни о чем другом. Он двигается внутри меня, и я слышу, как рыдаю. Это чертовски приятно.

Он останавливается. Переворачивает меня, и я становлюсь податливым в его руках. Я словно потерял без его члена внутри.

Срабатывает инстинкт. Я направляю его обратно, выгибаясь навстречу к нему, наблюдая, как его красивое лицо напряжено в полном сосредоточении. Это говорит мне о том, что он забыл, на кого я похож.

Он влюбился в меня, а я в него. Идеально.

Мои лодыжки на его плечах. Он возвышается надо мной — весь мой мир в этот момент, он ведет меня домой, в то место, где я действительно живу. На этот раз жар подобен костру, поглощающему мое тело,

отказывающемуся оставаться на одном месте.

Член почти болит, хочет взорваться.

Истекает безумной серебристой нитью смазки, соединяющей его с моим животом. Пол пробует ее на вкус, делится со мной.

Раскачиваясь на своих сильных бедрах, Пол так сильно трахает меня, что наши тела издают довольно громкие звуки шлепков. Когда его взгляд встречается с моим, я понимаю, что он близок, не нужно спрашивать. С каждым толчком я тоже немного приближаюсь, и осторожно беру себя в руки, и думаю:

- Ни за что, как только мои пальцы сомкнутся вокруг моего члена, я не продержусь и двух секунд.

Но это не имеет значения. Пол отталкивает мою руку, наклоняясь для поцелуя. Его язык глубоко проникает мне в рот, а его член делает то же самое с моей задницей. Я буквально плачу, тело горит, и не могу понять, сдерживаюсь ли я сам или он влечет меня за собой. И лишь только он берет мой член крепкой, но нежной рукой, тот сразу извергается у него прямо в руке, и я чувствую, как моя дырка сжимается, когда он стонет, проникая глубже со всей страстью. Время словно замедляется, и тут же стреляю три, четыре, пять, восемь раз, изливая сперму по всей груди. Один залп летит прямо в лицо.

- Черт! — кричит Пол, вытаскивая свой член.

- Куда ты хочешь, чтобы полетело это? — спрашивает он с таким вождением, что я извергаю последнюю струйку липкой белой жидкости на свой живот.

- Да куда угодно, — я хочу, чтобы ты кончил на меня, — слышу я себя.

Сдергивая презерватив, он садится на меня.

Хотя я измотан, меня очень возбуждает мужской запах его пота. Я ласкаю его яйца одной рукой, втираю свою сперму в волосы на его животе другой.

Он извергается густыми струями раскаленной белой спермы мне грудь и лицо. Я подхватываю их, пробую, прежде чем он прекратит, наслаждаясь солено-сладким вкусом. Звуки, которые он издает, дикие настолько и настолько же из глубины, что это нельзя назвать даже рычанием, они гораздо более примитивны.

С последними каплями его семени, стекающими с его все еще твердого члена, он прижимает его к моему. Это еще слишком чувствительно и я вскрикиваю, когда он дрожит их вместе, как один, подывая от мучительного удовольствия. Он падает на меня сверху, и мне нравится ощущение его веса. Мягкое покалывание его волос на теле щекочет мне кожу, и мы целуемся, целуемся — не в силах остановиться, без возможности вдохнуть, но мне все равно.

Подобно каким-то зверям, мы засыпаем, все еще покрытые излияниями друг друга.

Пол встает до рассвета. Я слышу, как он моется в душе, и теперь по какой-то причине это вызывает у меня стеснение. Мне нужно в туалет, но я не уверен, что хочу делать это перед ним. Однако, всё равно захожу.

— Привет, ты проснулся, — он выглянул из-за занавески в душе, когда я встал над унитазом. — Хочешь присоединиться?

Во всей этой теплой воде он так же нежен,

как и вчера вечером был напорист. Медленно, почти благоговейно, он доводит меня до блаженства, целуя меня. Я делаю то же самое для него, прижавшись к нему в объятиях.

После этого мы намываем друг друга, а после я, не говоря ни слова, одеваюсь, он же варит кофе в маленьком кофейнике на столике. Включает CNN, одевается. Кажется, он хочет что-то сказать.

Ну, это всегда самая неловкая часть. Я прочищаю горло. Но по какой-то причине не могу говорить о деньгах.

– Так как часто ты бываешь в Атланте? – наконец преодолевая безмолвие, спрашиваю я, завязывая шнурки. Руки дрожат.

– Не так уж часто, – признаётся он. – Примерно раз в полгода. Я, э-э, не против увидеться с тобой в следующий раз, если ты не против.

Он замкнулся в себе. Я снова вижу бизнесмена.

– Конечно, – говорю я, – у тебя есть мой номер. И я дарю ему свою лучшую улыбку, отработанную. Единственное, что меня всегда защищает.

Но Пол открыл бумажник. Хрустящие купюры. Он протягивает их мне, хмурясь. Здесь серьезно больше, чем мы договорились.

– У меня деловая встреча за завтраком в восемь, – говорит он. – Так что, э-э...

А я просто нажимаю дверную ручку. У меня самого занятия в девять.

– Антонио, подожди, – говорит он, касаясь меня пальцами сзади.

Я хочу притвориться, что не заметил, но поворачиваюсь. Теперь он улыбается, но в его улыбке есть едва уловимая неуверенность:

– Ты никогда не хочешь чего-то особенного, только для себя? – спрашивает он, но я лишь отмахиваюсь, – этот вопрос всегда без ответа.

Когда дверь закрылась, я вдруг осознаю, что так случилось впервые. Ни один клиент никогда не получал того, что у меня было с Полом. Но это и последний раз.

Дождаясь лифт, я размышляю, может быть, мне стоит поехать в Канкун с Остином и Кери? Так что, когда вернемся, я обдумаю дальнейшие действия. В прозрачной кабине, следующей вниз, утренний свет в атриуме особенно выразителен. Так здорово, – постмодернистский декор, парящие линии и массивный небесный светильник. Все готово к будущему.

Я смотрю вверх, пытаюсь разглядеть дверь его номера, когда приходит понимание: с Полом не нужно было искать сингулярность. Она сама нашла меня.

Навязчивые воспоминания

Натти Зольтес

Представлено

Университетскому совету Братств;

Понедельник, 6 января 2014 г.

Уважаемые господа и дамы Университетского совета,

Обращаюсь к вам, чтобы сообщить о случаях унижительных практик, которым я подвергался с октября прошлого года по декабрь, когда я был кандидатом в братство *Фи Бета*. Надеюсь, вы отнесетесь к этому вопросу со всей той серьезностью, которой это все заслуживает. Физическое, психическое и сексуальное насилие, которому я подвергся как кандидат в *Фи Бета*, было реальным и значительным, что считаю своим долгом сообщить вам, несмотря на стыд, с надеждой, чтобы другие студенты не подвергались подобным действиям в будущем. Убежден, что предыдущие заявления Совета о самом серьезном отношении к сообщениям о таких жестоких практиках будут уместны и здесь,

но все же постараюсь сохранить свою анонимность.

На протяжении всего моего пребывания в качестве новичка в Фи Бета я вел подробные записи о том, чему подвергался, равно как и другие кандидаты, и именно эти записи легли в основу настоящего письма.

В мой первый месяц в колледже ко мне в холле общежития подошел некий Брэд У. Чандлер-младший. Позже я узнал, что мистер Чандлер не проживал там, и хотя таким студентам и не запрещено общаться в холле, я считаю, что это свидетельствует о достаточно агрессивных методах как самого мистера Чандлера, так и самого братства в отношении отбора новичков. Другие свидетельства подобных методов ярко проявились и в стиле одежды мистера Чандлера, когда он ко мне подошел: свободная атлетическая футболка с обрезанными на плечах рукавами, обнажающими подтянутое и мускулистое тело, а также короткие баскетбольные шорты, которые ровно также демонстрировали его ноги. Я считаю, что мистер Чандлер в тот момент был без нижнего белья, поскольку его внушительный пенис отчетливо раскачивался под шортами, и детали его физиологии были очевидны. День же был не слишком тёплым, чтобы оправдать такую одежду.

Мистер Чандлер подошёл ко мне с листовкой, рекламирующей «Ночь казино» братства Фи Бета, мероприятие, призванное познакомить потенциальных кандидатов в члены братства

с, собственно, действующими его членами. Я не заметил у него других листовок, кроме той, которую он мне вручил. Только позже мне стало ясно, что мистер Чандлер лично выбрал меня для приглашения, основываясь на моей внешности. Рискую показаться самонадеянным, скажу, что я исключительно привлекателен: хорошо сложенный, загорелый и симпатичный.

Мистер Чандлер представился и сообщил мне, что *Фи Бета* — это именно то братство, в которое стоит вступить. Мы с соседом по комнате, не имея особых перспектив, решили посетить «Ночь казино» 22 сентября 2013 года. Здесь мистер Чандлер приветствовал нас и был заметно менее любезен к моему соседу, чем ко мне, что важно, потому что мой сосед значительно менее привлекателен, чем я.

Что-то из того, о чем я хотел рассказать, было заметно с самого начала, хотя понимаю это только задним числом. В то время все казалось обычным делом на студенческой вечеринке, и я, не имея никакого опыта подобного рода, воспринял это именно так. Нас с моим соседом по комнате познакомили с неким Маккензи Эдвардсом, которого все называли *Мак*. Этот Мак был и остается президентом *Фи Бета*, поэтому он внушал уважение и, возможно, страх остальным членам братства. Примечательно, что он, как и Брэдли Чандлер, выглядел очень привлекательным и спортивным.

Ближе к концу вечеринки, когда все

разошлось и стало шумно, Мак велел другому брату, известному как *Танк*, забраться на пивной стол, встать на четвереньки и спустить шорты до лодыжек.

Тот факт, что тот сделал это добровольно, свидетельствует о жесткой контролирующей атмосфере в группе *Фи Бета*, хотя на протяжении всего моего пребывания в братстве все же трудно было понять, действуют ли парни по собственной воле или же ими манипулируют в соответствии с ожиданиями и требованиями группы.

Танк забрался на стол, спустил шорты, вызывая бурную реакцию у группы, которая в тот момент состояла исключительно из парней, поскольку девушки с этой вечеринки давно ушли. Я заметил, что у Танка был довольно пухлый пенис, то есть частично эрегированный, и несколько братьев без стеснения щупали его, отпуская непристойные шутки вроде того, что у Танка действительно толстый и он с восторгом раздвинет свою задницу. Честно говоря, пенис Танка и вправду был толстым. Один из младших братьев даже заметил, что, вероятно, не сможет обхватить его даже всей рукой, — это откровение показалось мне настолько абсурдным, что я был вынужден подойти поближе. К моему шоку, так и было.

Хотя Танк воспринял это издевательство максимально благосклонно, он был явно пьян, поэтому вопрос о том, соглашался ли он на такое действительно, безусловно, остается открытым.

Танк стоял на четвереньках на столе, и комментарии продолжались, на этот раз с намеками на то, что он готовится к анальному сексу — и, более того, это будет для него приятным занятием. Многие из постоянных участников такого рода вечеринок шлепали его по внушительной заднице. Мак же сообщил нам, что мы будем участниками бро-бонга — ритуала, который в то время был мне неизвестен, но с которым я в итоге познакомился, поскольку проводился он почти на каждой вечеринке Фи Бета. Проще говоря, бро-бонг — это когда один из братьев раздевается и льет пиво либо на свои яйца, либо анальное отверстие, а другие братья или новички должны выпить как можно больше этого пива. В тот вечер один из братьев расположился под задницей Танка, а двое других выливали из стаканчиков ему на щель между ягодиц пиво, которое затем проходило мимо ануса, в рот лежащему под ним брату. Никогда прежде я не видел воочию ничего настолько вопиюще извращенного, не говоря уже о негигиеничности. Мак тоже принимал участие в этом, и я в шоке, а может, и в ужасе наблюдал, как он слизал остатки пива своим языком от области прямо под яйцами Танка вверх между его ягодиц, и даже, казалось, прижимая язык прямо к анусу Танка, обвел его по кругу. Другие братья, вместо того чтобы испытывать отвращение к такому поведению, приветствовали его, настолько увлеченные этими грязными актами унижения и осквернения, что не видели в

этом ничего плохого. Мак даже отметил, что это была *сладкая задница*.

Произошедшее стало пределом того, что я мог вынести, и вскоре после я ушёл со своим соседом по комнате. Можно только представить, что произошло после нашего ухода.

Однако, несмотря на то, что я видел на вечеринке «Ночь казино», когда меня пригласили на другую неделей позже, я согласился.

В свою защиту скажу, что это решение далось мне не без серьёзных раздумий. Оглядываясь назад, я задаюсь вопросом, зачем я вообще это сделал. Дело в том, что я находился за сотни километров от дома и был очень одинок. Я также думаю, что был весьма уязвим — и, по сути, вполне возможно, что члены *Фи Бета* почувствовали эту уязвимость и воспользовались ею, подобно тому, как педофилы выбирают и «готовят» свои жертвы. Особенно хотелось бы отметить, что моего соседа по комнате перестали приглашать на мероприятия *Фи Бета*, несмотря на его собственный интерес.

Под самый конец сентября и в первую неделю октября я посетил в общей сложности три вечеринки братства.

Разврат, свидетелем которого я стал на этих мероприятиях, был логичным продолжением того, что я видел на самой первой вечеринке, хотя и постепенно усиливался. На вечеринке "*Фи Бета* на Гаваях" 29 сентября я наблюдал за молодым итальянцем,

как узнал позже, Марио Сортонелли, также членом братства, прижимающимся к Танку на танцполе, пока другие участники подбадривали его. Он забрался рукой под рубашку Танка, и к концу вечера оба были полностью раздеты, расхаживая голыми, в то время как другие свободно трогали их ягодицы и гениталии.

7 октября я посетил еще одну вечеринку, на которую были приглашены члены женского студенческого общества Омега Пи. Около часа ночи, возвращаясь из туалета на втором этаже, я был остановлен мистером Чандлером, схватившим меня за руку.

- Групповое дичево в комнате у Марио, - сказал он. Когда же я выразил безразличие, мистер Чандлер объяснил, что это крутая штука, которую братья делают друг для друга, особенно на вечеринках, где присутствуют девушки из женского студенческого общества, чтобы «сбросить напряжение», а затем вернуться «без чувства заряженного пистолета». Так что, это скорее для безопасности и комфорта девушек, чем для чего-то ещё.

Возможно, из рыцарства, или из болезненного любопытства, я последовал за мистером Чандлером по коридору в комнату, которая, предположительно, и была комнатой Марио. Там пятеро братьев - включая мистера Чандлера, Мака и Марио - стояли в кругу, массируя промежности через одежду. Но лишь только я вступил в полумрак комнаты, Мак тут же начал трогать мою промежность.

Давление со стороны всех присутствующих заставило меня замереть на месте. Я не мог придумать никакого выхода из ситуации, поэтому просто последовал за братьями, которые спустили штаны, достигали эрекции вручную, а затем «менялись руками» по кругу, так что мы все мастурбировали друг другу.

По какой-то причине я стал исключением из правила, поскольку все присутствующие в тот или иной момент выходили из круга и направлялись ко мне, чтобы потянуть за мой пенис. Я поспешил достичь оргазма, чтобы как-то выпутаться из этой ситуации, и, по сути, стал первым, кому это удалось, что, казалось, вызвало у остальных чувство гордости и поздравления.

5 октября меня разбудили в два часа ночи в моей комнате в общежитии толпой из главных членов *Фи Бета*. Именно так начался настоящий ужас.

Меня и семерых других парней, выбранных в качестве кандидатов в братство, отвели в подвал клуба *Фи Бета*. В этот момент я вполне мог бы покинуть территорию клуба и вообще забыть о вступлении в братство. Но в свою защиту скажу, что, как мне кажется, меня специально «готовили» к тому, чтобы я захотел принять доверие в качестве кандидата. Мне постоянно внушали, какая это «честь» — получить такую возможность.

Однажды я разговорился наедине с Брэдом Чандлером о своих опасениях. Брэд заверил меня, что братья никогда не заставят меня

делать «ничего, чего бы они сами не делали», и что всё, что я переживу во время «Адской недели», будет лишь способом закрепить за собой статус. Я не стал говорить о своей тревоге по поводу откровенно сексуального аспекта того, что я увидел, так как боялся, что это заставит меня выглядеть одержимым такими идеями, в то время как большинство братьев и других кандидатов, по сути, воспринимали это как "хуепинания" или "распиздяйство". (Прошу прощения за выбор слов; это слова мистера Чандлера, не мои.)

И вот в подвале, нам велели полностью раздеться. Затем завязали глаза. Голос — который, как я в конце концов определил, принадлежал Маку, президенту братства, — сообщил нам, что они наняли нескольких проституток, чтобы «доставить нам удовольствие», и что тот из нас, кто кончит больше всего раз за ночь, будет немедленно принят в Фи Бета и, таким образом, освобожден от всех остальных составляющих «Адской недели».

Вскоре я почувствовал, как чья-то рука манипулирует на моих гениталиях. Когда у меня возникла эрекция, рот скользнул по моему пенису и начал сосать. Судя по звукам в комнате, стало очевидно, что некоторым из других новичков тоже сосали. Братья комментировали происходящее, делая грубые замечания о размере пенисов, — мой личный дискомфорт удвоился, когда я услышал, как несколько братьев называли мой «огромным

шлангом», «впечатляющим» и «рекордом для Гиннеса» — и спорили относительно того, кто кончит первым. В тот момент мне пришло в голову, что история о нанятых проститутках — всего лишь история, и что на самом деле некоторые из братьев действительно сосали у нас. Это предположение подтвердилось, когда с наших глаз сняли повязки, что произошло только после того, как каждый из нас достиг оргазма.

Я, как и большинство новичков, был в ужасе, разглядев нескольких братьев, включая Брэда Чандлера и Танка, внизу, на коленях, вытирающих рты с довольными ухмылками на лицах. Один из них, которого мне представили как Чада, заявил, что проглотил три выгрузки и отметил, насколько те были вкусными. Мак продолжил, сообщив нам, что «взаимодействие с оралом» — это просто то, что братья из Фи Бета делают друг для друга, и что если мы решим присоединиться, от нас будут ожидать того же.

Я снова подумывал сбежать, но что-то удержало. Я опасался мести со стороны братьев, которые ранее постоянно предупреждали нас, что все происходящее во время процесса посвящения является строго конфиденциальным, и даже высказывали смутные угрозы относительно тех, кто не будет придерживаться этих требований. Поэтому именно из страха я остался и продолжил участвовать в остальных ночных мероприятиях. Хотя мне крайне сложно

обсуждать всё, что происходило, учитывая всю эту извращённость и порочность, но считаю важным раскрыть подробности, чтобы Совет понял, с чем именно он имеет дело. Нам велели по очереди садиться на лицо каждому из братьев. Это означало, что брат затем «вылизывал» нас, то есть прикасался губами и языком к анусу каждого из нас, часто проникая языком внутрь. Нам приказали мастурбировать во время этих «вылизываний», и что любой, кто не кончит таким образом, будет наказан палкой. Что не было пустой угрозой, так как один из новичков действительно не смог кончить и был жестко отшлёпан Маком после того, как его поставили на колени.

Затем нам приказали устроить «групповуху» Танку. Танк налег на стол, подставляя нам свою задницу. Пока мы стояли в очереди, Брэд смазал пенисы каждого из нас вазелином. Затем нам велели ввести стоящий пенис в анус Танка и двигаться в нем до достижения оргазма. Никто не отказался. К тому времени, как настала моя очередь, анус Танка был весь в сперме оргазмов пяти новичков, и от меня ожидали того же самого. И я сделал это. Бедный Танк, должно быть, уже сыт по горло, потому что, как только я вошел в него, он завопил, словно от невыносимой боли (выкрикивая *Ох, блять!* и *Иисус, блять, Христос!* снова и снова) и не остановился, пока я не выполнил предписанное мне.

Только один из всех не смог достичь оргазма

внутри Танка, и в качестве наказания Мак заставил его «фелчить» Танка, что означало, что этот бедный товарищ (имя которого я не буду раскрывать, поскольку он был невиновен в этом издевательстве) должен был слизать сперму всех остальных из ануса Танка.

В качестве заключительного акта вечера нам раздали по дилдо от среднего до большого размера и попросили ввести его в себя, пока один из членов братства мастурбировал нас до оргазма. Именно это последнее унижение довело меня до предела, — не до оргазма (хотя я, конечно, его и достиг), а до бунта. Тогда я решил полностью порвать с социальной структурой братства *Фи Бета*, — как бы трудно это ни было, ведь на тот момент они были все же моими единственными друзьями в колледже. Признаюсь, в тот вечер я достиг оргазма более пяти раз, но я не считаю это доказательством того, что мне это действительно нравилось. Многие жертвы сексуального насилия испытывают удовольствие по воле своих насильников. Тело просто реагирует, даже если разум сопротивляется.

На следующий день Брэд Чандлер зашел ко мне в комнату в общежитии и спросил, «хорошо ли мне было» на вечеринке. Я недвусмысленно ответил, что шокирован тем, в чем меня уговорили участвовать, и что я не намерен продолжать все это или общаться с кем-либо из членов *Фи Бета* в обозримом будущем. Мистер Чандлер не воспринял мои возражения всерьез. Он заявил, что, по его мнению, я

был добровольным участником этих мероприятий, и утверждал, что мне они понравились, поскольку я никогда не выражал желания вырваться из происходящего и никогда не говорил нет.

Хотя это было правдой, я попытался донести до него, что чувствовал давление, вынуждавшее меня соглашаться с происходящим, и мне было некомфортно уходить. Когда же мистер Чандлер спросил, почему я кончил более, чем любой другой из присутствующих парней, я ответил, что, исходя из моих наблюдений, меня и отобрали для наибольшего количества стимуляции, из-за особой симпатии мистера Чандлера и остальных ко мне, поскольку, как полагаю, я был самым привлекательным новичком, присутствовавшим на «Адской ночи».

Или, продолжил я, возможно, это как-то связано с популярностью «огромной третьей ноги», как сам мистер Чандлер не раз называл мой пенис.

Мистер Чандлер сразу заявил, что так и есть и я самый привлекательный новичок в Фи Бета на данный момент, по крайней мере, по его мнению, и что мой член более чем впечатляет. На протяжении всего этого разговора мистер Чандлер сидел за стуле возле стола, а я лежал в своей кровати. Мой сосед по комнате ушел на занятия. Мистер Чандлер, одетый в те же коротко обрезанные шорты, что и в тот день, когда он встретился со мной в качестве кандидата в братство, постоянно трогал свой пах, я же

наблюдал за ним с кровати.
Его эрекция была совершенно очевидна.
Мистер Чандлер, снисходительно и самонадеянно, также отметил, что, по его мнению, мне до сих пор все нравилось в ритуалах братства, но я не могу признаться в этом самому себе. Затем просто разделся передо мной в комнате, сначала скинув футболку, чтобы показать свою гладкую, стриженную грудь и пресс, затем избавившись от шорт, чтобы продемонстрировать бритые яйца и пенис, который, как уже говорилось, был полностью эрегирован.
Мистер Чандлер провел руками вверх и вниз по своему телу, намекая мне, что мне нравится то, что я вижу, и что можно уже признаться в этом. Он сказал:
- Мы научились распознавать тех, кто готов к особому виду веселья, который есть у нас в Фи Бета. И хотя во время сезона посвящения мы ведем себя так, будто это всего лишь шутки и игры, большинство наших братьев в итоге объединяются в пары после принятия в братство.
Он заявил, что хотел бы стать таким братом для меня, что мы могли бы жить вместе в корпусе Фи Бета и стать «особыми братьями». Я был ошеломлен его вопиющим пренебрежением к моему твердо высказанному мнению и мог лишь шокированный наблюдать, как он ощупывал себя, изгибая свое тело выгодным для моих взглядов образом, — в какой-то момент даже взял каплю смазки, которая выкатилась из его стоящего члена, на палец

и положил ее в рот, чтобы распробовать на вкус. Заметив, что это *сладкая сперма*, и спросил, не хочу ли я попробовать сам. Когда я отказался, он настоял.

– Я знаю, что ты сейчас возбужден, – сказал он и бесцеремонно сбросил с меня одеяло. Я предстал голым и беспомощным, полностью открытым взгляду мистера Чандлера.

Он прокомментировал состояние моей «третьей ноги», действительно в эрегированном состоянии. Я попытался объяснить ему физиологические причины этого и то, что они не имеют никакого отношения к моим истинным желаниям. Он проигнорировал это как *чушь* и потянулся, чтобы взять мой пенис рукой, погладив его. Когда на кончике появилась капля смазки, он также взял ее и, как и свою собственную, поднес ко рту, проглотил, отметив, что у меня тоже *сладкая сперма*. Мне трудно передать, что произошло дальше. Мистер Чандлер снова извлек каплю смазки из своего члена и протянул мне ее на пальце, чтобы я попробовал на вкус. Когда я отказался, он сказал:

– Может быть, будет проще, если ты попробуешь вместе со мной, – он сунул палец в рот, затем наклонился и коснулся моих губ своими, и, по сути, начал *целовать*.

Я утверждаю, что мистер Чандлер ввел мне в этот момент что-то. Я не чувствовал, как таблетка попадает в рот или горло, но считаю, что оно было в жидкой форме, и что мистер Чандлер каким-то образом поместил его себе в рот, а затем поделился этим со

мной. У меня нет доказательств, но это единственное объяснение тем чувствам, которые охватили меня, когда мистер Чандлер продолжил целовать меня. Закружилась голова, чувство наслаждения и похотливые желания охватили меня совершенно всего. Я никогда не употреблял наркотики, поэтому понятия не имею, что мистер Чандлер мог мне «подсунуть» — возможно, МДМА, «испанскую мушку» или какой-нибудь подобный афродизиак. Что бы там ни было, это, безусловно, объясняет то, что я пережил на протяжении всего нашего времени вместе. Меня необъяснимо потянуло навстречу поцелуям мистера Чандлера, мой язык переплелся с его. Затем Брэд лег ко мне в постель, своим тренированным телом на мое, и я почувствовал непреодолимое желание притянуть его ближе и потереть наши стоящие члены друг о друга. Как будто наркотик убедил меня, что Брэд Чандлер — телом, разумом и духом — мой идеал. Все желания, которые я связываю с влечением гетеросексуального мужчины к женщинам, перенеслись на мистера Чандлера. Как бы это ни казалось мне сейчас ошеломительным, но наркотик заставил меня почувствовать это так же естественно, как и любое другое желание, каковые я испытывал в своей жизни, я следовал всему происходящему, будто оно и было то, чего я хотел очень давно, возможно, всю свою жизнь.

Единственное, как мне кажется, описание

того, что произошло между мной и мистером Чандлером во время этой встречи, — мы «занимались любовью»; как бы нелепо это ни звучало. Мы долго и тщательно сосали друг друга, и моя «жажда» пениса мистера Чандлера была равна его жажде моего. Мы оказались в позиции 69, мистер Чандлер полувстал надо мной, его голова находилась на уровне моего паха, а моя — на уровне его, и мы одновременно отсасывали друг у друга. По мере того, как это продолжалось, я обнаружил, что мне хочется попробовать на вкус еще больше Брэда, и в конце концов я начал делать ему «риминг» — то есть, проводил языком вокруг и внутри его бритого и розового ануса. Крайняя порочность этого поступка должна свидетельствовать о том, что в тот момент я был одурманен и действовал, не руководствуясь нормальным, рациональным разумом.

Мистер Чандлер в свою очередь «ласкал» меня таким же образом, вставляя палец в мой анус. Поскольку я был готов к проникновению внутрь после вчерашнего, палец Брэда вошел легко. Под воздействием наркотиков я находил этот акт приятным, громко требуя большего. Затем Брэд вставил второй палец, и когда я продолжал выражать желание большего, — смазал свой пенис кремом для рук, который я хранил рядом с кроватью, забрался на меня и вставил свой пенис в меня.

Я предпочитаю не вдаваться в подробности этой части приступа, так как мне трудно с

этим мириться. Просто знайте, что это было долгое и напряженное испытание, включавшее множество поз. Я испытал оргазм дважды — один раз без мануальной стимуляции, полностью без помощи рук, что еще раз подтвердило мою теорию о том, что мистер Чандлер накачал меня наркотиками до сексуального иступления.

В какой-то момент мистер Чандлер выразил желание перевернуться и лег на живот, подставив мне свой мускулистый и совершенно гладкий зад, что я и сделал, следуя примеру мистера Чандлера: смазал свой член кремом для рук и вставил внутрь него. Это привело к еще как минимум получасовым страстным движениям, в течение которых и я, и мистер Чандлер достигли оргазма — он на простынь моей кровати, а я внутри мистера Чандлера. Через некоторое время после последнего оргазма действие введенного мне наркотика начало ослабевать, и похоть сменилась стыдом и отвращением к тому, что меня заставили сделать. Мистер Чандлер удивился, когда я заявил, что хочу, чтобы он покинул мою постель и мою комнату, и что я по-прежнему не хочу иметь ничего общего ни с ним ни с Фи Бета. Он проигнорировал мои слова, когда я сказал ему, что, по-моему, он накачал меня наркотиками, и отрицал, что вообще принуждал меня к чему-либо.

Однако следующие его комментарии красноречиво говорили о его намерениях и о том, на что он готов пойти ради достижения своих целей. Он заявил, что почувствовал

что-то с того момента, как увидел меня, и знает, что я тоже это чувствую, несмотря на то, что говорю сейчас. Он недвусмысленно высказал, что нашел меня и провел через процесс посвящения, намереваясь заполучить меня себе.

Я вновь подчеркнул, что не заинтересован в каких-либо отношениях с ним, дружеских или иного рода, и снова попросил его уйти.

Мистер Чандлер выглядел растерянным и смущенным, и даже начал плакать. Могу лишь предположить, что эта реакция была притворством, призванным сыграть на моей отзывчивой натуре. Однако это не сработало. Я буквально выставил Брэда из своей комнаты в коридор, и с тех пор не общался с ним. Вся эта встреча, без сомнения, является самым гнусным примером того, на что готовы пойти в Фи Бета, чтобы подтолкнуть своих кандидатов к падению до их уровня. Я уверен, что Совет согласится с тем, что эта тактика не соответствует этическому кодексу университета и, по сути, может быть признана незаконной. Я надеюсь, что Совет предпримет незамедлительные действия по расследованию и, в свою очередь, по прекращению злоупотреблений, которым Фи Бета подвергает своих членов и кандидатов. Как бы тяжело ни было рассказывать о злоупотреблениях, подробно изложенных выше, я понимаю, что у меня нет другого выбора, кроме как довести это до вашего сведения. Я точно не могу этого забыть. Постоянно думаю об этом днем и ночью. Все это проникло в

мое подсознание в виде снов. Я даже стал часто бывать в некоторых районах кампуса, известных своими тайными и извращенными практиками, хотя до сих пор мне удавалось сдерживаться, чтобы не пойти по этому порочному пути. Ясно, что избавление от психологических последствий, которые нанесли мне эти извращения, займет всю жизнь. В то время как другие мужчины моего возраста знакомятся с хорошими девушками и строят отношения, в которых однажды создадут семью и станут полезными членами своих сообществ. Меня же всегда будут преследовать мрачные, потаенные события и обстоятельства, свидетелем которых я был — и которым подвергся — в качестве кандидата в члены общества Фи Бета.

С уважением,

[имя удалено]

Американский мужчина

Майкл Брэкен

Знаю, мне следовало сначала постучать, но я этого не сделал. В тот пятничный вечер, в спешке, потому что эссе в моих руках опоздало на несколько часов, я свободной рукой толкнул дверь кабинета профессора Каргилла и обнаружил его с членом глубоко в заднице какого-то аспиранта, полулежащего на столе. Брюки профессора сползли к лодыжкам, а джинсы аспиранта валялись на полу рядом со столом.

– Или сюда, или вон, – рявкнул профессор, не сбиваясь с ритма.

– И закрой эту чертову дверь.

Я замешкался. Я никогда раньше не видел, как трахаются двое мужчин, и это зрелище заставило мой член натянуть ткань джинсов. Но я вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

Аспирант смотрел на меня и улыбался, но профессор проигнорировал меня, продолжая все сильнее и быстрее вонзаться в задницу молодого человека, наконец остановившись

с последним мощным толчком, от которого по всему его телу пробежала заметная дрожь. Через несколько мгновений он отступил назад и вытащил свой все еще пульсирующий член из задницы аспиранта.

Молодой человек, лежавший на столе профессора, медленно поднялся, и я увидел, что он тоже кончил, потому что его темные лобковые волосы слиплись из-за собственной спермы.

– Что вам нужно? – спросил профессор Каргилл, подтягивая штаны и заправляя рубашку. На другом конце комнаты одевался аспирант.

– Я.., – слова как-то не шли не очень и я протянул ему трехстраничное эссе, которое держал в руке. – Это нужно было сдать сегодня, но я не смог попасть на занятие. Я думал...

Узкое лицо Каргилла и аккуратно подстриженная бородка под Ван Дейка* придавали ему несколько сатанинское выражение, когда он пристально взглянул на меня.

– Вы думали, можете сдать работу с опозданием и все равно получить зачет?

– Ну, машина сломалась по дороге обратно в кампус, когда я летел сюда с подработки, – пытался объяснить я.

Профессор закрутил крышку тубика со смазкой, сбросив его в ящик стола.

* Антонис Ван Дейк (1599-1641) - фламандский живописец, рисовальщик и гравёр в технике офорта, мастер придворного портрета. Его визуальный образ с характерной бородкой получил типичное распространение в среде художников.

Затем протянул руку:

- Показывай.

Я передал ему свою работу. Он положил бумаги на стол и потянулся за красной ручкой. Даже не взглянув на то, что я написал, он нацарапал огромную F^* на лицевой стороне и вернул их мне.

- Что говорит на это счет учебный план? — спросил он. — Опоздание есть опоздание, и все опоздавшие работы проваливаются.

- Но...

Он сердито посмотрел на меня, и моя эрекция сразу сдулась. Я не знал, что тут делать, поэтому вышел из кабинета и пошёл по пустому коридору. Аспирант вышел за мной чуть позже и догнал меня на лестничной клетке.

- Каргилл иногда настоящая тварь, — сказал он. — Что у тебя за предмет?

- Введение в искусство, — ответил я.

- Я там проверяю работы, — сказал он. — Давай твоё эссе, и я позабочусь об этом.

- Но...

- Сомневаюсь, что Каргилл достаточно долго смотрел на него, чтобы даже обратить внимание на имя.

Я протянул ему листы, и он мельком взглянул туда.

- Не волнуйся, Саймон, я буду справедлив, — сказал он, прочитав моё имя на верхнем листе. — Ты получишь оценку, которую заслуживает твоя работа, и, надеюсь, она будет лучше той, что он тебе поставил.

* двойка, неуд

- Спасибо, — ответил я.

- Эмори, — протянул он руку. - Эмори Такер. Номер моего кабинета есть в университетском справочнике. Если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится, заходи.

Я взял его руку, почувствовал, как что-то липкое склеило наши ладони, и понял, что это, когда мы пожали друг другу руки. Но я не знал, его это сперма или профессора, да и значения это не имело. Спускаясь вниз по лестнице, я вытер руки о джинсы.

Несмотря на то, как профессор Каргилл обошелся со мной, я не мог выбросить из головы воспоминание о том, как он трахал Эмори, и всю ночь ворочался в постели, моя эрекция препятствовала переворачиваться с боку на бок свободно. Мне снилось, что я был тем же самым сторонним наблюдателем, что и раньше, — но вместо того, чтобы просто стоять в стороне, я расстегиваю джинсы, вытаскиваю член, обхватывая ладонью его твердый ствол и дико дрочу, пока не изливаю свою сперму на тех обоих. В другие разы мне снилось, что я на месте Каргилла, позади Эмори, так сильно вгоняю свой член в упругую задницу аспиранта, что стол взбрыкивает и скачет, и мне приходится постоянно делать шаг вперед, пока, с последним мощным толчком, и рвущимся из моего горла ревом, я не извергаюсь в задницу Эмори. Или я оказываюсь на месте Эмори, раскинувшись на профессорском столе, мой стиснутый член скользит, двигаясь по

полированному дереву, пока Каргилл входит в меня сзади. В этой ситуации я требую, чтобы он трахал меня сильнее, быстрее и глубже, пока я не кончу на стол, и Каргилл в последний раз вонзает в меня член, наполняя мою задницу горячей спермой.

На следующее утро я проснулся и обнаружил свои трусы в засохшей сперме от первой в жизни поллюции, а мысли затуманенными осознанием того, что долгое время невысказанные желания обрели свое место в новом мире, в который я попал, покинув свой маленький городок ради большого.

То же самое повторилось и следующей ночью, но не в ночь после. Перед сном в воскресенье я мастурбировал в душе, пока рука не устала так сильно, что я не мог поднять ее, а член просто отваливался. Я уснул и спал не просыпаясь. К тому моменту, когда я занял на свое кресло в последнем ряду лекционного зала на вводном курсе по искусству в тот понедельник днем, я убедил себя, что желания плоти под контролем. Я ошибался. Когда Каргилл с важным видом вошел и поднялся на кафедру, мой член прыгнул, распрямляясь — и оставался в таком состоянии большую часть часа, пока Каргилл монотонно рассказывал о случайных предметах, мелькавших в бесконечном потоке слайдов. Я смотрел не столько на слайды, сколько на профессора, представляя, как тот указывает на проецируемые изображения членом, а не лазерной указкой в руке. В конце лекции Каргилл попросил одного из

студентов раздать нам наши работы, пока сам собирал свои записи и уходил, и я с удовольствием увидел, что получил восемьдесят девять за свои старания. Эмори сдержал слово.

В следующие несколько дней, когда я не работал в закусочной или не поливал стены душевой своей спермой, я просиживал в библиотеке, работая над рефератом по английской литературе. Однако я постоянно думал об Эмори и о его предложениях зайти. Поэтому после последней лекции в четверг прошел через кампус, направляясь к зданию факультета изящных искусств, спустился в цоколь, где у многих аспирантов художественного отделения располагались студии. И вспоминая давние обстоятельства, постучал в дверь Эмори, ожидая ответа, прежде чем открыть её.

– Саймон! – воскликнул он, поднимаясь из-за стола. – Я все думал, как скоро ты ко мне зайдёшь.

Я не смог ответить сразу, потому что был совершенно сражен обстановкой. Стены студии Эмори были заполнены эскизами обнажённых мужских торсов, всех возможных этнических групп в самых разнообразных позах. Но взгляд больше привлекало многообразие нарисованных пенисов. Они величественно вздымались из буйных зарослей лобковых волос или свободно свисали над почти лишенными таковых яйцами. Обрезанные и необрезанные, расслабленные и эрегированные, толстые и тонкие, длинные и

короткие, они разделяли пространство с болтающимися и сжавшимися от страха или холода мошонками.

Я облизнул губы, тяжело сглотнул, прежде чем переключить внимание на Эмори. Он был всего на несколько лет старше, с копной тёмных волос, которые откидывал со своих сверкающих глаз, пока мы разговаривали. – Просто зашёл поблагодарить тебя, – сказал я.

– Спасибо не за что, – он убрал стопку бумаг с единственного, помимо его собственного, стула:

– Садись.

Я снова взглянул на окружающие меня эскизы, прежде чем устроиться на краю стула. У меня никогда до этого не было физической реакции на произведения искусства, так что я тотчас положил рюкзак на колени, чтобы скрыть нарастающую эрекцию.

– Это для моей кандидатской выставки, – объяснил Эмори в ответ на мой незаданный вопрос. – Я использую часть эскизов тех же обнаженных моделей, что и на занятиях по рисованию фигуры, и некоторые из них – мои друзья.

– Друзья?

– Вот мой бывший парень, Тео, – сказал он, показывая на толстый, стоящий член, должно быть, более восьми дюймов* в длину. Затем он указал на еще свободно возлежащий, но явно возбуждающийся, а не уже извергшийся: – А этот должен быть тебе знаком.

* ок. 20см.

Это – профессора Каргилла.

Я посмотрел на него и огляделся еще раз.

– Извини, – улыбнулся он. – Автопортретов нет.

Эмори прочитал мои мысли, и я неловко улыбнулся в ответ.

– Тебе стоит как-нибудь попозировать для меня.

– Мне? – удивленно спросил я. – Почему именно я?

– Потому что ты ведь представляешь себя на этих стенах и гадаешь, насколько соответствовал бы ты.

Я думал именно об этом, но не признался, конечно. Смущенный тем, что Эмори так легко понимал мои мысли, я встал, чтобы уйти, с рюкзаком перед собой.

– Еще раз спасибо за проверку моей запоздалой работы, – сказал я.

– Не проблема, – снова улыбнулся он. – Только постарайся больше не пропускать сроки. Возможно, во второй раз я не смогу тебя спасти.

Я вышел и как можно быстрее покинул здание факультета изящных искусств. Учеба в колледже оказалась совсем не такой, какой я её представлял. Мы с лучшим другом как-то вечером ради развлечения, стащили бутылку виски *Jack Daniel's* из бара его отца, но из этого ничего не вышло. Тревор теперь собирался жениться на своей школьной любви в июне, и я с учетом всего этого пребывал в некотором замешательстве. Сны продолжались еще несколько ночей, только профессора

Каргилла в них больше не было. Вместо того мне снилось, как Эмори берет меня в своем кабинете, разложив на столе так же, как профессор Каргилл его, и входит членом мне в задницу, в то время как десятки эрегированных членов, находящихся вне моей досягаемости, дразнят меня своим присутствием и лишь ждут своей очереди, чтобы овладеть мной, хотя они и всего только двухмерные эскизы. Наконец я позвонил Эмори и сказал, что готов позировать.

В отличие от раздевания на уроке физкультуры с кучей подростков, которые одинаково смущаются друг друга и общей наготы, здесь я раздевался перед парнем всего на несколько лет старше меня, но все же тем, кого я недавно видел на столе моего профессора, читающего курс по введению в искусство, с членом в заднице, и о ком я мечтал с тех пор.

Полностью раздетый, я сел на табурет по центру студии.

– Тебе холодно? – спросил Эмори.

– Нет, – ответил я. – Почему должно?

– Ты выглядишь несколько скованно.

Я опустил взгляд.

– Просто нервничаю, – пришлось признаться.

– Я никогда ничего подобного не делал раньше.

– Расслабься, – Эмори поправил пару ламп подсветки. Затем взял блокнот для эскизов и угольный карандаш, и тоже сел.

Он делал набросок, а я наблюдал за его глазами и рукой, видел, как он смотрит на меня, как карандаш в его руке летает по странице. По мере того, как проявлялся рисунок, его взгляды становились всё дольше и дольше. Это внимание возбуждало меня, мой член удлинялся и твердел, пока не вспорхнул вверх. Смущённый, я попытался прикрыться рукой.

- Расслабься, — повторил Эмори. — Всё в порядке.

Он отложил блокнот и подошел ко мне, положил одну руку мне на плечо, другую — на мою руку. Наконец-то. Настал тот самый момент. Я думал, знаю, что он собирается сделать, и опередил его, потянулся, поцеловал его.

Эмори отстранился и посмотрел мне в глаза.

- Ты думаешь, поэтому я попросил тебя придти сюда?

Я был смущен и растерян.

- Разве нет?

- Ты симпатичный мальчик, — сказал он.

Но я не был ребенком. Мне только что исполнилось девятнадцать.

- Но ты не в моем вкусе. Мне нравятся мужчины постарше, — продолжал Эмори. — Они могут сделать больше для моей карьеры.

- Значит, ты пригласил меня сюда..?

- Просто чтобы нарисовать тебя, — сказал он. — Ничего больше.

Мой член моментально сдулся. Фантазия о том, как меня соблазняют в студии Эмори, осталась лишь фантазией, а нарисованные

члены, взирающие на меня со стен, теперь казались разочарованными.

– Ты меня не хочешь?

– Не то чтобы, – сказал он, схватил альбом и перевернул его, чтобы я смог увидеть, что там нарисовано. – Но вот.

Хотя я много раз видел свое отражение в зеркале, однако никогда не представлял себя таким, каким меня представил Эмори, и я смотрел на незаконченный эскиз, пока он не перевернул страницу, не поменял мое положение и не начал заново.

Хотя я позировал Эмори еще несколько раз до того, как весенние каникулы прервали семестр, он не пригласил меня снова после возвращения к учебе, поэтому я полностью отдался занятиям и попытался забыть все произошедшее.

Большинство студентов магистратуры и аспиранты проводили свои дипломные выставки в трехэтажном атриуме корпуса изящных искусств, но некоторые, избранные проводили их за пределами кампуса, и в тот год Эмори был одним из таких. Профессор Каргилл организовал экспозицию *Американский мужчина* в галерее в центре города, и здесь были представлены несколько десятков эскизов, отобранных из множества тех, что я видел в студии Эмори. В первый вечер недельной выставки состоялся закрытый прием, на который приглашения разослали заранее. Я чуть было не опоздал, добираясь в галерею пешком, почти через тридцать минут после

начала, потому что моя машина как всегда заглохла, и мне пришлось идти последние шесть кварталов.

Присутствовали три научных руководителя Эмори, профессор Каргилл и еще несколько мужчин и женщин, которых я не знал. Я взял в баре бокал газированного виноградного сока и обошел зал, рассматривая работы Эмори.

Многие из эскизов я видел, — либо когда впервые зашел к Эмори в студию, либо во время некоторых последующих визитов, когда позировал ему, — но никак не ожидал оказаться в общественном месте, разглядывая эскиз моего собственного полувставшего члена в натуральную величину. Мои щеки потеплели, и подозреваю, что я даже покраснел, хотя знал, что никто не сможет опознать меня лишь по торсу, хотя и выставленному на всеобщее обозрение.

— Нравится? — я обернулся на звук голоса Эмори. — Думаю, это одна из моих лучших работ.

Теперь, едва слышно, я сказал:

— Ты мне не говорил...

— Что ты думал, я буду делать с эскизами, когда закончу? — парировал он — Ты же знал, что я работаю над своей дипломной выставкой, когда соглашался позировать.

— Наверное, но я не думал..., — тогда я слишком увлекся возбуждающими фантазиями и волновался, что показываю себя другому мужчине, чтобы подумать о последствиях, и мне вдруг стало интересно, а сколько других

парней, присутствующих здесь, тоже вот так выставили свои члены.

Прежде чем я успел спросить, к нам подошел парень возраста Эмори. Он обнял Эмори, поцеловал его в губы и сказал:

- Извини, что опоздал.

- Прекрати, — возмутился Эмори, отталкивая его. — Ты разозлишь Каргилла.

- Ты все еще спишь с этой старой королевной?

- Будь вежлив, — сказал Эмори, прижимая палец к его губам. — Если бы не Каргилл, моя работа сгинула где-нибудь, среди таких же.

Затем Эмори развернулся ко мне.

- Саймон, — сказал он, — это Тео, мой бывший.

Я не смог удержаться и взглянул на Тео, чуть ниже пояса.

Эмори заметил и рассмеялся.

- Тео, — начал он, обращаясь к своему бывшему, — это тот студент, с которым я хотел тебя познакомить.

Тео оглядел меня с ног до головы.

- Ну что ж, — сказал он, — у меня сегодня удачный день.

- Мне нужно пообщаться, — извинительно обронил Эмори, удаляясь. — Я оставляю вас наедине, познакомиться.

Когда Эмори ушел, Тео сказал:

- Мы вместе учились в университете. Он поступил в аспирантуру, а я пошел работать. Я занимаюсь дизайном рекламы в небольшом агентстве неподалеку.

Я рассказал ему, что я один из студентов профессора Каргилла.

- А, Эмори говорил, что ты застал их врасплох, — развеселился он. — Должно быть, это был настоящий шок.

Стоит признать, что так и было.

- И немного возбуждающе тоже?

- Да, несколько дней невозможно было переключиться на что-то другое, — я взглянул на Тео. Красивый, почти на двадцать лет моложе профессора Каргилла, и, если верить эскизу Эмори, гораздо более одаренный, чем профессор.

- Но почему Эмори бросил тебя ради кого-то вроде него?

- Каргилл расстроен, потому что ему приходится везти на себе вводные курсы, — объяснил Тео. — Поэтому каждый год берет под свое крыло какого-нибудь многообещающего молодого художника, немного с ним работает, а потом бросает. Эмори изменил сценарий, — теперь художник использует Каргилла, — он сделал неопределенный жест рукой, который, казалось, охватывал все вокруг нас. — Похоже, это сработало.

Мы уже достаточно долго стояли перед эскизом Эмори с моим обнаженным торсом, так что Тео положил руку мне на плечо и повел к следующему. На нем был изображен молодой чернокожий парень, чей член, хотя и средних размеров, рвался вверх из тугого гнезда кудрявых волос в паху.

- А как насчет тебя? — спросил Тео, опуская

руку чуть ниже. - Что ты ищешь?

Прежде чем я успел ответить, профессор Каргилл увидел Тео, подошел и прервал нас. Пока они разговаривали, он изучал меня. Его глаза сузились, словно в попытках узнать, но безуспешно. Он просто отвернулся, посчитав меня недостойным дальнейших размышлений, закончил свой короткий разговор с Тео и удалился.

Я оставался с Тео до конца вечера, наслаждаясь его искрящейся энергией и яркой индивидуальностью, а тайно и его прикосновениями.

В конце вечера, когда стало очевидно, что прием подходит к концу, я испугался, что не смогу вернуться в кампус, если задержусь еще немного, и сказал Тео, что мне нужно уходить.

- Я провожу тебя до машины.

- Возможно, ты не захочешь, - сказал я. - Моя машина в шести кварталах отсюда. Я объяснил ему причину - и то, что планирую вернуться в кампус на автобусе.

- В этом нет необходимости, - сразу ответил он. - Я подвезу.

Примерно половина гостей уже разошлась, поэтому мы быстро и незаметно покинули галерею.

Когда мы уже были во внедорожнике Тео, он сказал:

- Ты уверен, что хочешь ехать обратно в кампус? У меня квартира примерно в миле отсюда. Ты можешь переночевать, а утром займемся твоей машиной.

Я тяжело сглотнул.

– Уверен? – спросил я. – Да, пусть так и будет.

И вот, в полумраке его спальни, когда дверь квартиры закрылась, за плотными шторами, Тео пальцем приподнял мой подбородок.

Посмотрел мне в глаза, провел по своим губам кончиком языка, наклонился и поцеловал меня. Мы с Тревором целовались, конечно, когда напились виски его отца, но это было ничто по сравнению с поцелуем Тео. Губы Тео коснулись моих, прижимая мои губы к моим зубам. Он нежно куснул мою нижнюю губу, – я не сопротивлялся, потом он проник языком мне в рот.

Я мечтал о подобном моменте после того, как увидел профессора Каргилла с Эмори, и мечтал об Эмори в его кабинете, и о том, как эскизы Эмори оживают и овладевают мной. По крайней мере, одна из этих фантазий сбывалась, жидкий жар разлился по моему телу, и член сразу отреагировал.

Тео запустил руку между нами, схватил мой вставший член сквозь тонкую ткань моих брюк. Это было очень уверенное действие, – совсем не похожее на мои пьяные шалости с Тревором, – я понял, что нахожусь в руках того, кто знает, чего он хочет. Меня не покидало и осознание того, что он старше, – как минимум на несколько лет старше меня, – а моё первое впечатление от двух занимающихся сексом мужчин было связано с профессором и аспирантом, между которыми

разница в возрасте была значительно большей.

Развязав галстук, Тео расстегнул на мне рубашку, сбросив её с плеч. Я не препятствовал ей упасть на пол к ногам. Он схватил край моей майки, снял её тоже и отбросил в сторону. Затем, поглаживая мои соски, превратил их в два маленьких столбика.

Я подпрыгивал то на одной ноге, то на другой, снимая обувь и тоже отбрасывая туфли в сторону. Расстегнул ремень, расстегнул брюки, расстегнул молнию, спустил до щиколоток. Затем последовали носки и трусы.

Пока я раздевался, Тео проделал тоже самое. Благодаря тому, что я позировал у Эмори, раздеваться перед другим парнем меня не смущало, и я не начал нервничать, пока Тео не снял свои боксеры, и я не понял, что на эскизе Эмори член его бывшего любовника на самом деле весьма преуменьшен в плане длины и толщины.

- Ты дрожишь, — прошептал он. -
Нервничаешь?

- Немного, — признался я.

Тео обнял меня, зажав наши стоящие члены между нами, и снова пробрался языком мне в рот, а я не смог сдержаться. Я кончил. Смущенно отстранился.

- Я... я извиняюсь... я...

- Все ОК, — сказал Тео, притягивая меня обратно к себе и поглаживая по голове. -
Это же твой первый раз, правда?

Я кивнул, но, несмотря на нервозность, игнорировать его член у моего живота было невозможно. Я опустился на колени и на мгновение просто уставился на интимную часть Тео, массивную мошонку и толстый член. Я представлял подобное, но теперь, когда все случилось, понятия не имел, что делать. Тео понял и мягко направил меня. Обхватил кулаком основание своего члена и провел набухшей, фиолетовой головкой о мои губы. Я почувствовал солоноватый привкус его члена, когда провел кончиком языка по своим губам.

Он взял мою руку и обхватил ею основание своего члена. Этот член совсем не был похож на мой, и уж тем более на член Тревора. Я взял толстую головку между губами и потыкал в нее кончиком языка. Затем открыл рот и взял весь член внутрь. Зацепил зубами головку и облизал ее со всех сторон, как будто это был леденец из плоти. Пока я это делал, Тео взял мою руку и начал двигать вверх и вниз по стволу своего члена. После нескольких движений я понял, чего он хочет, и продолжал ритм сам.

Тео взял меня за затылок и держал, продвигая член вперед. Я взял еще дюйм — может быть, два — в рот, пока не подавился. Тео быстро отдернул руки.

— Я хотел тебя с тех пор, как Эмори впервые показал мне твои эскизы и рассказал о выражении твоего лица, когда ты застал его распластанным на столе Каргилла, — сказал Тео, проводя пальцами по моим волосам, пока

я двигал кулаком вверх и вниз по всей длине его толстого члена.

Бедрами Тео подхватил темп, его безволосый мешок со сказками подтянулся, и он вдруг кончил, наполняя мой рот густой, соленой спермой. Я не смог проглотить все, и часть растеклась по подбородку.

Я не выпускал его член, пока пульсации извержения не прекратились. Потом Тео поднял меня на ноги, положил лицом вниз на кровать и раздвинул ноги. Достал тюбик со смазкой из тумбочки, намазал между моими ягодицами и по упругому кружку внутри.

Продолжал и продолжал массировать мой анус со смазкой, пока я наконец не расслабился, и он проник одним скользким пальцем.

Я вздохнул, и мои глаза широко раскрылись, как от удивления, когда он, по меньшей мере дюжину раз проделал все это. Мой член затвердел, как и его, так что он вытащил палец, схватил меня за бедра и поставил на колени. Сам же встал между моих ног и прижал толстую головку своего члена к моему смазанному сфинктеру. Затем медленно вошел в меня, пока вся его длина не оказалась во мне. Он вытащил и вошел снова. И, увеличивая постепенно скорость, стал трахать меня так сильно, что мои ягодицы шлепали его с каждым толчком. Я потянулся вниз, схватил свой стоящий член, обхватил его и подстроился под ускоряющегося Тео. И снова кончил первым, выпуская густую порцию спермы на простыню, а затем кончил Тео, изливая свою теплую сперму глубоко

внутри меня. Он крепко прижался к моей заднице, пока его член не перестал извергаться, а затем вытащил.

Я перевернулся на кровати, чувствуя себя удовлетворенным так, как никогда прежде, мои мечты наконец-то стали реальностью. И хотя дюжина оживших эскизов не выстроились в ряд, желая секса со мной, я был полностью удовлетворен тем, что произошло, Тео лег рядом, обнял меня, и мы заснули вместе.

Только на следующее утро, в солнечном свете, пробивавшемся в спальню сквозь шторы, я разглядел в рамке напротив кровати один из моих ранних эскизов от Эмори, а ниже комод с несколькими фотографиями: Эмори с Тео, Эмори с Каргиллом и Тео с Каргиллом. И узнал, что Тео был одним из студентов-художников, которых Каргилл использовал, а затем бросил, и понял, что освоил жизненный урок в отношениях, намного превосходящий все, что мог ожидать от первого года обучения в колледже.

В то утро Тео помог мне с машиной, и мы виделись ещё дважды до конца семестра, но эти отношения не пережили летних каникул, когда я ездил домой, так что больше мы не виделись. Эмори же успешно защитил письменную часть своей диссертации, — исследование идеи о том, что мужская обнажённая натура недооценена, а также недостаточно представлена в современном искусстве в сравнении с женской, — и уехал из города со степенью в области изящных

искусств, чтобы преподавать в колледже на Среднем Западе. Оценка В*, которую я получил от профессора Каргилла, вполне соответствовала моим другим оценкам за тот семестр, что удовлетворило моих родителей. Я иногда видел Каргилла в кампусе, но больше никогда не заходил в здание факультета изящных искусств.

Сейчас я сам аспирант, — работаю в лаборатории письма на кафедре английского языка — и стал тем самым опытным парнем постарше, какого когда-то сам желал. Вот, например, сегодня я познакомился с первокурсником, которому, возможно, понадобится мое руководство. Может быть, я покажу ему свою коллекцию эскизов Эмори.

* четверка, хорошо

Талисман

Грегори Л. Норрис

Морган запрыгнул на стол для прессы, занятый примерно дюжиной журналистов, освещавших большой матч, вильнул своим полосатым оранжевым задом перед их лицами. Осторожно переступая через их заметки и ноутбуки большими меховыми лапами, он извивался и двигался, шлепнув нескольких по лицу своим хвостом, вышагивая на всеобщем обозрении. Толпа, разогретая началом игры, взревела еще громче отзываясь на его действия. Морган хлопнул в ладоши. Хотя мягкие оранжевые лапы тигрового ростового костюма не издали ни звука, переполненный зал неистовствовал. Шум в зале достиг запредельного уровня.

Да, это так круто! Они меня обожают! – подумал он, когда камеры, отслеживающие матч, вывели его танцевальный номер на экраны над головами. По правде говоря, *Тай, талисман Топсфилд* Тайгерс* отвечал за шоу перед началом матча больше, чем чирлидерши, пляшущие в такт рок-н-рольным ударным ритмам из больших колонок над полем, и

* **Topsfield** - город в шт. Массачусетс. Население 6500 чел. Основан в 1635г.

баскетбольная команда, которая еще даже не вышла на поле. Это электричество щекотало яйца и грозило отозваться в члене, — что было не первый раз, когда Морган возбуждался в своем костюме.

Переместившись со стола на паркет пола, Морган станцевал перед дюжиной чирлидерш команды, повторяя их движения.

К этому моменту воздух внутри оранжевого костюма и головы тигра-талисмана наполнился запахом пота, но это не погасило его энтузиазма. Он продемонстрировал несколько диско-движений, изобразил капустную грядку*, а затем гордо взбежал по лестнице на трибуны, заставляя многочисленных студенток и некоторых их кавалеров танцевать прямо на своих местах. На вершине трибун пробрался в главный вестибюль, раскачиваясь с музыкой. Чуть далее его уже ждал с санями менеджер по оборудованию команды. Морган запрыгнул туда и, сильно оттолкнувшись, когда музыка, вопли, кричалки и энергия в зале достигли апогея, его *Тай Тигр* с бешеной скоростью скатился на этих санях вниз по лестнице, сшибая по дороге десяток огромных пенопластовых кеглей внизу.

Морган быстро пришел в себя, вскочил и прошелся *лунной походкой* назад, удаляясь от места крушения, выполняя заключительную часть программы. Весь в поту внутри костюма

* **cabbage patch** - танцевальное движение в стиле хип-хоп. Включает горизонтальные круговые движения сжатыми кулаками перед туловищем. Бедра могут вращаться синхронно с этими движениями рук.

тигра, он выхватил баскетбольный мяч из рук ожидающего судьи, разбежался и, постукивая мячом через всю площадку, прыгнул на небольшой батут перед сеткой. Эффектно забросив мяч в корзину, он приземлился на обе ноги под ликующие крики ярых баскетбольных болельщиков, успешно завершив личную программу.

Это было мартовское безумие в своем лучшем виде!

Морган ушел с баскетбольной площадки к portalу туннеля, ведущего в раздевалку, где, — в отличие от остальной команды, — его никто не ждал с полотенцем или водой. Тем не менее, напряжение и после шоу продолжало поддерживать его тело в состоянии, похожем на естественный драйв. По пути в раздевалку, чтобы выпить чего-нибудь холодного и передохнуть, он прошел мимо членов команды — Джейми и Джоша, а также своего хорошего друга Дэнни. Тот остановил его, заключая в добродушные объятия.

— Чувак, ты просто жжёшь! — воскликнул девятнадцатилетний защитник.

Морган, сквозь щели в глазах тигриного костюма, смотрел на красивое, улыбающееся лицо по ту сторону. Дэнни тоже был блондином, с ярко-зелёными глазами, аккуратной бородкой и озорной улыбкой. Покачивая задницей, с изгибающимся искусственным тигриным хвостом, — Морган принял руки Дэнни, хлопнув его ладонь по ладони. Он глубоко вдохнул кисловатую смесь

из пота и жара внутри костюма талисмана, и представил, как будет пахнуть Дэнни после турнирного матча: гораздо более вспотевший, – сильные, волосатые ноги и руки блестят бисеринками пота, подмышки влажные, а русые волосы слиплись и лежат пластом на его голове.

К своему шоку, Морган понял, что у него встал в обтягивающих боксерских трусах – единственной одежде, кроме старой футболки под костюмом тигра. Возможно, это тестостерон, бурлящий в крови после того, как разогревал толпу перед стартом игры, или близость Дэнни. Скорее всего, подумал он, и то, и другое. Но как только он почувствовал это шевеление в трусах, возбуждение быстро угасло.

– Перестань раззадоривать его, Дэнни, – бросил кто-то хриплым голосом. – Он всего лишь талисман команды. Не один из нас. Лишь мы – те парни, которые выиграют эту игру для Топсфилда!

Это заявление последовало от форварда, Тёрка Холлингса, старшекурсника с голубыми глазами и насмешливой улыбкой на квадратной челюсти. Морган же игриво показал Тёрку средний палец пушистой лапкой. Но правда того, что он сказал, сразу дошла до него, чего стало достаточно, чтобы лишить Моргана энтузиазма на обратном пути в раздевалку. Каким бы хорошим ни было его выступление перед матчем, Морган действительно не был частью команды. А просто каким-то парнем в дурацком костюме тигра.

Морган лежал, в довольно свободной позе на кровати, в шортах-карго и футболке, забросив ноги в белых носках на спинку. И был так глубоко погружен в свои мысли, что не слышал стука в дверь своей комнаты общаги, пока не постучали повторно, гораздо громче.

Морган убрал ноги и сел, когда дверь открылась.

Дэнни заглянул внутрь, с дурацкой, но сексуальной улыбкой на небритом лице:

– Привет, чувак. Как дела?

– Ничего. Отдыхаю, — ответил ему Морган.

Тот прошел внутрь, одетый в синие джинсы, бейсболку и кроссовки, без носков. Морган протянул руку. Дэнни хлопнул по ней, затем отодвинул стул от стола и сел на него спинкой вперед, в классическом стиле ковбоев и крутых парней.

– Что тебя сюда привело? Разве у тебя не тренировка?

Дэнни ответил не сразу, он рассматривал костюм талисмана, с выпушкой искусственного меха на лапах и головой тигра, висевший на дверце шкафа.

– А ты? — наконец, проговорил Дэнни. — У нас сегодня важная игра, чувак. Нам нужен наш талисман удачи — и в твоей лучшей форме.

Морган, смотревший туда же, куда и Дэнни, отвел взгляд, прежде чем снова полностью растянуться на кровати.

– Это же просто дурацкий костюм.

– Не, это не так, — возразил Дэнни,

поднимаясь. Подошёл к шкафу и похлопал по оранжевому меху передней части костюма талисмана:

- Эта штука крутая!

- Тогда залезай в него, — фыркнул Морган. — Хотя я не понимаю, зачем тебе это нужно. Особенно когда ты играешь в баскетбол где-нибудь в Индиане во время Мартовского Безумия.

Дэнни повернулся к нему.

- Эй, то, что сказал Тёрк, было неправильно. Никто из нас так не думает. Чёрт, мы же не можем выйти туда и делать эти танцевальные движения, как ты.

- Я бы лучше играл в баскетбол.

Дэнни пожал плечами.

- Знаю, чувак. Это отстой. Но до следующего сезона, когда ты сможешь опять попробовать свои силы в команде, это вполне вариант. Он снова повернулся к костюму талисмана.

- Как там внутри?

- Жарко и потно, — вздохнул Морган.

Дэнни понюхал костюм, поморщил нос.

- Ещё бы, чувак, — усмехнулся он.

- Если ты думаешь, что это плохо, то к перерыву оно дойдет до яиц, — бросил Морган с лёгкой улыбкой. — Мои вообще-то плаваются. Эта штука — настоящая сауна.

Дэнни прищурился в ответ реплике Моргана и снова озорно ухмыльнулся, скорее оскалившись, чем улыбаясь. Без всяких объяснений, он скинул расшнурованные кроссовки, продемонстрировав ноги 46-го размера. Снял бейсболку, надетую задом

наперёд, швырнув её в Моргана.

- Держи.

Морган машинально поймал бейсболку, почувствовав запах Дэнни от нее.

- Что ты, блять, делаешь?

Дэнни потянул рубашку поверх головы, прежде чем ответить, что обнажило его широкую и спортивную грудь и густую дорожку тёмно-русых волос, сбегаящую далеко вниз по плоскости рельефного живота.

- Я хочу попробовать.

- Серьёзно?

Подтверждением от Дэнни стало то, что он расстегнул ремень, снял штаны и сбросил их вниз, вышел из скинутых джинсов. К своему восторгу и шоку, Морган узрел, что тот тоже без нижнего белья. Внезапно воздух в комнате загустел, стало жарко.

Не в силах сдержаться, Морган упивался совершенством Дэнни: мускулистые ноги, аккуратные завитки вокруг толстого, обрезанного, мясистого члена, и два массивных, свисающих яйца под блестящим, мягким пушком.

Дэнни швырнул ком из штанов в том же направлении, что и бейсболку. Удар вывел Моргана из оцепенения, оглушив чувства мускусным запахом мужской кожи.

- Помоги мне с этой штукой. Я не хочу оставить свой член на молнии.

Морган прыгнул с кровати, даже, пожалуй, слишком быстро, не замечая, как его член уже встал в шортах, пока движение не озарило его взрывом сверхновой, который мог

видеть только он. Несколько шагов до Дэнни показались сотней.

– Именно потому шорты и лучше, придурок, – беззаботно сказал он, хотя громкий стук собственного сердца где-то в ушах совершенно заглушал слова и сушил губы. Дэнни лишь глупо улыбался и щупал свой член, почесывая яйца, пока Морган снимал с вешалки костюм.

– Э-э, сначала нужно влезть в нижнюю часть.

– Круто, – вздохнул Дэнни.

Далекое, настойчивое желание искажало звуки, прежде чем они достигали ушей Моргана. Отвести взгляд не слишком помогло. Член Моргана все еще болезненно прорывался из-под шорт. Он попытался игнорировать это, потянувшись к лапам тигра. Быстрое прикосновение к плечу Дэнни вернуло в сознание запах его кожи.

– Ты уверен, что хочешь это сделать?

Зловещая гримаса не сходила у Дэнни с лица.

– Да, – ответил он. – Это важно, потому что ты так делаешь, и проделываешь эпично, и потому нужен нам в команде, чувак.

Ледяной жар пронзил Моргана, отчасти из-за близости Дэнни, а отчасти из-за слов. Дэнни шагнул одной ногой в костюм.

– Дальше вниз, – комментировал он. – Это как большие пушистые тапочки. Потом голова. Нога Дэнни утонула в нижней части тигра. Затем он полностью ушел внутрь.

– Помоги мне застегнуться, чувак.

Морган глубоко вдохнул густой, горячий воздух, понимая, что яйца Дэнни открыто

торчат из расстегнутого костюма всего в футах от него. Нервно, как и просили, Морган потянулся к молнии. В этот момент Дэнни подвинулся ближе, и толстый, мясистый член коснулся тыльной стороны ладони Моргана. По коже пробежала волна, похожая на электрический разряд. До этого момента он не до конца осознавал, но теперь стало слишком очевидно, чтобы игнорировать: член Дэнни стоял также требовательно, как и его собственный.

- Ого, — выдохнул Морган.

- Ничего не могу поделать, — без всякого смущения сказал Дэнни, запихивая свое в оранжевый меховой костюм. — Черт, эта штука мне даже нравится.

Морган кивнул, расстегнул свободнее молнию, уверенный, что вот-вот потеряет сознание от напряжения в этом тесном пространстве комнаты. Он закрыл клапан на липучке поверх молнии, чтобы скрывать ее, и помог Дэнни с первой оранжевой лапой.

- Теперь ноги.

Дэнни заерзал, словно не слышал его, его босые ноги торчали наружу из костюма талисмана:

- Черт, в костюме кота я бы трахался без остановки!

Морган похлопал по хвосту тигра.

- Следи за задницей, тут эта штука, — пошутил он. Что помогло немного разрядить напряжение в воздухе, особенно когда неуклюже пританцовывающий Дэнни сбил со стола чашку с ручками и будильник.

- Чувак, смотри повнимательнее — перестань хулиганить!

Дэнни сделал ещё несколько танцевальных движений, прежде чем надеть лапы и тигриную голову.

- Я обожаю эту чёртову штуку!

- Перестань пытаться заставить чувствовать себя виноватым, с мыслями, как мне повезло быть талисманом команды, — сказал Морган, игриво толкнув Дэнни.

- Ты завидуешь, потому что я выгляжу в нём лучше, чем ты? — усмехнулся Дэнни, его голос глухо звучал из головы тигра.

- Да какого хрена, ты, неуклюжий танцующий ублюдок, — выпалил Морган.

Дэнни издал рычание, поднял лапы и бросился на Моргана. Они оба оказались на кровати, в дружеском сплетении, при этом Дэнни прижал Моргана. Морган теснее прижался к нему, лежащему сверху, но это лишь ещё больше добавило его стояку твердости. Но чем дольше он сопротивлялся, тем легче было понять, что член Дэнни тоже всё ещё в полной эрекции. Оба члена болезненно прижимались друг к другу, их разделяли лишь слой искусственного оранжевого меха и шорты Моргана.

- Ну же, просто признай, — засмеялся Дэнни.

- Никогда, — весело выдавил Морган, хотя и не мог отрицать, как сильно ему нравилось ощущение тела Дэнни сверху.

Он перестал сопротивляться и потянул тигриную голову вверх, срывая ее.

Обезглавливание талисмана явило красивое

лицо его приятеля. Улыбка Дэнни исчезла, сменившись самым серьёзным выражением. Внезапно дыхание стало непростым и даже отстраненным. Что-то невидимое с крыльями хлопало возле ушей Моргана. Его бешено бьющийся пульс исходил не из груди, а из члена, который казался вдруг чудовищно большим. Вроде руки, ноги. А, может, и больше.

Они замерли, прижатые друг к другу, Дэнни склонился ближе, и, что стало совсем неожиданным событием с момента его появления, их губы на мгновение соприкоснулись.

Морган напрягся и отвернулся.

– Что за фигня... – прошипел он.

– Я знаю, ты этого хочешь, так же, как и я, – прошептал Дэнни, возвращая взгляд – и рот – Моргана к своему. – Ты этого хочешь, как и я.

– Но я не..., – выдохнул Морган. – Знаешь, я не такой.

Дэнни протянул пушистую руку в перчатке между их ног и пощупал член Моргана. Морган застонал. Давление и такое внимание чуть не заставили его кончить прямо под Дэнни.

– Ты не возбужден всем этим? Тогда что это? Морган мыслями обратился к матчам их баскетбольной команды, перенесшись в мужскую раздевалку *Топсфилда* через призму своих воспоминаний. Он часто засматривался, незаметно благодаря защите костюма талисмана. Но бывали случаи, когда он ловил себя на том, что смотрит на Дэнни и других

парней после тренировки или игры, когда они снимали потную форму, включая и костюм талисмана, и члены, нависающие над яйцами, представляли во всех ракурсах.

Дэнни прижался к нему. Морган с трудом сглотнул, моргнул и вернулся в свою комнату в общежитии, посмотрел на Дэнни.

- Ты разводишь меня что ли? — спросил Морган.

- Вроде нет. Всё в порядке, чувак. Я же видел, как ты на меня смотришь в раздевалке. Всё хорошо, потому что я тебя хочу. Чёрт, я всё время об этом думаю, — Дэнни снова с озорством улыбался, сексуально и соблазнительно. Морган обнял его, притянул к себе, и их губы снова соприкоснулись, на этот раз без колебаний.

- О, чёрт, да, — простонал Дэнни между поцелуями, сорвал с Моргана рубашку, а затем принялся за шорты. После нескольких неловких движений Морган остался только в чёрных боксёрских трусах и белых носках.

- Ты уверен? — Морган все еще не мог поверить.

Дэнни сполз с кровати, сбросил искусственные тигриные лапы. Явная выпуклость в промежности костюма талисмана говорила сама за себя.

- Ага, — ответил он, расстегивая липучку и молнию костюма. Бережно вытащил свой член и яйца из тигриного костюма. Толстый, изогнутый вверх член баскетболиста уже сочился естественной смазкой.

- Блять, Дэнни, — хмыкнул Морган. Он

опустился на колени перед ожидающим членом, больше не сомневаясь, что делать. – Я так давно этого хотел. Просто никогда не думал, что тебе это так же нравится.

Дэнни вздохнул.

– Да, и теперь твой шанс. Отсоси мой волосатый член, приятель.

Морган потянулся, погладил член Дэнни. Тот одобрительно застонал, прежде чем схватить его за затылок и направить к заветной цели. Морган никогда раньше не сосал, но достаточно часто видел это на своем ноутбуке, и он мечтал отсосать Дэнни с тех пор, как стал частью знаменитой баскетбольной команды колледжа, поэтому знал достаточно, чтобы широко открыть рот и вобрать эту мясистую толщину. Вкус оказался лучше, чем представлялось, смесь солоноватой кожи, с безошибочным мускусным запахом чистого мужского пота. Морган втянул головку члена Дэнни, подержал на языке, а затем продвинул глубже в рот.

– Черт возьми, да, чувак, – рычал Дэнни сквозь стиснутые зубы, свободной рукой он нежно погладил Моргана по щеке. – Отсоси мой толстый член, чувак. Соси!

Реальность члена Дэнни во рту одновременно возбуждала и нервировала, – первое больше, чем второе. В течение нескольких напряженных секунд его преследовала мысль, что его каким-то образом разводят. В любой момент он ждал, что дверь распахнется, и толпа гогочущих баскетболистов из команды ворвется внутрь, все будут вопить и орать

при виде талисмана с членом во рту. Но ничего такого не произошло, и Морган полностью занялся членом Дэнни, все быстрее и глубже, пока настоящий поток смазки не защекотал язык. Это убедило его, что он больше никогда не сможет жить без члена. Он упивался членом во рту, опьяненный вкусом. В какой-то момент Дэнни вышел из ритма.

- Чувак, оближи мои яйца.

Морган выпустил член, вытянув язык, проведя им по свисающим яйцам Дэнни. Капельки пота на них, были не менее пьянящими. Морган облизал и нежно куснул этот мешочек со влажными запахами, прежде чем по очереди пососать каждый орешек губами. Но лишь на мгновение ощутил этот запах под яйцами, когда Дэнни все еще в костюме тигра поднял его на ноги. Свежий пот и страстный, возбужденный взгляд составляли лицо Дэнни. Ничего не говоря, он засунул руку в боксерские трусы Моргана. Такое прикосновение совершенно ошеломило его. Морган ухватился за плечи Дэнни, когда у него подкосились ноги.

Дэнни не выпускал его член, прежде чем полностью стянул трусы, оставив Моргана только в носках. И взял член теплым, влажным ртом, полностью охватив его.

Застонав, Морган сел на край матраса, чтобы не потерять сознание. Дэнни последовал за ним, и вместе они сплелись в страстными 69 на маленькой кровати в общежитии, свесив ноги с края и удерживая друг друга руками.

Дэнни долго сосал член Моргана и перешел к яйцам. Оттуда он двинулся еще ниже, проникая в чувствительную теплоту внутри него.

Морган выпустил член Дэнни и уставился вниз. Язык Дэнни проникал глубже, в его анус.

- Эй, что ты делаешь, чувак?

- Спокойно, — последовал ответ с горячим придыханием.

- Тебе понравится.

Ещё один влажный проход языком по волосатому узелку его самой интимной плоти сбросил Моргана с кровати. И лишь тело Дэнни не позволило ему взлететь к потолку. Но каким бы странным и неожиданным ни казался этот контакт, как и обещал Дэнни, вскоре Морган захотел большего. Ощущение щетины Дэнни у ануса заставило Моргана извиваться и стонать.

Почувствовав эту готовность, Дэнни сполз с кровати и переместился прямо между ног Моргана, чтобы легче добраться до всего самого чувствительного. Там он лизал и увлажнял анус Моргана, пока тот не покрылся слюной.

- Тебе это нравится? — дразнил его Дэнни сексуальным голосом. Морган лишь стонал в ответ. - У меня есть кое-что, что тебе понравится ещё больше..

Волна паники прокатилась по спине Моргана.

- Что там, палец?

- Неа, — ответил Дэнни. Он выпрямился, и его член, торчащий из паха тигриного

костюма, подпрыгнул, пульсируя вверх. Он несколько раз подрочил его, прежде чем забраться сверху на Моргана, который застыл на месте, на кровати напротив.

- Чувак, я не знаю...

- Всё в порядке, — заверил Дэнни. В его дыхание был горьковато-сладкий запах.. орального секса и чего-то еще.

- Доверься мне. У тебя есть презики? У каждого парня в общежитии было все нормально с этим. Морган тяжело сглотнул и посмотрел Дэнни в глаза.

- Хорошо, — прошептал он, нервно кивнув. Затем потянулся к верхнему ящику стола и вытащил пакетик.

Дэнни раскатал презерватив на члене. Улыбаясь, пристроил член у смазанного слюной узла мышц Моргана.

Внутри полыхнуло болью и теплом. Морган сопротивлялся. Взгляд Дэнни встретился с его. Морган расслабился.

- Вот так, — успокаивал Дэнни. - Раскройся. Да, вот так, чтобы тигр мог трахнуть твою сладкую задницу.

Морган сосредоточился на голосе и перестал сопротивляться вторжению. Он расслабил мышцы. Дэнни вошел до конца, пока его крупные, свисавшие яйца не шлепнули по ягодицам Моргана. Запоздалая волна боли накрыла вдруг полностью. Дэнни отстранился, частично вытащив член, прежде чем войти снова. К удивлению, болезненное ощущение члена, проникающего в анус, также внезапно ослабело, в конце концов исчезнув совсем,

сменилось приятными ощущениями. Теперь каждый толчок приближал член Моргана к тому, чтобы извергнуть сперму, например, на грудь Дэнни.

– Чувак, я так этого хотел, – прорычал Дэнни. Он наклонился и сильно поцеловал Моргана, дыхание его стало прерывистым. Морган понял по чувству утолщившегося члена в заднице и напряженному выражению лица Дэнни, что он близок, чтобы кончить. Он ответил на поцелуй, и их губы так и не прерывали контакт, пока Дэнни не нарушил целостность поцелуя.

– Я, блять, кончаю!

За секунду до того, как Дэнни кончил, Морган опередил его. Горячие струи хлынули между ними, еще больше связывая их вместе. Когда все закончилось, они рухнули на кровать вместе, безмолвие и тишина заполнили комнату.

Дэнни взглянул в глаза Моргана, затем поверх, на часы на столе.

– Черт возьми! – воскликнул он, спрыгивая с кровати. – Я опаздываю на тренировку! Он поспешно скинул костюм талисмана и натянул штаны. – Ты будешь сегодня вечером?

– Да, – вздохнул Морган. Он чувствовал себя голым и немного странно, но довольным. Так, как никогда не мог себе представить.

– Не подведи нас, – пригрозил Дэнни. – Мы не команда без нашего талисмана. Он провел рукой по вспотевшей, коротко стриженной светлой голове Моргана, прежде чем наклониться и поцеловать его. Вкус

отличного минета, кислый и притягательный, вспыхнул на языке Моргана. Поцелуй закончился слишком быстро, — Дэнни прервал его, чтобы накинуть рубашку и прыгнуть в кроссовки, помчавшись к двери.

— Скоро увидимся, чувак.

— Да! — подтвердил Морган. — Увидимся.

Мартовское полуночное безумие.

Динамики извергали барабаны рок-н-ролла.

Когда Топсфилд вел в счете на десять очков в перерыве, а толпа баскетбольных фанатов бесновалась, Морган вышел на площадку. Он прошелся вокруг чирлидерш, еще больше раззадоривая фанатов. Все камеры, включая национальные кабельные спортивные каналы, сфокусировались на нем. Он, прочувствовав эту энергетику, гордо направился к скамейке запасных, где его команда, вместе с тренером, готовилась к следующим двадцати минутам решающей игры. На мгновение, увидев, что все игроки собрались вместе без него, Морган почувствовал укол разочарования, словно его намеренно оставили в стороне.

Но когда он, вытанцовывая по корту, проходил мимо моря вспотевших тел, Дэнни повернулся, одарил его обжигающей улыбкой и уважительно шлёпнул по заднице.

В этот момент Морган понял, как сильно ему нравится этот дурацкий костюм тигра и как он счастлив быть их талисманом.

Преимущества

Роджер Уиллоуби

Ради всего святого, курс *Введение в мировые культуры через музыку* – это, пожалуй, самый скучный факультативный предмет в этом забытом богом университете. Я имею в виду, какой студент в возрасте от восемнадцати до двадцати с небольшим лет интересуется музыкой, помимо Леди Гаги, Кэти Перри и, возможно, обоих очаровашек Джастинов? Никто, без вариантов.

Идет второй семестр моего второго года обучения в колледже Мерси*, и я, наверное, самый несчастный на этом курсе. На проигрывателе – очевидно, самом современном оборудовании, которое только изыскали в этом колледже, – заезженная пластинка, издающая визгливые вокальные партии и неровные ритмы народной песни из какой-то страны четвертого мира, которая вообще никому не интересна.

*

Mercy University с 2023г. - частный исследовательский университет в Доббс-Ферри, штат Нью-Йорк, с дополнительными кампусами на Манхэттене и в Бронксе. Основан в 1950г.

Это определенно не то, что я стал бы слушать, раскатываясь по кампусу на отцовском *Mercury Cougar** 2002 года. Как будто мне нужна еще какая-то причина, чтобы стать непопулярным здесь. В отчаянных попытках игнорировать музыку, я начал рассеянно посматривать по сторонам. Помимо моего любимого красавчика в аудитории, напротив – очень интересный парень в синей бейсболке, надетой задом наперёд, и обтягивающей красной футболке, подчёркивающей спортивный торс. Я рассматривал его лишь секунду, беззаботно представляя себе всевозможные вещи, которые хотел бы с ним проделать, когда взгляд его внезапно перемещается на меня, он замечает мое внимание. В попытке выглядеть непринуждённо, я быстро отвел глаза влево, но успел увидеть, как открывается дверь, и входит красивый чернокожий парень с очаровательной улыбкой. Похож на молодого Брендона Аянбадеджо**, и направляется в заднюю часть аудитории, а, когда садится, полностью загораживает мне вид на мистера Синяя бейсболка-Красная футболка. Когда он наклоняется вперёд, чтобы убрать рюкзак под стол, я в последний раз вижу того мускулистого красавца впереди него. Следующие тридцать минут уходят на воображаемый секс между тем жеребцом и Брендонем, и к концу занятия у меня уже

* выпускались подразделением *Mercury* компании *Ford*. Последний автомобиль этой марки сошел с конвейера в августе 2002г.

** *Brendon Ayanbadejo* - популярный в США игрок регби.

отменно стоит.

Без десяти минут четыре. Можно выдохнуть. Сегодня пятница, и последняя лекция, поэтому всё, о чём можно думать, — начало выходных. Но, не желая показаться слишком нетерпеливым, приходится ждать, пока почти все студенты разойдутся, прежде чем направиться к двери. Я почти уже дошёл, когда вдруг услышал своё имя.

– Уильям..?

Разворачиваюсь обратно к передней части аудитории.

– Да, мистер Кларксон?

– Могу я поговорить с вами секунду?

– Конечно.

– Присаживайтесь, пожалуйста, — говорит он, указывая на первый ряд. Такого раньше не случалось. Озадаченный, я тупо смотрю целую секунду, прежде чем сделать то, что мне предложено.

– Какие-то проблемы?

– Думаю, да, — следует ответ. — Отсутствие интереса к сегодняшнему уроку с вашей стороны было очевидным, — в развитии диалога, я отмечаю, как он медленно и несколько жутковато приближается ко мне. — Вам кажется скучной музыка древних пуштунов?

– Ну, вообще-то...

– Честно говоря, я не уверен, что вы хотите здесь находиться. Часть меня думает, что этот курс явно навязчив для вас.

Ты прав, брат. Он теперь как-то неудобно близко.

- Я в порядке, — отвечаю ему. - У меня просто сегодня рассеянность в преддверии выходных. В понедельник буду внимательнее. Его промежность теперь на уровне моего лица, нас разделяет всего около фута, и на нем джинсы, которые почти неуместны ввиду того, что они такие обтягивающие. И с этого ракурса, так сказать, мне очевидно, что он не еврей. Также очевидно, что у него в трусах гнездится абсурдно огромная змейка. Глядя на промежность, я думаю, вот интересно, понимает ли он, как часто участвовал в моих фантазиях, — с этой огромной *штукой*, которой постоянно дразнит весь кампус. Знает ли он, что его симпатичное лицо, — то единственное, что делает этот курс вообще выносимым?

- Введение в мировые культуры через музыку должно быть интересным, — говорит он. - Так что, как вижу, час моего времени для тебя — пустая трата.

Он наклоняется ко мне, и на долю секунды кажется, что последует удар. Но нет.

- И тебе нужно будет как-то это компенсировать..., — лишь тихо произносит он.

Я же не в силах оторвать взгляд от его промежности, потому что она прямо передо мной, а уже и так внушительный бугорок, кажется, продолжает увеличиваться.

- Куда ты смотришь? — спрашивает он.

- Да никуда, — пришлось соврать.

- У тебя довольно подвижный взгляд. Я вижу, как ты смотришь на меня и других студентов

во время лекции, когда тебе следовало бы сосредоточиться на ней.

Понятия не имею, что тут сказать. Когда тебя ловят, то ловят.

- Хочешь посмотреть? — спрашивает он с полным безразличием.

- Да, — думаю я. Больше всего на свете. Не дожидаясь ответа, он расстегивает и джинсы и молнию на них.

Нет нижнего белья. Поэтому огромный член просто вываливается и повисает. Не меньше девяти* дюймов в длину, может быть, даже десять**, и толщиной примерно с пивную бутылку. Он хватает его рукой, начиная медленно двигать ей вперед и назад, кожа ходит по быстро набухающей головке.

Я в шоке, но возбуждаюсь мгновенно.

- Эм... мистер Кларксон..

- Тебе нравится? — спрашивает он, шевеля им передо мной. Я медленно киваю. - Хочешь потрогать?

Я бросаю взгляд на закрытую дверь.

- Она заперта? — спрашиваю.

Глупый вопрос, учитывая, что в двери длинная, узкая, прямоугольная стеклянная вставка, позволяющая легко наблюдать за всем, что может происходить в этой аудитории.

Да, пофиг.

Протягиваю руку и нервно обхватываю пальцами массивный ствол, начиная медленно массировать его с естественной смазкой,

* 22.5см

** 25см

разгоняя ее по розовой головке набухшего члена.

Хотя мне нравится ощущение этого члена в руке, больше всего на свете я хочу попробовать его на вкус, поэтому тяну за него. Осторожно подтягивая ближе, поднимаю взгляд и встречаюсь с ним взглядом.

– Можно? – робко спрашиваю я.

– Можно.

Мой язык уже снаружи и добирается до его кончика, сначала обводя головку, а затем полностью вместе с ней уходит в рот. У меня вырывается стон удовольствия. Я оообожаю толстые члены, и этот, без сомнения, самый красивый из всех, что я когда-либо пробовал. Рукой направляю его глубже в рот и вниз, в горло.

– Тебе нравится этот член, Уильям? – спрашивает он, как бы отвечая на очередной стон.

– Да, сэр, – выдавливаю я, с членом во рту. Мне нравится, как он произносит мое имя. Для остальных я – Билли.

Моя голова движется по члену, губы охватывают его. Он улыбается, его рука опускается вниз и обхватывает выпуклость уже в моих джинсах. В сопровождении собственного тихого стога, он пальцами проходится по контуру моего возбужденного члена. Эти прикосновения вызывают дрожь. Он наклоняется еще дальше, нечаянно вытаскивая свой зонд моих миндалин, и обеими руками расстегивает мои джинсы, сбрасывая их вниз. Прежде чем возможно что-то понять, я уже на

ногах и совершенно голый, – одежда валяется на дешевом ламинате пола. Он же полностью одет, только огромный член свешивается из ширинки.

Ловким движением он разворачивает меня, нагибает и распластывает на столе. Когда его рука скользнула между моими ягодицами, я инстинктивно раздвинул ноги.

– Мне нравится твой энтузиазм, – говорит он с притворной надменностью. Какой-то звук, похожий на то, как резко выходит палец изо рта, и почти сразу этот влажный палец входит в мою дырочку. Это не нежное ощущение – на самом деле, довольно сильное, – но мне все равно. Вторжение же восхитительно, и мои возбужденные внутренности уверенно обжимают его палец.

– Это так приятно, – только и говорю я.

– Какая у тебя симпатичная дырочка, – отвечает он. – Думаешь, ты сможешь принять меня?

Блять, да. Я готов:

– Эм... у тебя есть смазка?

В качестве ответа, снова довольно резко палец выходит из меня и через секунду его сменяют теплые прикосновения языка.

Наслаждаясь ощущениями, я еще подаюсь вперед, ближе к его лицу. Пока он облизывает мою задницу, он и обильно смазывает её слюной, и эта влага приятно ощущается на моём умягченном кольце.

Должно быть, я достаточно смазан, потому что следующее, что чувствую, – это тот невероятно большой член, у моего заднего

входа. Пара глубоких вдохов, и – расслабление, раскрываюсь настолько, насколько могу. Чувствую, как его крайняя плоть отходит назад, когда моя задница быстро вбирает головку и первые несколько дюймов.

Пронзает простреливающая боль. Слишком много, слишком быстро. И больно. Но в хорошем смысле.

– Медленнее, – говорю я. Он так и делает, осторожно продвигая остальное, кажется, проникая буквально по миллиметру. Проходит целая минута, прежде чем подстриженный газончик его лобка щекошет мне ягодицы, но когда я это чувствую, я понимаю, что он проник до самых яиц. Ждем ещё минуту, пока мой сфинктер внезапно не открывается ещё на уровень.

Достаточно растянув дырку, я с силой прижимаю ягодицы к его промежности, показывая, что готов к грубости. Намек понят и он начинает в меня. Мой собственный член пульсирует, отзываясь на нарастающую интенсивность. Не могу поверить, как глубоко он проникает.

С моих губ срывается стон. Часть меня не хочет, чтобы он знал, как сильно мне нравится, в то время как другая часть меня – та, которой я никогда не делюсь, – хочет этого каждый день до конца жизни. Как будто этот конкретный секс может стать началом удивительного союза двух тел – и, возможно, двух душ и двух умов. В глубине души ясно, что мне бы это понравилось.

- О, Боже... , — слышу я его слова, прежде чем что-то, похожее на гигантский таран, до слез пронзает меня.

Когда он быстро вытаскивает член из задницы, другой рукой хватает меня за плечо. Резко разворачивает и толкает на стул тут же рядом, а сам наяривает свой член.

- Открывай рот, — приказывает он, тяжело дыша. Я снова выполняю все точно и с изумлением вижу, как он виртуозно направляет свой анальный зонд мне в рот, одно движение, и — в точку! — с расстояния нескольких дюймов он испускает впечатляющую струю молочно-белой спермы, искусно попадающую прямо на центр моего языка. Вкус её доводит меня до предела, вызывая невольный вопль:

- Блять!

Я тоже извергаюсь раскаленной белой расплавленной лавой. Куда летит первая — неизвестно, но к тому времени, как появляется вторая, его губы уже у меня на члене, жаждущие остатков прямо в рот. Такого еще не было.

- Раз! — он сглатывает.

Когда яйца достаточно опустошены, моя рука медленно останавливается. У меня начинает опадать, но он не выпускает меня сразу.

- Это было действительно отлично, — говорю я, когда член наконец высвобождается. — Я не ожидал такого сюжета, но было весело. Хотя все-таки действительно думаю, что пуштуны скучны, — когда он не отвечает, то

изображаю дурацкую улыбку. – Тебе тоже понравилось?

Пауза. Вздох.

– Вообще-то, – говорит он, внезапно понизив голос, – мне это уже надоело. Еще одна пауза. – Нам нужно перейти на следующий уровень или..

– Следующий уровень? – я удивлен и это мягко сказано. – Ты имеешь в виду, например, кровать? Я же не могу прийти к тебе в общагу, Джеффри. Ты же знаешь, это будет выглядеть не совсем верно.

– Ты мог бы снять собственное жилье, – говорит он.

Теперь я вздыхаю.

– Джеффри Кларксон, давай больше не будем об этом говорить.

– Нет, давай поговорим, – он настаивает. – Уильям, тебе двадцать шесть лет. Ты, черт возьми, преподаватель в колледже – тебе не следует жить с родителями.

Вот оно.

– Ты хоть представляешь, как мало денег зарабатывает преподаватель?

Еще одна пауза.

– Всё, что я знаю, – наконец говорит он, с трудом подбирая слова, запихивая член обратно в штаны и застёгивая молнию, – это то, что ничего не получается. Мне нужен парень, а не интрижка с университетским преподам, который даже не может...

Он останавливается, несомненно, чтобы не задеть мои чувства. *Даже не может что?*

Удивительно!

Серьёзно? Позволить себе машину? Пригласить на настоящее свидание молодого человека, которого тайно любит? Я так рад, что он не закончил эту фразу. Как будто нужно ещё что-то, чтобы почувствовать себя неудачником.

- Прости, Джеффри, я знаю, чего ты хочешь, и я благодарен за твоё терпение.

- Прошёл год, — говорит он. — Это всё, что можно сказать.

- Так и что это значит? — спрашиваю я. — Мы расстаёмся? Больше не будем видеться? — я быстро молюсь, прося Бога или кого-то еще, чтобы он не сказал «да». Хотя тут же понимаю, что мне следовало быть более конкретным.

Он разворачивается к двери, идет, не поднимая глаз от пола. Уже в дверях останавливается.

- Слишком поздно бросать этот курс, — говорит он с обреченностью, не поворачиваясь ко мне. — Так что, думаю, мы увидимся в понедельник..

Трепет первого дня

Лэндон Диксон

Это был первый день в колледже, и я ужасно нервничал. Я всегда волнуюсь, когда наступает сентябрь, но этот сентябрь был особенным, что ещё больше добавляло нервозности. Все-таки первый день моей новой студенческой жизни. Я закончил среднюю школу (к удивлению мамы), лето провел на пляже, и вот он — мой первый день в колледже.

Я перевернулся на бок в постели и посмотрел на часы. Пять тридцать утра, едва ли удалось поспать больше семи часов, да и эротических снов было всего парочка. Вот насколько я был обеспокоен.

Мне очень нравилась средняя школа, когда освоился, завел друзей. Но теперь нужно начинать заново, абсолютно самостоятельно. Непривычное, незнакомое учебное заведение, где от тебя действительно ожидают регулярного посещения занятий и усердной учёбы, исходя из твоей собственной инициативы. Никаких оправданий не принимается.

Ух! Я перевернулся на спину и уставился в

еще темный потолок. Больше не стоит рассчитывать на крепкие, сильные руки и еще кое-что мистера Пикера, учителя физкультуры; не расслабиться под неспешным риммингом и страстными, головокружительными ласками Дарнелла, школьного сторожа; и оставить веселую круговую дробку с одноклассниками. Это новое академическое путешествие было моим и только моим, тёплый, приветливый, всегда страстный персонал и ученики средней школы Оук-Гроув* остались в их мире, мои одноклассники работают (ужас!) или учатся в других, более престижных университетах за пределами нашего города.

У меня сжалось в горле, во рту пересохло, язык распух, стал деревянным, начало подташнивать. Первый день в школе, — в колледже! — и я на грани нервного срыва. Теперь точно понятно, что чувствовал Колумб, устремившийся к краю известного мира, астронавты Аполлона, стартующие в темные глубины космоса к далекой Луне. Дверь распахнулась, отчим вошел в мою спальню.

Лоуренс женился на маме летом. Он был высоким, с проседью, стройным и загорелым красавцем с дружелюбным взглядом, улыбчивый и с приятным характером. И, без ведома моей доверчивой матери, ярый бисексуалом. Я закрыл глаза, притворившись спящим, когда он подошел к моей кровати.

* Oak Grove High School - средняя школа в г.Сан-Хосе, Калифорния. Основана в 1967г.

Положил мягкую, теплую ладонь на бугорок под простыню между моих ног и нежно поцеловал мои пухлые губы.

– Просыпайся, соня, – прошептал он, погладив мой встающий член, и дохнув мне в покрасневшее лицо. – У тебя впереди большой день, студент.

Я взмахнул длинными от природы ресницами и посмотрел на Лоуренса.

– Уже пора? – пробормотал я. Поднял руки, потянулся, изогнув светлую голову на подушке, отчего все мое средоточие страсти оказалось под ласкающей рукой Лоуренса. Член и тело приятно потеплели под этими заботливыми и ласковыми прикосновениями, отзываясь легким покалыванием моих губ под его.

Он улыбнулся, его зубы, волосы и глаза сияли в темноте. Он поднял мой возбужденный член, взявшись своими длинными, нежными пальцами за скрытый под простыней орган, затем начал двигать рукой, одновременно оставляя еще один чувственный поцелуй на моих губах.

– Я бы отвёз тебя в колледж и хорошенько подготовил, – прошептал он, потянув за член и обводя языком мои губы, – но мне нужно рано утром быть на работе. Привезут первые осенние цветы, нужно все расставить. Он ещё раз нежно потянул за мой возбужденный член, поцеловал меня в лоб, затем повернулся и вышел из комнаты.

Я смотрел ему вслед, как его упругие ягодицы играют в обтягивающих штанах,

облизывая губы. Чёрт, у него и огромный член, идеально подходящий к такой горячей заднице! Почти такой же большой, как мой. – Эх, – вырвалось у меня, когда он закрыл дверь, и возбуждение утихло.

Пришло время по-настоящему готовиться к колледжу. Первый день все-таки.

Я выпрыгнул из кровати и тихонько прошёл в ванную рядом, мой полувставший член раскачивался между стройными, длинными ногами. Я повернул краны душа, включил горячий, мощный поток. День настал наконец-то. Я высчитывал дни, пытаюсь продлить солнечное лето как можно дольше. Но время подошло, пляжный песок стал горкой на дне песочных часов. Первый день в колледже наступил. Чувствую, меня снова начинает подташнивать.

Я быстро залез в душ под пульсирующие струи тепла. Чего я так боюсь? Это же возможность завести новых друзей, познакомиться с новыми преподавателями, узнать и испытать что-то новое, расширить знания, вообще горизонты.

Я провел куском мыла по груди, глядя на кафельную стену, и мое притворное возбуждение смыло в канализацию, а страх перед неизвестностью быстро поглотил мои, самому себе, ободряющие слова.

Мне так-то нравились мои старые друзья, преподаватели. Я не хотел расширять горизонты и себя. Мне нравилось сложившееся. Почему это не может длиться вечно? Потребовалось три долгих года, чтобы

просто привыкнуть к старшей школе, освоиться. Наконец, на четвёртом году всё встало на свои места, я вырвался из своей скорлупы в объятия школьного сообщества, став частью гей-жизни кампуса. Хорошие друзья, хорошие учителя, более-менее нормальные оценки и отличный секс... Я разгорячился и расслабился в горячем паре, предаваясь воспоминаниям. Тубус жидкого мыла скользнул по спине, прошелся между моими развратными ягодицами. Другой рукой я схватил повисший член и начал его поглаживать. Стресс, напряжение предстоящего начали улетучиваться, когда я выдавил немного на грудь и потянул за член, потирая между ягодицами. На противоположной стене висели две щетки для спины — мужская и женская. Я снял одну, смазал мылом длинную круглую пластиковую ручку. Затем бросил вниз тубус и слегка наклонился вперед. Обхватил щетку рукой и воткнул закругленную ручку щетки себе в задницу. И сглотнул, когда почувствовал проникновение. Вздогнув, когда в мой анус проникло что-то вроде шестидюймового* дилдо. Выпрямившись, я начал двигать щетку в левой руку, наполняя себя ощущениями. Затем снял другую щетку со стены правой рукой и потер свой стоящий член большой, мягкой, губчатой мочалкой щетки, поглаживая его, предаваясь ощущениям. Я улыбался и стонал в горячем тумане, под потоками такой же горячей воды,

* 15см

растирая стояк одной щеткой и подрачивая сжимающийся анус другой. Растирая по члену, под ним, вокруг выпуклого кончика и вниз к мошонке. Трахая свою задницу все быстрее и быстрее... Подставляя пылающее лицо льющейся воде, жадно глотая, моё тело горело и дрожало. Я собирался...

– Эндрю! Завтрак готов! Поторопись! Ты же не хочешь опоздать на свой первый день в колледже, молодой человек!

Это мама. Стучит в дверь ванной.

Я обмяк, ручка щётки медленно выползала из меня наружу, твёрдость также удалялась из члена.

Кого я обманывал? Нужно идти, встречать свой первый день в колледже лицом к лицу. Автобус набился битком. Студенты, такие как я, а также подобные им через четыре-семь лет по пути на работу и обратно. Все это очень удручающе и угнетает еще больше.

Беззаботные, самоуверенные дни старшей школы закончились, наступили напряженные, полные соперничества университетские.

Какой-то парень лет тридцати с небольшим, в костюме в тонкую полоску, с кожаным портфелем в руках, втиснулся позади меня в эту банку сардин на колесах. Его черные лакированные туфли сияли, почти освещая мои кроссовки. Тряска в автобусе еще сильнее прижала его ко мне сзади. Так что я ясно чувствовал, как его пульсирующий член просится внутрь.

Он так ехал буквально на моей заднице, вжимаясь в ритме покачивающегося,

грохочущего автобуса, член его становился все тверже и больше, проникая между моими ягодицами с силой, превышающей мощь поршня в двигателе внутреннего сгорания. На мне были тонкие, обтягивающие брюки цвета хаки и зеленая рубашка-поло. Рюкзак, набитый учебниками, тетрадями, письменными принадлежностями, ноутбуком и контейнером с бутербродами, я держал в правой руке, а другой рукой я вцепился в поручень. Я чувствовал каждый дюйм этого пульсирующего члена, скользящего вверх и вниз в моем ущелье, что внезапно сделало поездку в автобусе, где можно было лишь стоять, вполне терпимой, если не сказать захватывающей. Я забыл, куда ехал, просто наслаждаясь путешествием.

По обе стороны от меня, весь проход заполняли люди, по двое на сиденье. Люди с пустыми, скучающими лицами, погруженные в книги и журналы, склонившиеся над телефонами, — не обращавшие внимания ни на меня, ни на парня сзади, тершегося о мою, исходящую мурашками задницу. Я небрежно повернул голову и украдкой взглянул на него. Темные, волнистые волосы, глубоко посаженные голубые глаза; точеное, бледное лицо с ямочкой на подбородке; прямой нос; красные, чувственные губы. И золотое обручальное кольцо на безымянном пальце, как я теперь заметил, когда снова повернул голову и посмотрел на его левую руку, сжимающую поручень рядом с моей.

Я улыбнулся, подавшись назад, встречая и

отвечая на его ритмичные движения. Его член еще больше увеличился, еще быстрее задвигался между моими ягодицами. Мой собственный набух в штанах, быстро сформировав опасно переполненную выпуклость прямо рядом с правой щекой пожилой женщины, сидящей рядом, у сидения которой я стоял. В одной руке у неё была сложенная газета, в другой – бумажный стаканчик с кофе, губы густо покрашены, лицо сильно напудрено. Блестящие тёмные волосы собраны заколкой в черепаховой оправе, тёмно-синий брючный костюм облекает пышные формы. Мой член, огромный и вибрирующий, подрагивал прямо рядом с её бесстрастным лицом, подаваясь вперёд из-за трахавшего меня через одежду парня, когда я растирал его стояк своими подрагивающими ягодицами. Автобус дёрнулся и подпрыгнул на выбоине. Мой член ударился о щеку женщины. Я замер, а другой, бешено стоящий член, всё ещё обхаживал мою вибрирующую задницу. Женщина повернула голову, взглянула на непристойно раздутый бугор моего члена в брюках в паре дюймов от её лица. Снова посмотрела на газету, сделала глоток кофе. Затем еще раз посмотрела на мой член. Улыбка расцвела на ее губах, карие глаза просияли. Она посмотрела на меня, на мой рвущийся из брюк член. Я смущенно улыбнулся, затем резко развернулся и оказался лицом к лицу, член к члену, с тем женатым парнем, который терся о мою задницу.

Его глаза и лицо не выражали ничего. Должно быть, он был юристом.

Но член-то говорил сам за себя, прижимаясь к моему стоящему, почти вплотную. Автобус еще сильнее прижал нас друг к другу, наши губы соприкоснулись. Он вжался в мой член, прижимая свой горячий и пульсирующий, набухший к моему, также пульсирующему и разгоряченному.

И вдобавок ко всему, женские пальцы скользнули по внутренней стороне моего бедра сзади, обхватив и сжав мои кипящие яйца.

– Университетский проспект, – протрещал компьютерный голос информатора в автобусе, заглушив мой вздох восторга и разрушив чувственные объятия нашей зажигательной тройки.

Я выбрался из автобуса, направляясь на кампус в центре города. Облизнул дрожащие губы, проглотил завтрак, рассматривая внушительные здания, облицованные песчаником, – лучшего из доступного на государственные субсидии материала. Здание факультета искусств составляло одну сторону зеленого внутреннего двора, обозначавшего географический центр компактного кампуса. На негнущихся ногах, по траве я прошагал к зданию, окруженный другими студентами, роившимися, подобно пчелам, болтавшими или отправлявшими сообщения друзьям по пути на занятия. Люди с целью, в атмосфере общей уверенности в себе. Я же снова размяк как внутри, так и снаружи, тревога нарастала,

отзываясь на звук моих шагов по каменным ступеням массивного здания факультета искусств.

Вот и всё, — мой самый первый урок первого года обучения (если предполагать, что будут и другие). Я не читал рекомендованную литературу. И был совершенно не готов. Вот уж невезение! Профессор Кингсфилд будет стоять за кафедрой, готовый извлечь мой мозг, полный каши, и швырнуть его о стену аудитории в качестве предупреждения другим трепещущим студентам.

Я был так дезориентирован, что прошел два лишних лестничных пролёта и вместо четвёртого этажа и оказался на пятом. На других этажах кипела жизнь, студенты хаотично перемещались, но этот этаж был пуст, в коридор выходили двери кабинетов, а не аудиторий. Я ввалился в небольшой туалет в его конце, сбросил рюкзак, ухватившись за общую раковину, задыхаясь и весь в поту, и меня дико мутило. Казалось, что мой первый вклад в колледж будет не знаниями, а скорее хлопьями с вареными яйцами.

Но все-таки сил хватило, чтобы поднять взгляд и посмотреть в зеркало над раковинами, и тут же заметить в отражении активность в третьей кабинке, которая моментально привлекла мое внимание. Желудок успокоился, а вот ниже зашевелилось. Что за чертовщина?! — мысленно спросил я себя. Похоже, в третьей кабинке кто-то сидел, штаны спущены до лодыжек, одна нога в лоферах подпирает открытую зеленую

металлическую дверь, а черная рука ходит вверх и вниз по огромному, стоящему, темному члену. Я сглотнул. Затем небрежно, перебирая руками, как по водосточному желобу стал смещаться в ту сторону. Пока почти не оказался на одной линии с кабинкой и не смог ясно, в отражении, увидеть, что происходит внутри. Да, это был парень дрожащий свой член. Он улыбнулся моему лицу, маячившему в зеркале.

— Какую аудиторию ты искал? — спросил он. Голос был глубоким и насыщенным, что поразило и взволновало меня. Его рука на внушительном члене двигалась с размеренной, потрясающей скоростью вверх и вниз, все это от чего-то блестело, должно быть, в смазке (или мои глаза так увлажнились).

— Э-э, там вводный курс социологии, — прохрипел я, а костяшки моих пальцев побелели, вцепившись в серую раковину, а лицо покраснело в поблескивающем зеркале. Он взмахнул левой рукой и посмотрел на свои золотые часы.

— У тебя еще пятнадцать минут. Лекция начинается только в девять. Аудитория 402. Присаживайся. Похоже, тебе нужно немного отдохнуть.

Он понял, что я новичок, совсем новый. Он явно был сообразительным, а также хорошо сложенным. Красивый и приветливый. У него было худощавое, гладкое лицо, удлиненный нос, большие карие глаза, очень белые зубы под полными губами. Темные волосы коротко подстрижены и несколько сероватые, что

могло соответствовать возрасту. На нём - белая рубашка и розовый галстук, спущенные брюки чёрного шелковистого цвета.

Я повернулся и зашел к нему в кабинку, не отрывая взгляд от его красивого, длинного члена, который он гибкой и тонкой рукой полировал.

- Я.. я думаю, у меня есть время.

- Конечно. Первый день всегда самый сложный. Но уверен, тебе здесь понравится, как только ты войдешь в ритм.

Он был таким отзывчивым, таким сексуальным (даже если, или, может быть, именно потому, что в силу возраста годился мне в отчимы). Я же отлично разместился внутри маленькой кабинки с ним, и его огромным, возвышающимся, наглаженным рукой членом. Он тепло улыбнулся мне, плавно и легко, ловкими движениями проходясь рукой по блестящему, выпуклому, сине-черному кончику этого члена. Я, робко улыбаясь, смотрел на него сверху вниз, ноги мои подрагивали. А между них появилось приятное, знакомое, ощущение восторженного роста.

- Давай начнем как следует, — пророкотал он, убирая руку с члена, обхватывая меня за бедра и разворачивая. Расстегнул на мне штаны, спустил их вместе с белыми трусами по моим выпуклым ягодицам, прямо к ногам. Мои полушария охватил трепет, короткие волоски встали дыбом, член похотливо распрямился передо мной. Затем я вздрогнул, когда он просунул пару длинных, скользких пальцев между, вдоль истомившейся щели,

смазывая меня, продолжал растирать в нужном направлении. Мне хотелось мурлыкать, член затвердел, как сталь, тело плавилось.

Я уже собирался упасть, когда он цепко взял меня за талию обеими руками, направляя вниз — на свой член. Этот темный, мясистый член взрезал мои мягкие, белые ягодицы, упершись в нежное розовое отверстие, точно в цель.

Он был явно очень искусен, а также умен, хорошо владел руками и другими органами. Я шлёпнул мокрыми ладонями по боковым стенкам кабинки, когда он осторожно опустил меня ниже, головка его члена вонзилась в моё анальное кольцо и прорвалась внутрь.

Воздух вырвался из лёгких, кровь прилила к члену, — его член медленно входил в мой анус, дюйм за дюймом, набухая, заполняя и растягивая меня внутри.

Мои ягодицы коснулись его бёдер, и я застонал от удовольствия, голова кружилась, а тело дрожало. Я сидел у него на коленях, а огромный стояк наполнял мою задницу.

Собственный мой член взмыл почти вертикально, стоя так высоко и сильно, как только мог.

Он поднял меня, сразу опустил обратно, насадив на член, растягивавший моё отверстие. Руки мои скребли металлические стены кабинки, изо рта прорывались радостные возгласы.

Он двигался во мне всё быстрее и быстрее, вонзаясь в задницу, протраживая анус. Я подпрыгивал у него на коленях, на его ходившем во мне члене, высвободив одну руку

от стены и энергично ухватившись за свой собственный стоящий член, надрачивая его. Казалось, его член вот-вот пройдет ко мне в горло и выйдет изо рта, ягодицы горели от ударов его бедер, как и все тело, все существо, кипящая сперма в моих подпрыгивающих яйцах поднималась все выше и выше. Я дрожил в ритме его члена, неистово ходившего в моей заднице.

Прозвенел звонок. Он застонал, впившись ногтями мне в талию. Его разворотивший меня член взорвался внутри, излившись горячей спермой по моим внутренностям.

– Это сигнал к началу лекции, – выдохнул он. – Нам лучше поторопиться. Не стоит опаздывать в первый день. Кстати, меня зовут профессор Томас. Я читаю вводный курс социологии.

Он вывел меня из туалета, провел по коридору и лестницей. Аудиторию 402 уже заполняли студенты. Я быстро проскочил в первый ряд, мой еще не опавший член угнездился в промежности.

Я почти не слушал лекцию профессора Томаса, слишком занятый тем, что потирал свою сладко-побаливавшую попу о стул, а глаза были прикованы к промежности доброго профессора. Окончательно я очнулся, когда ко мне вдруг подошли трое других первокурсников. Серджио, Трей и Грант. Оказывается, наш преподаватель задал нам групповой проект.

Я пожал руки парням, а затем проследовал за ними из аудитории в студенческие учебные

кабинеты на третьем этаже.

Я всё ещё был немного ошеломлён всем тем, что уже произошло в мой первый день в колледже. И снова с тревогой ожидал того, что будет дальше.

Мы устроились в одном из учебных кабинетов, представляющем собой не что иное, как комнатку с ковролином на полу, диваном, двумя мягкими креслами и небольшим столиком. Очень уединенно. Парни начали обмениваться идеями, а я начал беспокоиться, что снова не справлюсь, но все трое казались довольно сообразительными. Вдруг Серджио улыбнулся Трею, сидевшему рядом с ним на диване, Трей улыбнулся в ответ. И в следующее мгновение эти два первокурсника обнялись, их губы соприкоснулись, сливаясь в поцелуе.

Мы с Грантом уставились на эту возбуждённо целующуюся пару, устроившись на краю стульев, на которых сидели. Серджио толкнул Трея на диван и забрался на него сверху. Он терся членом о Трея, их розовые языки сновали, переплетаясь друг с другом.

Эти оба были симпатичными парнями: Серджио — смуглокожий, темноглазый, с густыми волосами, Трей — загорелый, с глазами цвета янтаря, коротко стриженный. Это было настоящее зрелище. Я сглотнул и посмотрел на Гранта. Он смотрел на меня остекленевшим взглядом, открыв рот.

Что ж, можно лишь заключить, профессор Томас точно знал, что делает, когда собрал нас четверых в этой маленькой уединенной

комнате. Все мысли о том, чтобы соответствовать уровню моих сокурсников, исчезли, когда я понял, что не собираюсь отставать в этом потрясающем внеклассном занятии. Грант наклонился ближе, я же встретился с ним на полпути, наши губы соприкоснулись. Мы оба одновременно проникли языками друг другу в рот, сплетаясь во влажных, скользящих движениях. Этот парень, невысокий и коренастый, с кудрявыми каштановыми волосами и небесно-голубыми глазами, квадратным лицом и очень заметным кадыком, ходившим вверх и вниз на его мощной шее, заметно выделялся и сильными, гладкими и загорелыми руками. Мы встали, обнялись, страстно лаская языки друг друга. Мы глубоко целовались, ощупывали друг друга, искоса поглядывая на происходившее на диване. Затем, словно по команде, мы прервались, сняли рубашки и начали дрожащими руками гладить друг друга. Серджио склонился над высвободившимся членом Трея, страстно насасывая толстый черный ствол, обводя розовым языком блестящую головку. Трей застонал, поднял вверх рубашку, обнажая набухшие темные соски, — он тер их пальцами, вонзая свой большой член в рот Серджио. В синей двери комнаты было небольшое окошко. Но оно было закрыто от нежелательных наблюдателей — сияющим лицом профессора Томаса. Я провел руками по гладкой, загорелой, рельефной груди Гранта, растирая его

напряженные соски большими пальцами. Он сделал то же самое со мной, отчего моя грудь затрепетала в предвкушении, наши члены зверски напряглись в штанах. Грант взял в горсть мои бледные грудные мышцы и обвел влажным языком один из выступающих розовых сосков и другой, напряженно торчавший. Я дернулся, мой член чуть не разорвал молнию на брюках.

Грант встал на колени на синем ковре. Расстегнул мне штаны, сдернув их вниз, выпуская тут же распрямляющийся, подобно трамплину, член. Я тоже выгнулся, когда его мягкие, красные губы скользнули по моему вставшему пенису, вскрикнул и вцепился в его кудрявые волосы, когда шелковистый влажный рот скользнул, двинувший вниз, по моему разбухшему стволу.

Трей и Серджио в позе 69 развлекались на диване, их головы плавно покачивались на блестящих стояках друг друга. Грант обхватил мои подрагивавшие ягодицы и глубоко, сильно, но нежно всасывал мой член, его голова ритмично двигалась в моих сжимающих ее руках. Вздохи и стоны наслаждения, а также звуки, сопровождающие все это, заполнили разгоряченный, пропитанный сексом воздух, повсюду валялась одежда, учебники в том же страстном беспорядке, что и мы сами.

Это было как в старшей школе, только еще более страстно и целенаправленно, более умело и утонченно, — обширные таланты колледжа во всей красе.

Мы разместились на полу, в круг, уткнувшись головами друг другу в пах, наши члены оказались также во рту у каждого. Я сосал шелковисто-гладкий, плотный, длинный, изящный, загорелый член Гранта, наслаждаясь его вкусом, когда он двигался у меня во рту, соленой сочившейся смазкой, раздражающей мои сексуальные ощущения. Серджио также сосал мне усердно и самозабвенно, как Трей у него, а Грант у Трея. Кто бы мог подумать, что групповая работа в колледже может быть такой захватывающей? Я находился в процессе поиска и обретения своего положения в высшей лиге академической эротики. Но мы все жаждали еще больше плотских удовольствий. Теперь выстроившись в ряд, упираясь в друг к друга скользкими членами и влажными задницами. Я одной рукой обхватил Гранта за грудь, а другой вставил головку своего члена в него. Он вздрагивал и стонал, пока я проникал внутрь. Я тоже судорожно вскрикнул и дернулся, когда Серджио одним мощным толчком вонзил свой огромный член прямо мне в задницу. Что лишь протолкнуло мой член в Гранта глубже, дюйм за дюймом моего пульсирующего ствола проникал в анус и внутренности Гранта, пока яйца не коснулись его ягодиц, словно мои же губы на его шее.

Мы двигались одним целым, трахая друг друга, обжигаясь трением о ковролин, в попытках достичь анального экстаза. Мы старались изо всех сил и чертовски

преуспели. Трею пришлось использовать свою руку на последнем мясистом звене в этой мужской цепи, Грант долбил его задницу. Наши бёдра шлёпали по ягодицам, а члены разогревали анусы, наши стоны, вздохи и толчки становились всё быстрее и быстрее, нарастая и нарастая. Мягкий хват Грантом моего бешено пульсирующего члена, разжигал во мне неистовое пламя, а Серджио разогревал мой задний проход своим оглушительным членом.

Я знал, что на этот раз мне не будет отказано в достойном оргазме. Но я не стал первым. Это был Серджио, разрывавший мне задницу почти в клочья со всей сокрушительной интенсивностью, он застонал мне в ухо и покусывая мочку, излил в мой горящий анус раскаленные струи возбуждения. Я же трахал Гранта с не меньшей яростью, отчаянно желая наконец кончить. Кричал, содрогаюсь. Чистая, раскалённая радость взрывалась внутри и выплескивалась через член, погруженный в анус. Я обливал внутренности Гранта потоками благословенного наслаждения.

Грант извергся в Трея, завывая во весь голос, почти сразу соскочив с моего извергающего члена, лишь только Трей начал расплескивать свое удовольствие с другой стороны.

Все мои волнения первого дня растаяли в этом котле экстаза, наши торчащие, подергивающиеся члены и шипящая сперма, которую они изливали, смыли последние

тревоги. Лежа там, на полу учебной комнаты, страстно обнимая эти великолепные студенческие тела, мой член размягчался в чьей-то заднице, а из моей собственной сочилась сперма из-под другого члена, любовно вставленного в меня, и теперь я просто знал, что буду наслаждаться этими студенческими днями. С самого первого дня. Ведь все дело в выборе правильного гуманитарного вуза, понимаете, и в том, чтобы проникнуться настоящей студенческой атмосферой.

О редакторе и авторах

УИНСТОН ГИЗЕКЕ родился и вырос в Нормале, штат Иллинойс. Где начал писать рассказы и пьесы в юном возрасте, чтобы избежать банальностей воспитания на Среднем Западе. В восемнадцать лет переместился в Лос-Анджелес и три года спустя получил диплом в области сценарного мастерства Калифорнийского государственного университета[1] в Нортридже. На старте карьеры писал в качестве телесценариста эпизоды для таких сериалов, как Wildfire[2] и Hollywood Off-Ramp[3], а также для фильма Romantic Comedy 101[4], снятого для кабельного телевидения, в котором участвовали **Том Арнольд**[5] и **Джои Лоуренс**[6].

[1] **California State University, Northridge (CSUN)**

основан как филиал

Калифорнийского государственного университета, Лос-Анджелес в 1952г., с 1958г. – самостоятельный университет.

[2] **Огненный темперамент**(2005–2008) – американский подростковый телесериал.

[3] **Съезд в Голливуд**(2000) – сериал из 26 эпизодов об особенностях голливудского шоу-бизнеса.

[4] **Основы романтической комедии**(2002) – канадский фильм об особенностях съемок романтических комедий, реж. Питер ДеЛуис.

[5] **Tom Arnold** – американский актер и комик. Наиболее известен по фильму Правдивая ложь(1994), в гл.роли Арнольд Шварценеггер.

[6] **Joey Lawrence** – американский актёр, музыкант, певец, автор песен, продюсер, ведущий подкастов и игровых шоу.

Именно в Лос-Анджелесе, Уинстон писал пикантные тексты для различных компаний, выпускающих шоу для взрослых (включая Penthouse.com и Napali Video[1], где царит атмосфера «большой груди и женских драк»), и работал главным редактором журналов **Men**[2] и **Freshmen**[3], прежде чем отточить свои журналистские навыки в качестве редактора The Advocate[4]. Также он, – участник различных конкурсов в качестве вокалиста, чей развитый голос напоминает голливудских исполнителей прошлых лет, выпустил в 2012 году дерзкий, но проникновенный дебютный альбом *On the Edge/На краю*, где берет классический материал, переворачивает с ног на голову, выдавая его с блеском. Сейчас живет в Берлине, и весь свой опыт беззастенчиво продемонстрировал в электронном издании ExratsinBerlin.us[5]. Под его редактурой вышли антологии *Indecent Exposures/Непристойные разоблачения*[6], *Daddy Knows Best/Папочка лучше знает*[7], *Team Players/Команда*[8] и *Straight No More/Больше никаких натуралов*[9].

Среди его многочисленных источников вдохновения

[1] американская студия по производству порнографических фильмов. Основана в 1982г.

[2] **Мужчины** – журнал, первоначально дочернее издание, до 1997г. под названием **Advocate Men**, гей-журнала **The Advocate/Адвокат**, но более откровенное. Выходил с 1984 по 2009г.

[3] **Новички** – журнал, дочернее издание ж-ла **Мужчины**, но позиционирующее исключительно молодых моделей. Выходил с 1991 по 2009г.

[4] **Адвокат** – культовый американский гей-журнал. Основан в 1967г., входит по настоящее время. Тираж 175.000 экз.

[5] в настоящее время не поддерживается

[6] *Indecent Exposures: Gay Erotic Stories(2013)*, изд-во Bruno Gmünder Verlag

[7] *Daddy Knows Best: Gay Erotic Stories(2013)*, изд-во Bruno Gmünder Verlag

[8] *Team Players: Gay Erotic Stories(2013)*, изд-во Bruno-Books

[9] *Straight No More: Gay Erotic Stories(2013)*, изд-во Bruno-Books

- **Генри Роллинз** [1] и **Пэтти Херст** [2].

DAVID APRYS/ДЭВИД ЭПРИС родом со Среднего Запада, но также жил в Южной Калифорнии, Лондоне и далеко на юге США. Сейчас обитает в районе Чесапикского залива [3]. Неисправимый гедонист и внимательный наблюдатель за людьми, работал исследователем, внештатным автором журнальных статей и актером. В настоящее время сосредоточенно занят своим первым романом.

MICHAEL BRACKEN/МАЙКЛ БРЭКЕН, автор нескольких книг, включая роман о частном детективе *All White Girls* [4], но наиболее известен как автор почти 1000 рассказов, включая эротическую прозу в антологиях: *Best Gay Erotica 2013* [5], *Flesh & Blood: Guilty as Sin* [6], в журнале **Freshmen**, *Hot Blood: Strange Bedfellows* [7], *Model Men* [8], *Sexy Sailors* [9],

[1] **Henry Rollins** - американский певец, писатель, исполнитель разговорного жанра, актёр, комик и телеведущий

[2] **Patty Hearst** - внучка Уильяма Рэндольфа Херста, американского миллиардера и газетного магната, участвовала в ограблении банка в 1974г., в иной противозаконной деятельности, но по принуждению, поскольку была похищена в качестве заложницы в том же году. С 1979г. актриса, издала мемуары. В 2001г. полностью помилована Биллом Клинтонем, 42-м президентом США.

[3] **Chesapeake Bay** - залив Атлантического океана у восточного побережья США, между штатами Виргиния и Мэриленд.

[4] *Белые девушки* (2009), изд-во Wildside Press

[5] *Лучшая Гей Эротика 2013* (2012), изд-во Cleis Press. Редактор Richard Labonte/Ричард Лабонте, с предисловием от Paul Russell/Пола Расселла.

[6] *Плоть и Кровь: Вина как грех* (2003), изд-во Mysterious Press. Редакторы: Max Allan Collins/Макс Аллан Коллинз, Jeff Gelb/Джефф Гельб.

[7] *Горячая кровь: Странные любовники* (2004), изд-во Kensington Publishing Corporation. Редакторы: Michael Garrett/Майкл Гарретт, Jeff Gelb/Джефф Гельб.

[8] *Model Men: Gay Erotic Stories/Идеальные мужчины: Короткие гей-истории* (2011), изд-во Cleis Press. Редактор: Neil Plakcy/Нил Плакки.

[8] *Sexy Sailors: Gay Erotic Stories/Сексуальные моряки: Короткие гей-истории* (2012), изд-во Cleis Press. Редактор: Neil Plakcy/Нил Плакки.

The Mammoth Book of Best New Erotica 4[1], *The Mammoth Book of Erotic Confessions*[2], *Ultimate Gay Erotica 2006*[3], а также многих других. Живет и работает в Техасе.

LANDON DIXON/ЛЭНДОН ДИКСОН, автор рассказов в журналах **Men**, **Freshmen**, **Mandate**[4], **Torso**[5], **Honcho**[6]; и в антологиях *Straight? Volume 2*[7], *Friction 7*[8], *Wild Boys*[9], *Bad Boys*[10], *Black Dungeon Masters*[11], *Boys in Bed*[12], *Sex on the Mat*[13], *Lust in Time*[14], *Pay For Play*[15],

[1] Огромная книга лучшей новой эротики, том 4(2012), изд-во Robinson. Редактор: Maxim Jakubowski/Максим Якубовски.

[2] Огромная книга эротических признаний(2009), изд-во Robinson. Редактор: Barbara Cardy/Барбара Карди.

[3] Отборная Гей Эротика 2006(2005), изд-во Alyson Books. Редактор: Jesse Grant/Джесси Грант.

[4] **Мандат** – интернациональный гей-журнал. Выходил с 1975 по 2009гг. ежемесячно.

[5] **Торс** – гей-журнал. Выходил с 1982 по 2006гг.

[6] **Лидер** – гей-журнал. Выходил с 1978 по 2006гг.

[7] *Straight? Volume 2: More True Stories of Unlikely Sexual Encounters Between Men/Натурал? Том 2: Еще больше правдивых историй об удивительных пересечениях между мужчинами*(2003), изд-во Alyson Pubns. Редактор: Jack Hart/Джек Харт.

[8] *Friction 7: best gay erotic fiction/Фрикции*, выпуск 7: лучшие гей-рассказы(2004), изд-во Alyson Books. Редактор: Jesse Grant/Джесси Грант.

[9] *Wild Boys: gay erotic fiction/Дикие парни: эротические гей-рассказы*(2012), изд-во Cleis Press Inc. Редактор: Richard Labonte/Ричард Лабонте.

[10] *Bad Boys. When Men Come Together/Плохие парни. Когда они пересекаются*(2013), изд-во Xcite Books Ltd. Редактор: Lucas Steele/Лукас Стил.

[11] *Темнокожие игроки*(2012), изд-во STARbooks Pres. Редактор: Marcus Anthony/Маркус Энтони.

[12] *Boys in Bed: An Erotic Gay Anthology/Парни в постели: Эротическая гей-антология*(2013), изд-во Xcite Books. Редактор: Lucas Steele/Лукас Стил.

[21] *Секс на матах*(2014), изд-во STARbooks Press. Редактор: Eric Summers/Эрик Саммерс.

[22] *Страсть во все времена*(2013), изд-во MLR PR. Редактор: Rob Rosen/Роб Розен.

[15] *Pay for Play: Men Paying for Sexual Favors/Платная игра: Мужчины платят за сексуальные предпочтения*(2013), изд-во BOLD STROKES BOOKS. Редактор: R. Talent.

The Spy Who Laid Me[1], *Latin Lovers*[2], *Indecent Exposures*, *Daddy Knows Best*, *Straight No More*, *Team Players*, *Ultimate Gay Erotica 2005/2007/2008* и *Best Gay Erotica 2009/2014*; а также в сборниках рассказов *Hot Tales of Gay Lust*[3] выпуски 1, 2 и 3.

MIKE HICKS/МАЙК ХИКС — псевдоним писателя и редактора, чьи произведения публиковались в журналах **Men**, **Freshmen**, **Inches**[4], **Honcho**, **Unzipped**[5], **Torso**, **Playguy**[6] и **Mandate**, а также на веб-сайте графического художника **Патрика Филлиона**[7], где он стал автором хроники межпланетных эротических приключений гей-персонажей: Камили-Кот и Нейкед Джастис. Живет со своим партнером в Бостоне, штат Массачусетс.

VINCENT LAMBERT/ВИНСЕНТ ЛАМБЕРТ — журналист, блогер и фотограф из Нью-Йорка, освещающий индустрию развлечений для взрослых с 1996 года. Писал для многочисленных журналов, включая **Adult Video News**[8], **GAYVN**[9],

[1] *Шпион, соблазнивший меня*(2013), изд-во STARbooks Press. Редактор: Eric Summers/Эрик Саммерс.

[2] *Латиноамериканские любовники*(2013), изд-во Starbooks. Редактор: Marcus Anthony/Маркус Энтони.

[3] **Лэндон Диксон** *Возбуждающие истории гей-страсти*(2011), изд-во Headline Accent.

[4] **Дюймы** — американский гей-журнал. Выходил с 1985 по 2007гг.

[5] **Расстегнутый** — гей-журнал. Дочернее издание американского The Advocate. Изначально **Advocate Classifieds/Адвокат**.

Объявления, в 1997г. получил собственное название **Расстегнутый**. Выходил с 1992 по 2010гг.

[6] Выходил с 1976 по 2009гг.

[7] **Patrick Fillion** — канадский иллюстратор и автор комиксов с эротическими персонажами на гей-тематику.

[8] **Adult Video News/Новости видео для взрослых (AVN)** — оценивает фильмы для взрослых, отслеживает новости индустрии. Имеет собственную награду **AVN Awards**, церемония которой и памятный знак походят на церемонию и наградную статуэтку премии **Оскар**. Основан в 1983г., тираж 40 тыс. экз. Выходит по настоящее время.

[9] дочернее издание журнала **AVN**, о новостях в области гей-порно. В настоящее время выходит в электронном виде, в физическом до 2008г.

XBIZ[1], **Unzipped, Freshmen, Men, Latin inches**[2], **Black Inches**[3], **All-Man**[4], **Manshots**[5], **Inside Porn** и **HX**[6]. 12 лет был в жюри премии **GAYVN Awards**[7]. В 2007 году создал свой сайт **VincentLambert.com** с новостями гей-порно, сплетнями и другой информацией. Сейчас – ведущий блогер ресурса **GayDemon.com**[8].

BRETT LOCKHARD/БРЕТТ ЛОКХАРД – писатель, живущий в Нью-Йорке в окружении кактусов и других суккулентов.

GREGORY L. NORRIS/ГРЕГОРИ Л. НОРРИС живет и пишет на окраине Нью-Гэмпшира. Когда-то написал сценарий двух эпизодов сериала **Звёздный путь: Вояджер** [9], а также является автором справочника по всему, что связано с Саннидейлом[10] и Квир-путеводителя по сериалу **Баффи** – истребительница вампиров.

[1] **XBIZ World Magazine** – журнал деловых новостей и деловой информации о секс-индустрии. Выходит с 1998г. по настоящее время.

[2] **Латиноамериканские дюймы** – ежемесячный американский порно гей-журнал, обзоревавший латиноамериканскую гей-культуру. Выходил ок. 1997–2006гг.

[3] **Черные дюймы** – ежемесячный американский порно гей журнал, обзоревавший афроамериканскую гей-культуру. Выходил с 1993–2009гг.

[4] **Настоящий мужчина** – американский гей-журнал. Выходил ок. 1986–2003гг.

[5] **Мужская раскадровка** – международный журнал кинорецензий гей-порнографии. Включал интервью с режиссерами и актерами, оригинальные фотосессии в стиле гламур/мягкое порно, кадры из видео, специальные рецензии на новые фильмы и тп. Выходил 1988–2001гг.

[6] гей-журнал о ночной жизни, барах и тп. Выходил с 1991 по 2009гг.

[7] Премия того же журнала **AVN** за достижения в области гей-порно. Отдельную, ежегодную церемонию получила с 2000г. С 2011 по 2018гг. не вручалась.

[8] обзоры гей-видео с небольшими промо.

[9] **Star Trek: Voyager**(1995) – четвертый сезон легендарного сериала **Star Trek/Звездный путь**(1966).

[10] **Sunnydale** – локация, где происходят события сериала **Баффи** – истребительница вампиров(1997–2003).

Норрис регулярно пишет для различных национальных журналов и сборников художественной литературы, а также входил в состав жюри премии **Lambda Awards** 2012 года[1].

Его сайт: www.gregorylnorris.blogspot.com

ROB ROSEN/РОБ РОЗЕН (www.therobrosen.com), отмеченный наградами автор романов *Sparkle: The Queerest Book You'll Ever Love*[2], *Divas Las Vegas*[3], *Hot Lava*[4], *Southern Fried*[5], *Queerwolf*[6] и *Vamp*[7], а также редактор сборников *Страсть во все времена* (2013) и *Men of the Manor*[8]. Публиковал рассказы более чем в 180 сборниках.

Роман **NATTY SOLTESZ/НАТТИ ЗОЛЬТЕСа** *Backwoods*[9] взял премию **Lambda Literary Award** 2012 года

[1]

Lambda Literary Awards/Литературная премия Лямбда (Лэмми) – отмечает лучшие произведения в ЛГБТК+ литературе.

[2] *Спарккл: Самая квірная книга, которую вы когда-либо любили* (2001) – приключения друзей Спарка и Сикрета в Сан-Франциско.

[3] *Дивы Лас-Вегаса* (2009) – веселый роман о приключениях отвязной парочки в Лас-Вегасе.

[4] *Горячая лава* (2011) – роман о фееричных приключениях двоих друзей, переодевшихся трансвеститами на Гавайях.

[5] *Жаркое по-южному* (2011) – роман, гей-оммаж, легендарному циклу **П.Г.Вудхауза** *Дживс и Вустер* (1916–1974).

[6] *Квирвольф* (2012) – комические приключения друзей, Блейка и Теда.

[7] *Вамп* (2013) – роман о веселом приключении в старом замке, которым владеет очень странная семья.

[8] *Men of the Manor: Erotic Encounters between Upstairs Lords and Downstairs Lads/Домовладельцы: Эротические встречи между господами с верхних этажей и парнями с нижних* (2014), изд-во Cleis Press. Редактор: Rob Rosen/Роб Розен.

[9] *Захолустье* (2011) – истории о пикантной изнанке сельской Америки; о проселочных дорогах, задних дверях и задних комнатах городка Грум, штат Пенсильвания.

и сопровождался иллюстрациями Майкла Кирвана[1]. Рассказы же публиковались в таких журналах, как **Freshmen** и **Mandate**, а также в антологиях, таких как *Best Gay Erotica 2011*[2] и *Best Gay Romance 2010*[3]. Он является соавтором сценария порнофильма 2009 года *Dad Takes a Fishing Trip*[4]. Живет в Питтсбурге, штат Пенсильвания.

MARK WILDYR/МАРК УАЙЛДИР востребованный автор более шестидесяти рассказов и повестей, посвященных развитию сексуального самосознания и межкультурным отношениям, в журналах **Freshmen**, **Men**, а также в издательствах Alyson, Arsenal, Bold Strokes, Cleis, Companion, Green Candy, Haworth и STARbooks.

Но он и автор трех опубликованных романов: *Cut Hand* (исторический гей-роман)[5], *River Otter*[6] и *The Victor and the Vanquished*[7]. Роман *Echoes of the Flute* должен выйти весной 2014 года[8], а *Charley Blackbear* – осенью 2014 года[9].

Связаться с автором можно через его веб-сайт www.markwildyr.com

[1] **Michael Kirwan**(1953-2018) – плодовитый американский художник с характерным стилем эротических иллюстраций и комиксов.

[2] изд-во Cleis Press. Редактор: Richard Labonte/Ричард Лабонте.

[3] изд-во Cleis Press. Редактор: Richard Labonte/Ричард Лабонте.

[4] Папочка отправляется на рыбалку, реж. Tim Kincaid/Тим Кинкейд (он же Joe Gage/Джо Гэйдж).

[1] *Острая рука*(2010) – события романа разворачиваются в 19в., когда белый парень из переселенцев встречает местного, индейского парня.

[2] *Речная выдра*(2012) – события романа развиваются во времена Гражданской войны в США.

[3] *Победитель и побежденный*(2011) – гей-роман о индейском парне, начинающем скульпторе и американском художнике, также в исторических реалиях США 19-20вв.

[4] *Отзвуки флейты*(2014) – гей-роман также в исторической канве 19 века о любви и страсти в этом времени.

[5] *Чарли Блэкбер*(2014) – гей-роман о суровых американских лесорубах и их тонкой душевной организации.

ROGER WILLOUGHBY/РОДЖЕР УИЛЛОУБИ – интервьюер звезд эротического кино и автор рецензий порнофильмов в журналах **Men, Freshmen** и **Unzipped**. Увлекается рыбалкой и фильмами о **Роке Хадсоне** [1].

GERARD WOZEK/ДЖЕРАРД ВОЗЕК – автор сборника эротических стихов *Dervish* [2] и книги путевых заметок *Postcards From Heartthrob Town* [3].

[1] **Rock Hudson** (1925-1985) – легендарный американский актер характерного мужского образа. Один из первых, громких жертв СПИДа в шоу-бизнесе.

[7] *Дервиш* (2001), изд-во Gival Press, LLC. Отмечен премией Violet Crown Book Award 2002*.

[8] *Postcards From Heartthrob Town: A Gay Man's Travel Tales/Открытки из города Сердцеедов: Истории гей-путешественника* (2007), изд-во Haworth Press.

* Премия **Фиолетовая корона** основана в 1991г. Лигой писателей штата Техас, США.

БОЛЬШИЕ ПАРНИ на КАМПУСЕ

Университет, Колледж — это время, когда открываешь себя и приобретаешь важные навыки для будущего, но не все эксперименты происходят в лаборатории. А иногда твой сексуальный партнер по учебе хочет обсудить только одну анатомию, — твою.

В «Курсе свободных отношений» собраны пикантные истории о студентах, которые проводят в постели столько же времени, сколько и за учебой. Приготовьтесь к серии бессонных ночей, снова возвращаясь в университет, и переживите заново свои самые горячие учебные моменты, ни один из которых не произошел, конечно, в аудитории. Потому что единственный секс в университете или колледже, о котором вы жалеете, — это секс, которого у вас не было!